

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

В городе юности. Очерки / Качканар, 2012

Содержание

Содержание	1
ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ	1
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПАЛАТКИ!	2
И РЕКА СТАЛА МОРЕМ	4
И КАЖДЫЙ ДОМ ЕЙ РОДНОЙ <i>Нина Павловна Лукиных</i>	7
ДАРИТЬ ЛЮДЯМ ГОРОДА <i>Владимир Ильич Кусов</i>	11
ОНИ ВЕРИЛИ: ГОРОД – БУДЕТ! <i>Василий и Надежда Большагины</i>	13
ПЕРВЕНЕЦ <i>Елизавета Даниловна Иванова</i>	16
В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ <i>Юрий Анатольевич Спиридонов</i>	22
КУДА БЕЖИШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ? <i>Иван и Вера Святкины</i>	26
ТРИ СОСНЫ <i>Леонид и Руфина Нагорные</i>	29
С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ <i>Николай и Лидия Ведерниковы</i>	33
И ЭТО ВСЕ – О НЕМ <i>Петр Николаевич Карпухин</i>	40
ВЕРНОСТЬ <i>Герман и Тамара Раткевичи</i>	42
ПРОСТОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК <i>Владислав Анатольевич Карманович</i>	48
«НЕ ВЫЧЕРПАЛА ЖИЗНЬ МЕНЯ ДО ДНА» <i>Владислав и Людмила Зубаревы</i>	57
КОГДА ДУША ПОЕТ <i>Татьяна Вениаминовна Циганкова</i>	64
ДО БЕРЛИНА И РЕЙХСТАГА <i>Валентин Михайлович Попов</i>	74
РАСКОВАЛОВЫ	77
И СТАРОСТЬ ЕГО НЕ ДОГОНИТ <i>Николай Иванович Гаврилов</i>	80
ДАРЮ ТЕБЕ ЖИЗНЬ <i>Качканарские доноры</i>	83
ЗНАНИЯ ПРИХОДЯТ ЛИШЬ ПРИ ГОТОВНОСТИ ДУХА <i>Татьяна Ивановна Гусева</i>	87
ОТКРЫТАЯ КНИГА ТАЙГИ И ТРУДА	91

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

27 мая 2012 года Качканару исполнилось 55 лет.

Среди множества праздничных и торжественных мероприятий, посвященных этой дате, была красивая и необычная церемония: обращение к потомкам. На центральной площади, перед зданием городской администрации, была заложена капсула времени, которую наши потомки откроют через 45 лет.

Глава города **Сергей Набоких** ознакомил всех участников церемонии с текстом послания «товарищам потомкам»

«Не сомневаемся, что Качканар за эти годы не только сохранил себя, но и достиг новых рубежей. Залог нашей уверенности — качканарский характер, такой же прочный, как наша знаменитая руда, ради которой 100 лет назад в уральской тайге, у подножия величественной горы с загадочным и могучим названием Качканар, развернулась грандиозная стройка. Результат этой стройки – прекрасный город и горно-обоганительный комбинат, гигант горнорудной промышленности. Это сердце нашего города, от которого, как артерии, бегут железнодорожные пути, по которым несетя наша руда не только по России, но и за границу.

Это был настоящий подвиг. Об этом написаны книги. Удивительные люди, подарившие нам и вам этот город, — наши современники. Многие из них отмечены высокими

государственными наградами. В советское время государственный Знак качества имели наши агломерат и окатыши.

Мы пережили смену социально-экономического строя, выжили в штормящих бурях рыночной стихии. И сегодня, в год своего 55-летия, Качканар дает более 40 процентов добычи полезных ископаемых Свердловской области. При одном проценте численности населения всей области Качканар отгружает 3 процента товарной продукции региона. В бюджет страны и губернии от нас поступает более 3 миллиардов рублей, в то время как собственный бюджет – около 800 миллионов рублей.

В нашем городе 1,5 тысячи субъектов малого бизнеса, восемь школ, семь детских садов, колледж, пять спортивных школ, Дворец культуры, школа искусств, музыкальная и художественная школы. Мы не знаем, каким станет наш город через 100 лет после своего рождения, но мы верим, что это по-прежнему современный город, который любим и притягателен для всех, для кого он является малой родиной.

Мы рады, что нам есть к кому обратиться. Мы даем вам наказ: построить новые дома и кварталы, сохранить уральскую природу, пронести через года благодарную память об энтузиастах и патриотах города, о тех, кто шел первым.

С праздником вас, дорогие качканарцы, будьте счастливы! Любите город так, как любили его мы».

После того как капсула заняла свое место, ее зацементировали. Мраморная плита, водруженная сверху, содержит такой текст:

«Капсула времени»

Заложена 26.05.2012 года, в 55-летие города Качканара. Вскрыть 27.05.2057 года, в 100-летие города Качканара.

Мы вручаем вам свою веру в лучшее будущее, свои надежды и стремления. Мы любим вас, еще не зная, какими вы будете, но эта вера дает нам право думать: «Вы будете лучше нас!»

А какими были мы?

Капсулу с посланием потомкам заложили рядом со стелой, на которой уже много лет возвышается дорогие нашему сердцу слова.

Мы были созидателями. Мы построили в дар потомкам светлый город и могучий горно-обогачительный комбинат. Как начинался наш город юности? Какие люди живут в Качканаре? Пусть кратко расскажет об этом моя новая книга, которую я посвящаю первостроителям.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПАЛАТКИ!

В 2007 году, в канун 50-летия Качканара, позвонили первостроители и сказали, что хотят сфотографироваться на память около палаток. Мы собрались в здании городской администрации и потом дружно отправились в парк. К каменным палаткам шли пожилые люди, шли степенно, не торопясь, иные – прихрамывая, с тросточками. Здравствуйтесь, палатки!

День был пасмурный, он будто напоминал этим людям, что солнце их юности закатилось. Но их глаза спорили с погодой, излучая прежний юный свет. Память вернула первостроителей в прошлое, в то героическое время, когда здесь стояли их брезентовые палатки, чистые и светлые, как и помыслы зачинателей города юности. Здесь, в палаточном городке, был и первый очаг культуры и отдыха – танцевальная площадка из свеженьких досок. Поселиться в городке означало великую радость, поскольку палатки тогда были верхом благоустройства. Ведь начинать-то приходилось под открытым небом да в шалашах.

27 мая 1957 года в поселке Валериановске состоялся короткий митинг. Начальник первого строительного управления Семен Степанович Мальцев сказал:

– Ребята, вот там, на склоне горы Долгой, будет комбинат, будет город. Наша задача – прорубить туда дорогу. Будем лес валить...

И стали ребята лесорубами. Это была самая первая, самая востребованная тогда профессия. В руках «профессионалов» – топоры да пилы. Орудия – примитивные. Лес – густой. А цель – высокая. Она придавали силы и упорства. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валились деревья. Трасса уходила все дальше от Валериановска, и возвращаться после работы в поселок становилось утомительно. И лесорубы сооружали шалаши, чтобы, переночевав прямо на рабочем месте, дав короткий отдых натруженным рукам и ногам, утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. С каждым днем все ближе подходили к горе Долгой.

Обосновались у реки Выи, на месте будущей плотины. Опять поставили легкие шалаши, опять жгли костры, спасаясь от гнуса. Жили в шалашах, а в мечтах видели город у горы Долгой и комбинат. «По сколько часов работали – вспоминал Илья Машкин, – лесорубы не считали. Вставали в четыре утра, шли на делянку, в десять часов возвращались, отдыхали – и снова за работу, до десяти часов вечера... Четыре гектара леса под тело плотины вырубали, как говорится, одним махом».

И вот – большое событие, великая радость: привезли и установили три брезентовые палатки. И дождь теперь не страшен, и от комаров появилось хотя бы временное спасенье. Жили в палатках – а в мечтах видели город и комбинат. В начале июня вышли на то место, где сейчас стоит управление комбината. Занялись расчисткой леса под палаточный городок и улицы будущего города. Но город пока в будущем, а городок из белых брезентовых палаток вырос и заселился быстро.

Новоселы радовались. Железные кровати, настоящие: с матрацами и подушками, с простынями и наволочками, одеялами – какое богатство! И не беда, что почти вся мебель палаточного городка уже была в употреблении на «семерке», в соседнем закрытом городе. Не беда. «Есть у тебя тумбочка и кровать – и ты уже богат», – искренне считали первостроители, совсем не думая о том, что богаты и сильны они были своим духом.

По утрам вставали с хорошим настроением. Умываться бежали к ручейкам да ключикам. Умывальник, конечно же, был, длинный, со многими рожками, но его не хватало, поскольку поднимались все в одно время. Водопровод? Он, конечно, будет, будет в городе. А городок обходился временной деревянной насосной, сооруженной на реке Вые. Воду доставляли на лошадях. Столовая? Она тоже будет. И столовые, и кафе, и рестораны... А пока под открытым небом столы из длинных досок, навесы от дождей. Кухня тоже дощатая, но какие вкусные обеды готовили повара!.. А еще, тоже под открытым небом, была печь – большая кухонная плита, на которой готовили пищу семейные. Заставленная множеством кастрюлек, чашек, сковородок, «семейная» печь топилась почти круглые сутки.

Городок жил. Днем палатки пустели. Гора Долгая слышала, как стучали топоры, визжали пилы «Дружба», трещали трелевщики, тарахтели тракторы. А геодезисты уже вели разметку первых улиц: Качканарской и Октябрьской. Все верили: город – будет! Возвращались в палатки усталые, но довольные. По вечерам в палаточном городке играла гармошка, звучали песни и частушки, на танцплощадке кружились пары. Или шли в «кинотеатр» под открытым небом. Ближе к осени появился «клуб» – две соединенные палатки. В этом сооружении с земляным фундаментом, дощатым полом да невысокой сценой демонстрировались фильмы, проходили концерты и праздники. Удивительный это народ – первостроители. Пришли в тайгу, где ни дорог, ни жилья. Вынести жару и холод, бытовой неуют, грязь и распутицу, мусор, без которого не бывает ни одной стройки. Но большинство из них, вспоминая первые качканарские годы, говорят не о трудностях, а о том, как весной буйно цвела черемуха, а осенью рдели гроздья рябины.

– В лесу речка бежит, чистая, прозрачная. Много черемухи и смородины. А какой воздух! – восторгалась и Нина Федоровна Литвиненко, рассказывая о том, как она, назначенная комендантом палаточного городка, «приехала на колесе груженого самосвала» из Валериановска к первым палаткам в районе будущей плотины. И добавила: – И такая в природе тишина, такая тишина...

Молодая женщина, чью юность опалила и оглушила война, наслаждалась целительной тишиной тайги. Шум и грохот стройки тоже ее исцеляли, ибо это были не губительные и разрушительные звуки, это была музыка созидания. На первых порах Нина Федоровна робела. Привыкшая общаться по-фронтовому официально, кратко, сухо, она опасалась, что не найдет нужного тона в общении с ребятами и девочками, такими разными и такими похожими. Но все у нее получилось. Требовательный и строгий комендант, она была и заботливой матерью, и добрым советчиком, и надежным другом. А ведь этой мудрой женщине было тогда только тридцать три года.

На смену палаткам вставали дома, у горы Долгой вырос рабочий поселок. И стала Нина Федоровна секретарем поселкового Совета. Она с каким-то материнским волнением вспоминает, как регистрировала первых младенцев, рожденных в Качканаре. Марина Ульданова, Саша Спиркин, Алеша Лукиных, две сестрички Ожеговы, Оля Потемкина – называет многих, помнит даже дни их рождения. А Нину Федоровну помнят все первостроители. Многие из тех, кто поменял местожительство, до сих пор поддерживают с нею связь.

Через несколько лет поехала она в Новополоцк, к Потемкиным (Михаил Потемкин на ударную стройку приехал вместе с первыми моряками, а Татьяна Степановна, ставшая потом его женой, была первой операционной сестрой в Качканаре). Белорусский Новополоцк понравился Нине Федоровне, и особенно тем, что в этом городе, который на год моложе Качканара, есть памятник палатке. Скромный и очень простой в исполнении памятник. Тронуло это Н.Ф.Литвиненко, и как-то обидно стало за наш город юности. Возвращалась она из Белоруссии с идеей построить в Качканаре памятник первостроителям. И он появился. Здравствуйте, палатки!

Листаю подшивку «Качканарского рабочего» за 1982 год. На первой странице номера от 22 мая – огромный снимок; рядом с новорожденными палатками – первостроители. Как много их было тогда, в год 25-летия Качканара! С тех пор прошло тридцать лет. Уходит славное поколение романтиков, энтузиастов, созидателей. А построенный ими светлый город уже шагнул в двадцать первый век. И стоит в нашем парке скромный памятник. Пускай же «не зарастет к нему народная тропа». Пусть приходят сюда юные качканарцы, чтобы сказать: «Здравствуйте, палатки!» Чтобы поклониться тем, кто оставил им в дар Качканар.

И РЕКА СТАЛА МОРЕМ

Вот такой пейзаж. Узнаете, дорогие качканарцы? Конечно же. Особенно первый вид. Он хорошо знаком всем. Даже малышам, которые летом бывают на пляже, чтобы вместе со взрослыми позагорать и поплавать, а то и прокатиться на лодке по морю, которое, уверены дети, здесь было всегда.

А вторая картина знакома лишь тем, кто ходил по дну будущего водохранилища. Здесь тоже было море, «зеленое море тайги», веками прятанное небольшую речку Выю. Вот она – видите? – поблескивает узкой лентой на переднем плане снимка. Лес уже вырублен и вывезен. Видны кучи валежника. Горят и дымят костры. Люди чистят дно.

«Неужели весь этот простор – для меня?» – должно быть, думает Выя, продолжая привычное течение. Она еще не знает, что встретит однажды плотину – и придется ей повернуться. Это для нее нетрудно: ведь Выя – значит шея. Нет, она не остановит свой бег, но почувствует, что становится все шире, полноводнее – и однажды услышит, что ее

уже называют морем, качканарским морем. Она даже прославится на весь Советский Союз как «самая большая река».

Жили-были в то время артисты-юмористы Штепсель и Тарапунька. «Ты знаешь, какая река самая большая в стране?» – спрашивает Штепсель. Тарапунька гадает: «Волга? Лена? Енисей?» – «Да нет, – отвечает Штепсель. – Это уральская река Выя: уж сколько лет перекрывают ее качканарцы – и никак перекрыть не могут!»

Да, перекрывать реки непросто. Это хорошо знает Выя, на которой за несколько лет было построено три плотины. Первая должна была задержать воду для нужд будущего комбината. Выя помнит, что окрестные сопки и долина реки были исхожены геодезистами и геологами. Они повсюду оставили свои следы: просеки в зарослях, шурфы, столбики реперов и теодолитных точек с короткими надписями и цифрами.

Затем место изыскателей заняли гидростроители. И вот уже долину перегородила каменная насыпь нижнего бьефа плотины. А в скальном теле горы пробивает траншею для донного водоспуска комплексная бригада Николая Наумченко, о которой в июне 1961 года газета «На стройке Качканара» писала: «Медленно, метр за метром продвигаются вперед рабочие, перфораторами и кайлами дробя неподатливый грунт. За ними идут плотники, ставят опалубку, арматурщики ставят стальной каркас. И вот уже в форму из дерева и стали сыплется бетон из «чулка», поднятого стрелой бешенного крана. Медленно и неуклонно вытягивается бетонная труба водоспуска... Над долиной разносится тревожный вой сирены – предупреждение о том, что сейчас последует серия взрывов на вершине сопки. Рабочие прекращают работу и прячутся в укрытие. Гремит взрыв, и над сопкой встает косматый султан серого дыма и пыли. Свистящие звуки обрываются ударом. Это падают камни. Недалеко от водослива, где по желтой сырой глине только что ходил каток, теперь редко стали возникать фонтанчики. Сирена замолкла. Каток опять двинулся, оставляя за собой дырчатые следы. Девушка в красной косынке пошла по глине, поливая ее водой из шланга. На плотину один за другим заходят несколько самосвалов и торжественно разворачиваются. Грохочет камень. Самосвалы уходят за очередной порцией...»

Успешно работал коллектив гидростроительного управления треста «Уралспецстрой» и весной 1962 года закончил сооружение плотины шламоохранилища. – и узенькая Выя стала широким водоемом, тем самым первым, который необходим будущему предприятию. А гидростроители занялись второй, белее мощной плотинной. Она тоже очень нужна. И не только для того, чтобы создать новый крупный водоем. Ведь между карьером, где станут добывать железную руду, и корпусами горно-обогажительного комбината – глубокая впадина. Выйская плотина пересечет ее и откроет путь для железнодорожных составов с рудой.

Работали по-ударному. Рассчитывали, что весной следующего, 1963 года Выйскоеохранилище станет заполняться водой. За очистку затопляемой зоны горячо взялись все качканарцы. В июне и июле на воскресники выходили тысячи человек. Но постепенно общественная активность пошла на спад, и трест «Качканаррудстрой» предложил Азиатскому леспромхозу вырубить деревья и кустарники на площади около 150 гектаров. Стройуправлению №6 необходимо было убрать валежник и окончательно расчистить 45 гектаров. «Но людей до сих пор нет. Леспромхоз направил сюда 90 человек, а надо вдвое больше. Можно ли при этом ждать хороших результатов? – задавалась вопросом газета «Уральский рабочий». – Когда строилась плотина шламоохранилища, спиленные деревья не вывезли. Руководители треста обещали летом выловить их с помощью катеров, но не сделали этого. В результате много срубленных деревьев затонуло. Странно, что за это никто не понес наказания. Неубранный лес и кустарник не только засоряют и загрязняют пруд, но и забьют донный водоспуск, что может привести к большой аварии на плотине Выйского гидроузла». «Не сдерживайте гидростроителей!» – призывал «Уральский рабочий» зимой 1962 года, указывая и на другие проблемы, сдерживающие темпы строительства.

Да, для задержания вод весеннего паводка на Выйской плотине предстояло сделать еще немало, чтобы в итоге соединить железнодорожные пути левого побережья с правым. Это было сделано 14 марта 1963 года. В этот день через плотину прошел первый тепловоз, сделавший пробный рейс. А когда закончатся все мелкие работы, откроется регулярное движение составов по маршруту карьер – комбинат. Дорога к качканарской руде открыта. Газета «На стройке Качканара» благодарила бригаду дорожников Н.Шустова, комплексную бригаду Наумченко, всех строителей, механизаторов, взрывников и приводила несколько цифр, показывающих огромный труд этих людей. Забетонирован «зуб» длиной 440 метров, ушло 3000 кубометров бетона, уложено суглинка в тело плотины 100 тысяч кубометров, в перемычку плотины уложено 450 тысяч кубометров скального грунта. Полностью готов донный водоспуск, представляющий собой тоннель длиной около 250 метров; его высота – восемь, ширина – три метра; внутри свободно может работать автокран; 10 тысяч кубометров бетона и арматуры ушло на это сооружение.

Далее строителям предстояло закончить бетонирование двух башен высотой 18 и более 40 метров. А впереди – строительство вторых очередей шламохранилища и Выйской плотины. Кроме того, предстояло построить еще и третью плотину. На это ушли годы. Выя видела, как с течением времени меняется и ее течение. Ее, спокойную таежную реку, сначала удивил и напугал грохот стройки. Этот грохот не умолкал ни днем, ни ночью. Шоферы, бульдозеристы, экскаваторщики перешли на «казарменное» положение. В тепляках, тесовых избушках тесными рядами выстроились кровати. Машина с надписью на кузове «Техпомощь» доставляла сюда из столовой обеда и ужина. Работа кипела. И вот, догадывается Выя, приближается что-то очень важное. Вот, переваливаясь с боку на бок, вылезает на гору «МАЗы»; устало положив хоботы на кучу камней, замирают экскаваторы, будто желая убедиться, не осталось ли каких огрехов; пятится с плотины бульдозер и пристраивается в шеренгу машин, развернутых широким фронтом к ней, к реке, которая на глазах людей становилась морем.

А люди все прибывали, желая посмотреть на это море у подножья горы. Грянула музыка. Подъемный кран подхватил белый катер и бережно опустил на воду. На носу его заколыхался морской вымпел, который еще совсем недавно обдували соленые ветры Балтики. В Качканар его привезли демобилизованные матросы и бережно хранили до этого радостного дня. Парни в матросских бушлатах и бескозырках заняли места у штурвалов. Заурчали моторы, и катера, развернувшись, стремительно понеслись вдоль плотины, совершая круг почета. А вслед им неслось громкое «ура!» Люди волновались. Волновалась-плескалась и Выя, чувствуя, что становится все шире и глубже. Тогда она еще не знала, что будет воспета в стихах уральским поэтом **Львом Сорокиным**.

Речка Выя

*Здесь под схватки ножжевые
Мыли золото-песок.
Речка Выя,
Речка Выя
Превращалась в ручеек.*

*С каждым днем она мелела,
Как старателей дела,
Но, как в мыле,
В пене белой
В наше время протекла.*

Вые мощную плотину

*Подарили сто ребят,
Чтоб крутила им машины
И пошла комбинат.*

*Время пробует на вечность
Берега, плотину, дно.
Даже маленькую речку
Морем делает оно.*

Выя становилась все шире и глубже, да и мысли ее стали более глубокими. Она поняла, что на ее берегах начинается новая жизнь. Раз появились моряки – значит, она уже не река, а море.

Было немного грустно, что в этих краях не стало больше речки Выи. Но рожденные водоемы хранят не только ее воду, но и ее имя – и это радует. Верхневыйское водохранилище разлилось на 180 гектаров, из которых 34 гектара находятся в соседнем Пермском крае. А Нижневыйское водохранилище – это 562 гектара, в том числе 44 гектара – на пермской территории. Глубина – 10-15 метров, а в районе плотины – 40 метров. Нет, не зря этот водоем, который начал заполняться лишь в 1966-67 годах, романтики-первостроители назвали качканарским морем, где теперь любят отдыхать качканарцы. А водоем, созданный в верхнем течении реки, снабжает горожан питьевой водой. И Выя гордится своим новым предназначением. Она благодарна людям, которые пришли однажды в тайгу и вдохнули жизнь в маленькую речку Выю, а она вдохнула жизнь в гигант-комбинат и в светлый современный город. Имя ему дала гора, о которой речка Выя не знала, не ведала. А теперь эта гора отражается в зеркале качканарского моря.

И КАЖДЫЙ ДОМ ЕЙ РОДНОЙ

– Все мы из-за Саввиной горки, – сказала как-то Адель Елькина о первостроителях.

Зов Качканара прозвучал на всю страну. И страна услышала. Но кто откликнулся на призыв быстрее всех? Конечно же, те, кто был рядом: за Саввиной горкой и горой Качканар. Ребята и девочки Косьи, Иса, других близлежащих поселков стали первыми строителями города юности в уральской тайге. Вот одна из них, девушка из поселка Ис.

Нина Баталова была в семье единственным ребенком. А мама, Фаина Ивановна, оказалась единственным родным человеком в жизни девочки. Когда отца, Павла Александровича, призывали на военную службу, Нина была еще мала. Папа пришел из армии в 1938 году. Жена и пятилетняя дочка радовались его возвращению и счастливой жизни в полной семье. Три года, только три года судьба подарила Нине для общения с отцом, сильным и красивым, добрым и справедливым человеком. В 1941-м началась война и папа ушел воевать.

– Последнее его письмо мы получили в феврале 1942 года, – рассказывает Нина Павловна. – Наши письма на фронт стали возвращаться обратно с пометкой: «Выбыл в другую часть, адрес неизвестен». Но мама продолжала писать. Писала, надеялась, ждала.

– Живой наш папка, Нина, живой! Не верь глупым разговорам и плюнь в лицо тому, кто скажет, что папка погиб.

И девочка как-то раз действительно плюнула в лицо одному старику и убежала, обливаясь слезами... Время шло, и шла война, мать и дочь все ждали весточки с фронта. И вот однажды почтальонка принесла пакет, отдала его Нине, поскольку мама была на работе. Нет, писал не папка. В пакете были его документы, печальное извещение да справки о денежном пособии на ребенка... Вот и все?.. И это – все, что осталось от папки?.. Понять такое невозможно. И как сказать об этом маме?

Вот эти страшные бумаги, вот мужской велосипед и патефон, купленные отцом перед войной... А еще у них осталась память. Осталась верность, которую мама хранила до конца дней своих... Надо было жить дальше, учиться в школе, работать. В 1946 году маму свалил тиф – думали: не поднимется. Поднялась, но потеряла слух: стойкая глухота на оба уха. На работу не принимали. Стала шить на дому. С заказами к ней приходили преподаватели техникума и другие односельчане, быстро оценившие умелые мамины руки. Нина тоже научилась шить, вышивать. Вот так и жили – на небольшой доход от своей «швейной мастерской» да на скромное папино пособие.

Но вскоре с папиными денежками пришлось расстаться. В 1949 году Нина окончила семь классов Исовской средней школы и поступила в геологоразведочный техникум. Училась хорошо – и получала стипендию. И тут ей сказали, что она не должна получать два государственных пособия: «Стипендия или пособие – выбирайте». Посоветовались они с мамой – и выбрали стипендию, которая была на пять рублей больше. Было непонятно. И обидно. Особенно за папу. Стипендию-то она зарабатывает хорошей учебой. А папа? Его как будто никогда и не было на этом свете?

Боль утраты пришла к ней вместе с тем печальным пакетом. Но особенно обострилась эта боль, когда после войны стали возвращаться фронтовики. Вернулись, конечно, не все. И не все были такими черствыми, какими оказались ближайшие соседи. Живые, здоровые, они ни разу не посочувствовали, не подошли и не спросили, как живется без отца Нине и ее маме. Хорошо устроились, а их дочери щеголяли в красивых платьях. Нет, не завидовала Нина их нарядам. Было очень обидно. «А если бы сейчас, – думала она, – встали из земли все погибшие – как посмотрели бы им в глаза вот такие благополучные и равнодушные? Не стыдно?» Наверно, именно тогда девочка-подросток впервые задумалась о несправедливости в жизни.

А жизнь продолжалась. В 1953 году Нина закончила техникум – вышла с дипломом геофизика и с мужем. Евгений Лукиных, родом из Ирбита, был на семь лет старше ее. Спокойный, добрый, надежный. Техникум их познакомил и соединил навсегда. Совместную жизнь супруги Лукиных начинали в закрытом городе Челябинск-39, куда муж был направлен по линии министерства внутренних дел. Работали под подпиской о неразглашении: Нина геодезистом на поверхности, а горняк Евгений – под землей. Работали, пока были нужны этой стройке. Потом в их трудовой биографии был Нижний Тагил. Там они и услышали про Качканар.

– Я поехала сразу, – говорит Нина Павловна, – потому что на стройке геодезисты нужны раньше, чем горняки. А Евгений еще два года жил и работал в Тагиле. Начинаясь июнь 1957 года, когда Нина прибыла в родные края. Сначала – на Ис, к маме и сыночку-первенцу Юре. Потом с рюкзаком – до Саввиной горки, а дальше на попутном самосвале в Валериановск. Там, в поселковой школе, размещался генеральный штаб качканарской стройки. Подождала, пока закончится оперативка, которую вел старший прораб Ерофеев, и обратилась к Мальцеву, начальнику первого строительного управления.

Волновалась, хотя у нее, дипломированного геофизика, был уже опыт геодезиста, приобретенный в Челябинске-39 и Нижнем Тагиле. Внимательный и немногословный Семен Степанович сказал:

– Вот тебе Бут, он все скажет и объяснит.

Юрий Васильевич Бут был первым геодезистом на стройке. Теперь их стало двое.

– И тут же какие-то девушки подхватили меня и повели устраиваться с жильем, – вспоминает Нина Павловна. – Жила я в маленькой избушке у женщины, по имени Анфиса. А на чердаке жил Саша Михеев.

Да, в те дни поселок был перенаселен; комсомольцам-добровольцам валериановцы предоставили все, что могли: комнатухи и коридоры, сараи и сеновалы, чердаки. Из Валериановска первостроители начали штурм тайги и наступление на Долгую гору.

– А когда появились палатки (их построили быстро), мы переселились туда, – рассказывает Нина Павловна.

Через несколько лет, выступая перед качканарскими школьниками, она будет с гордостью говорить о своей профессии.

– Кто первый идет по стройке? Конечно, геодезист. В чем заключается его работа? Вот имеется план будущего города. На плане нанесены все здания и сооружения со всеми подземными коммуникациями. Каждому объекту отведено свое место. И вот геодезист должен все это с бумаги с большой точностью перенести на местность... Мне очень запомнился мой первый рабочий день. В первую очередь я познакомилась с планом будущего поселка. Вот улицы Октябрьская, Качканарская, Мира в деревянными домами. На местности, в осях этих улиц, проектировщики уже пробиты колышки, прорублены узенькие визирочки среди вековой тайги. И вот мы шли по этим условным улицам, не шли, а лезли через валежник, пробивались через лес, обозначая колышками места будущих домов. А мысленно представляли широкие улицы с асфальтированными дорогами и тротуарами. Мы знали, что люди живут в палатках, что уральское лето короткое, скоро зима и надо переселяться в дома. Нужны медпункт, магазин, а детям а первому сентября – школа. В погожие дни распорядок дня был такой: завтрак – работа, обед – работа, ужин – и опять работа, дотемна.

Что еще характерно для того времени? Что молодежь ехала сюда не за заработком. Вот и я, оформляясь в отделе кадров, не спросила, сколько буду получать за свой труд. Мы приехали, чтобы построить в тайге город и комбинат.

Нина Павловна рассказала ребятам о палаточном городке и о лежневой дороге, о кинотеатре под открытым небом и танцевальной площадке, о первом парикмахере, рабочее «кресло» которого стояло под березой да раскидистой рябиной. И, конечно, о профессии строителя – самой мирной на земле.

Обо всем за один классный час не расскажешь. Ведь в жизни первостроителей было немало трудных и торжественных моментов, радостных и трогательных.

– Прихожу однажды с работы, – вспоминает Нина Павловна, – а на моей кровати муж мой лежит: приехал из Нижнего Тагила на первое свидание с женой.

Приятная неожиданность. Для Евгения тоже неожиданность. Выехал он при полном параде: в белом чесучовом костюме и туфлях. А до Качканара пришлось добираться на самосвале с углем. Вот теперь лежит и ждет, когда высохнет его костюм, который уже успела постирать Шура Полякова.

– Неужели бы женщина в тайгу в белом платье поехала? – удивляется моя собеседница. И все равно было очень приятно.

Вот еще один момент.

–Чтобы завтра же вас здесь не было! – приказным и недовольным тоном говорит главный инженер Вергелис ей и Нине Васильевой, которая приехала позднее и тоже была геодезистом – Отправляйтесь в общежитие по Качканарской, там уже кровати приготовлены. Чтобы в палатке я вас больше не видел!

И начинаются радостные хлопоты с переселением.

Там, где еще недавно геодезисты размечали будущие улицы, уже поднялись деревянные дома. В один из них по улице Октябрьской вскоре переехали Нина и Евгений Лукиных. Квартира, правда, там была с подселением. Ну и что? Так жили многие. Забрали у мамы Юру, привезли в Качканар. Не сразу, но все же устроили в детский сад. Мальчик был активный, любознательный. Если он болел, присылали в няньки какую-нибудь девушку, чаще всего Лиду Юмину, чтобы Нина, как специалист востребованный, могла выйти на работу.

Работы было много. Да и трудностей немало.

– Семен Степанович, – говорит Нина Мальцеву. – Инструментов не хватает: теодолит всего один, нивелир один...

– Иди работай! – отвечает он. – И с такими мелочами не приходи. Ты, что ли, в тайге живешь? Есть у нас строящийся ГОК, есть «Спецстрой» – проси! И чтоб больше я таких разговоров не слышал!

Ходила, просила, добивалась. Не хватало инструментов, не было спецодежды, многого не доставало. Но поселок поднимался. А тайга продолжала испытывать строителей на прочность. Вот, казалось бы, горы, скалы, но во многих местах струились родники, было сыро, а в низинах вообще болото. И тучи комаров! Боролись с ними всячески. Какой-то жидкостью смазывали руки и лицо. Использовали дымовые шашки. Над лесом и поселком с самолета распыляли дуст.

– Вот однажды несу я воду на коромысле. И тут, почему-то очень низко, пролетел самолет – дуст, конечно, на меня и в ведра с водой. Пришлось вылить и снова идти к водовозке. Пришла, но вода в цистерне уже закончилась: всю разобрали.

Вот такие мелочи жизни, такие вот издержки таежного быта, с которыми приходилось мириться. Но как смириться с настоящим горем, которое настигло Лукиных в 1959 году: умер их второй сын, младенец Георгий. Оправились от потери лишь через год, когда родился Алеша.

И тут сразу скажу о братьях Лукиных. Юра и Алеша росли пытливыми, подвижными и очень музыкальными мальчиками. Бывало, мама на кухне картошку чистит, а Юра для нее на пианино играет. Он тонко чувствовал музыку и мог по слуху сыграть любую мелодию на пианино, гитаре, трубе. И службу в армии проходил он в музыкальном взводе. Любой музыкальный инструмент подвластен и Алеше, который хорошо знает нотную грамоту.

– Если у нас семейный праздник, то с музыкантами не проблема: есть два брата – и больше никого не надо. Сыновья все организуют, сыграют, споют. А мама сидит и радуется, – рассказывает Нина Павловна. – И синтезатор есть, и караоке...

Кстати, о праздниках. Пожалуй, самый яркий и торжественный был в 2003 году – золотая свадьба Лукиных. Она проходила в «Ремэлектро». Евгений Васильевич, отдавший многие годы Качканарскому ГОКу, последние семнадцать лет работал в «Ремэлектро». А Нина Павловна всю жизнь проработала в одном коллективе – в СУ-1 треста «Качканаррудстрой».

Летом 2011-го у Лукиных был еще один большой праздник; все дружное семейство: дети, внуки, правнуки – поздравляли Евгения Васильевича с 85-летием. Это было 26 августа. А 31 августа стало самым трагическим днем для Нины Павловны и Евгения Васильевича: они потеряли своего первенца Юру. Болезнь оказалась сильнее этого крепкого, мужественного человека. Вот такая она, наша жизнь – добрая и жестокая, понятная и непредсказуемая, с белыми и черными полосами.

Сейчас Нине Павловне, убитой безутешным горем, вся жизнь представляется одной черной полосой. Из героической палаточной юности вспоминаются теперь только таежная грязь да бытовой неуют.

– Что знали мы, приисковские девчонки? – рассуждает она. – И хорошо, что лучшего-то в жизни не видели – вот и вынесли, вытерпели все на ударной комсомольской стройке.

Сейчас в ее страдающем сердце все слилось в один черный комок: обиды и несправедливости, ранившие ее в детстве; нынешняя боль и обида за первостроителей, незаслуженно забытых.

– Почему бы одной из улиц Качканара не дать имя Мальцевых: Семена Степановича и Миры Михайловны? – говорит Нина Павловна. – Старшее-то поколение знает об их заслугах перед городом. Но неужели вместе с нами уйдет и память о Мальцевых?... Уж не один раз мы обращались с этим предложением к городским властям – но бесполезно: достучаться до них невозможно.

Она с болью говорит о черствости чиновников. Но при упоминании о Мальцевых глаза женщины светлеют. И я вспоминаю, какими светлыми были ее беседы со школьниками.

– Конечно, ребята, трудно. Надо только в нужный момент настроить себя на эти трудности – и все получится. Человек красив своим трудом. Когда я прохожу по городу,

возле «своих» домой, в которые вложен мой скромный труд, – так радостно становится на душе! Я горжусь людьми, построившими Качканар. Это наш город. Он стал родиной наших детей и внуков, вашей родиной, ребята. Любите и берегите его. И помните о тех, кто построил Качканар, чтобы подарить его вам. Помните. И эту память передайте вашим детям.

ДАРИТЬ ЛЮДЯМ ГОРОДА

Был прохладный пасмурный день в середине сентября. Я сидела в гостях в одном из домов по улице Школьной, пила кофе. А на десерт радушный хозяин поставил на стол полную тарелку клубники. Крупные ягоды, яркие и сочные, источали запахи лета.

– Как будто только что с грядки, – изумилась я.

– Да, вон с той грядки; снял вчера. Посмотрите в окно.

За окном моросил дождь. А клубничная грядка вся была в белом цвету и терпеливо ждала солнца. Было бы тепло – этот поздний сорт еще долго бы плодоносил. Но зеленые ягоды уже не созреют. И грядка украшает осенний сад своим белопенным цветением. Да на яблоне еще красуются спелые плоды.

С плодами и цветами, с добрым урожаем встречает свою восьмидесятую осень Владимир Ильич Кусов. А 55 лет назад, тоже осенью, он впервые ступил на качканарскую землю, буквально – на землю, в лес, когда все еще было впереди. А что осталось позади? Остался старательский поселок Косья. Остался отчий дом. Построенный прадедом деревянный дом, чьи стены уже два века хранят тепло предков. Дом, в котором всегда было многолюдно, но никогда не было тесно. Дом, в котором прошло детство Володи Кусова.

Закончил семь классов Косьинской школы.

– На Ис не поеду! – категорично заявил родителям.

В этом районном поселке был геологоразведочный техникум, определивший судьбу многих косьинских ребят и девочек, которые после школы отправлялись на Ис: а куда еще, если техникум рядом? Владимир не пошел этой проторенной тропой:

– Поеду в Молотов!

Собрали ему заплечную котомку – и отправился решительный подросток на станцию Теплая Гора. Прошел пешком сорок километров, а дальше на поезде – до Молотова (так в те годы именовалась Пермь). Поступил в коммунально-строительный техникум. Жил в общежитии, скромном деревянном доме с удобствами во дворе. Учился увлеченно. Вышел дипломированным специалистом по строительству и эксплуатации жилого фонда. Вернулся на Косью, в приисковое управление. Работал на строительстве плотин для драг. А в 1954 году призвали Владимира в армию. Три года служил под Москвой, в гвардейском минометном полку. Демобилизовался 23 августа 1957 года.

А 23 сентября был уже в Качканаре.

Комендант палаточного городка Нина Федоровна Литвиненко выдала матрац:

– Устраивайся!

Устроился он в палатке, где вместе с молодежью жила семейная пара Потеряхиных. Рядом с их отдельной «комнатой», прямо у матерчатой стенки, и была свободная кровать, на которой «прописался» Владимир Кусов.

На службе приучив себя к порядку,

Без звука поселились Вы в палатку.

И ничего, что морозец иногда бодрил.

О сколько было тогда у Вас сил!

Так через много лет напишут ему друзья в одном из юбилейных фотоальбомов. А вот что вспоминает Лидия Бебкова, первая девушка-мастер на стройке:

– Прибыл молодой мастер Владимир Ильич Кусов. Тогда еще просто Володя, он отличался необычайной серьезностью, увлеченностью своим делом. Чем-то он напоминал многоопытного старшего прораба Александра Алексеевича Ерофеева. Скорее всего, одержимостью в работе. Он без устали обходил строящиеся объекты, выявлял «узкие места», помогал решать возникающие проблемы. Будучи затем старшим прорабом, начальником управления, Владимир Ильич редко пользовался служебным транспортом – предпочитал пешком обходить строящиеся объекты. Если на минуту представить, что все следы сапог Кусова вдруг «проявились», то на стройке вряд ли нашлось бы место, где их не было. Он отлично знал каждый объект.

Сам Владимир Ильич, вспоминая палаточный быт, тоже очень тепло отзывается об Александре Алексеевиче. И как хорошо, что рядом с молодежью были тогда такие строители и заботливые руководители, как старший прораб Ерофеев и главный инженер строительного управления Евгений Иванович Вергелис.

– Я не знаю, когда Вергелис спал, – говорит Владимир Ильич. – Каждую ночь заходил он в палатки, проверял, не спит ли дневальный, поддерживает ли он огонь в печке-буржуйке, не случилось ли где загорание.

А случалось всякое. И вспоминает Владимир Ильич один праздничный день.

– Пятого декабря был день Сталинской Конституции. На праздник мы ушли домой, на Косью. А шестого декабря вернулись – палатки нашей нет: сгорела. Взяли мы с Ильей Машкиным у коменданта матрацы и пошли на «охотный ряд». И там, в бухгалтерии, спали на столах три или четыре ночи... Потом в доме по Октябрьской дали нам комнату на троих.

В этой комнате Владимир жил до августа 1958 года. В августе женился – они с Татьяной получили отдельную комнату и радовались, что у них есть жилье.

А жи лья требовалось все больше: в Качканар прибывали все новые люди.

– Строили мы быстро. Бригады плотников были большие, работали в две смены. Дома росли, как грибы. Приближалась зима, и всем надо было где-то жить.

И Владимир Ильич рассказывает о том, о чем обычно не говорят. О том, что Качканар строили не только комсомольцы-добровольцы. Не секрет, что на многих «стройках века». «стройках коммунизма» использовался труд заключенных. А качканарская стройка оказалась одной из первых, где заключенных не было. Но был «спецконтингент» – условно освобожденные, с которыми В.И.Кусову приходилось тесно общаться.

Мы хорошо знаем нашу улицу Октябрьскую. Длинная, прямая, она полого идет вниз, а потом взбегает на пригорок, заканчиваясь большим плакатом. Когда начинался Качканар, на этом пригорке был густой лес и росли могучие кедры. В 1957 году пригорок стал жилым. Здесь появились и брезентовые палатки, и даже баня. Это было временное поселение условно освобожденных, чья рабочая сила потребовалась ударной молодежной стройке.

– Работали они хорошо, – рассказывает Владимир Ильич. – Водку не пили, дисциплина была. Вместе с комсомольцами строили котельную, овощехранилище, механические мастерские.

Сейчас события полувековой давности возникают в его памяти, как отдельные кадры в кино, как узоры в калейдоскопе – одни тускло, другие ярче.

Вспоминается, как построили клуб, который, как и первые дома, первые качканарские объекты, был деревянный. И вот праздник. Зрительный зал полон. Радостный народ ждет с нетерпением начала. Но что-то забастовал занавес – долго возились с ним. Наконец отрегулировали. Можно начинать. Но забастовал Барчук, главный качканарский пожарный:

– Не позволю, нельзя, не разрешаю. А если загорится? Людей полон зал!

А люди ждут, а Барчук не разрешает: не все требования пожарной безопасности соблюдены. А праздника хочется!.. Еле уговорили. Барчук обеспечил дежурство

пожарных на сцене и в зале – и праздник состоялся. Пожара не случилось. Горели лишь страсти, восторги, рукоплескания.

Молодежь строила новый город, строила свою жизнь, тянулась к культуре, к знаниям. «Днем на работу – вечером в школу» – такова была заповедь многих.

Владимир Кусов в 1959 году тоже пошел в школу рабочей молодежи. Вольнослушателем: надо было освежить знания по математике, физике, химии.

– Сидел я на последней парте. Меня не спрашивали. Лишь иногда поднимали, чтобы кому-нибудь помочь. И вот тогда я «отличался». Проучился в ШРМ первую и вторую четверти, а в январе 1960-го пошел на подготовительные курсы в Свердловский горный институт. Тогда как раз в Качканаре, по улице Новой, открылся учебно-консультационный пункт, – говорит мой собеседник. – Слушателей на курсах было очень много. Борис Гартунг, Юра Камаев, Людмила Глушкова, Галя Чернушкина, Аня Комарова и другие строители, а кроме них, Борис Шелюгин, Евгений Туруев, Юрий Бабкин, Виктор Цыканов, Павел Порываев – да всех не перечислишь, да уж теперь и не вспомнишь, забывается...

Но он не забыл ту творческую обстановку, ту дружбу и взаимопомощь, которая объединяла студентов-заочников при подготовке к экзаменам, к защите дипломов. Собирались группами, делали расчеты, порой очень сложные. А арифмометров только три – в большинстве обыкновенные счеты. Вот ведь какое «допотопное» было время. Хорошо, что Кусов был «мастером логарифмической линейки».

– Все вместе поступили, – говорит он, – и все вместе в 1966 году закончили институт.

И «допотопные» инструменты не помешали им стать хорошими специалистами на службе строительном тресте и горно-обогатительному комбинату, на службе Качканару.

От первых палаток до современного благоустроенного города, от мастера и прораба до управляющего трестом «Качканаррудстрой» – славный путь прошел мой сегодняшний герой, который позднее, уже в пенсионном возрасте, был заместителем начальника МБУ «УГХ», начальником отдела капитального строительства МБУ «УГХ». Он руководил строительством радиозавода, завода ЖБИ объединения «Запсибнефестрой», птицефабрики, второй очереди Лайского свинооткормочного комплекса. Под его руководством построены жилые дома, детские сады и школы, магазины, детская больница и другие объекты. С его участием в уральской тайге вырос светлый город Качканар, который однажды назвал В.И.Кусова своим Почетным гражданином.

Среди прочих званий и наград (а их у него немало) – орден «Знак Почета», звание «Почетный строитель России», памятная медаль «90 лет ВЛКСМ». Пусть эта медаль почаще возвращает Владимира Ильича в его комсомольскую юность, когда он вместе с молодыми энтузиастами строил в уральской тайге город Юности. Как помнят об этом его друзья, которые подаренный ему фотоальбом не случайно открыли такими словами:

*Не каждому дано так щедро жить –
На память людям города дарить!*

ОНИ ВЕРИЛИ: ГОРОД – БУДЕТ!

Девушка шла по лесу, прислушиваясь к птичьим голосам да к перезвону топоров невдалеке. Она только что добралась сюда из Баранчи и искала своего отца, который работал сторожем в палаточном городке.

– Степан Иванович Безруков? Знаем, знаем... Склад у нас вон там, – сказали ей, и девушка заспешила к указанной палатке.

Степан Иванович Безруков и кладовщик Александр Алексеевич Проскуряков были заняты своим нехитрым хозяйством. Не успела девушка поздороваться, как к палатке подошли два рослых парня. Они получили на складе гвозди и что-то очень долго возились с ящиком.

– Интересно получается, – сказала девушка. – Такие большие, а сорок килограммов унести не могут...

– Так. может, вы можете?.. Отказываетесь?.. Ну и зря. Ведь вполне вероятно, что вот этот плотник Вася станет вашим мужем. А вы с ним так непочтительно.

Обидеться она не успела: парни удалились. А девушка обратилась к отцу: забот у нее тоже немало.

Не успела как следует устроиться с жильем – над тайгой опустился вечер. Ожил палаточный городок, потом наступило недолгое затишье, и вдруг прямо из-за деревьев полилась музыка. То нежная и грустная, то веселая и задорная, приправленная чьим-то звонким смехом, она так и манила к себе. И девушка отправилась на зов тальянки. На небольшой площадке были танцы. Молодежь в рабочих комбинезонах и сапогах кружилась в вальсе, пела, смеялась. А недалеко от площадки стояла большая печь – настоящая, русская. Как в сказке: в лесу, под открытым небом – печь! Девушка сначала удивилась, а потом подумала, что без такого вот очага в палаточном городке не обойтись.

– А вот и я. Разрешите? – прервал ее мысли чей-то голос. В высоком парне, с густой волнистой шевелюрой, девушка узнала плотника Васю. Бросила на него колкий взгляд, с минуту подумала, потом доверчиво положила руку на его плечо. Парень бережно и уверенно повел ее по кругу.

Неужели и впрямь это ее судьба? И откуда взялся этот плотник Вася?

А он из Косьи – поселка, что по другую сторону горы Качканар. Там и жила семья Большагиных. У Евдокии и Василия было шестеро детей. Вася – младший. Самый старший, Александр, погиб на войне. Остальные уже обзавелись семьями и жили своими домами. И только младшенький, вернувшийся из армии, оставался неустроенным. В родном поселке работы не было. Маломощный леспромхоз не мог принять всех желающих. Да и парню хотелось испробовать себя в чем-то настоящем. И в зиму 1956-го он ушел с поисковой партией под Ивдель. Но уже через полгода мать писала ему: *«Вася, сынок, вертайся домой. Здесь, на Качканаре, будут строить комбинат. Сказывают, народу много понадобится. Работы всем хватит. Да и семью уже пора тебе заводить. Так что приезжай обратно, сынок, порадуешь мать»*.

И он вернулся. И услышал зов Качканара. С друзьями Амиром Садыковым да Юрием Касьяновым отправились в путь, пешком через гору, как и другие их земляки-добровольцы. В Валериановске нашли начальника строительного управления Мальцева.

– Будете валить лес. Когда понадобится, на стройку возьму, – сказал Семен Степанович.

27 мая 1957 года Василий Большагин в составе бригады А.Шишкина рубил лес под будущее водохранилище. Все у них тогда было в будущем, в которое они очень верили, потому что верили в себя. Будет – город. А пока есть палаточный городок и рождается таежный поселок. Народ все прибывает, и проблема жилья с каждым днем обостряется. А плотник Вася уже строит дома по улице Октябрьской.

– Механизации никакой: ни большой, ни малой. Все на руках да на плечах, – вспоминает Василий Васильевич. – В день принимали по 25 машин бетона. Нелегко... А вечером куда усталость девалась – смех, галдеж, танцы под гармошку. Молодые были, здоровые – силы быстро восстанавливались. А танцплощадка у нас была прямо в центре палаточного городка.

Ах, этот удивительный городок! Ах, эта танцевальная площадка в уральском лесу! Ах, эта дерзкая, колючая девушка! И откуда она появилась тем летним солнечным днем?

А Надя Безрукова просто решила навестить отца. Степан Иванович, много лет отдавший горнорудной промышленности, теперь, в немолодом уже возрасте, оказался на комсомольской стройке и охранял все хозяйство палаточного городка. Сюда из поселка Баранчинского, где пока оставалась семья, и прибыла его дочка Надя. Прибыла на день-два, а осталась навсегда. Для нее, недавней выпускницы Нижнетагильской школы бухгалтеров, сразу нашлось много дел в СУ-1, куда ее приняли счетоводом.

Принял город юности Надю и Васю. И они его приняли всей душой, приняли с бытовым неуютом, строительным мусором, с верой в его завтрашний день. Без Качканара уже не мыслили своей жизни. И друг без друга.

Летом 1957 года их познакомил палаточный городок, а летом 1958-го они поженились.

– Шестого июня мы с Васей сыграли свадьбу, – рассказывает Надежда Степановна. – Нас уговаривали на комсомольскую, а мы застенялись. Отметим скромно, по-семейному. Зато подарок нам свадебный вручили – лучше не бывает: ключ от комнаты в новом доме. Вася сам тот дом и строил. Девять квадратных метров на двоих! Это роскошь, мечта!

Из мебели у нас одна кровать была. Стол Вася сам сколотил. Одну табуретку дали родители, другую заменил ящик. Мне и сейчас кажется, что лучше и нарядней той комнаты не было. Может, потому, что все это уже в прошлом, но кажется, что тогда мы жили лучше, веселее. Умели радоваться всему: и первой столовой с земляным полом, и первой баньке на четыре шайки, и первому дому, и первой улице. Может, потому, что были молодыми, не избалованными жизнью, а может, и потому, что все это было первое, построенное своими руками.

Строили город, строили свою жизнь. Когда в Качканаре открылись первые курсы шоферов, Василий, не раздумывая, пошел учиться – и продолжал строить город юности уже за баранкой автомобиля.

– А без шоферов не было бы и Качканара, – убежден он. – Все грузы на стройку шли через нас: железной-то дороги еще не было. А как работали? Бездорожье. Десять метров проехал – опять буксуешь. Резина лысая. Найдешь старые покрышки, срежешь боковины, вмонтируешь протектор в скат, лишь бы камера наружу не вылезла, и опять едешь... А зимой? Бывало, все еще спят, а ты уже у машины. Гаражей тогда еще не было, под открытым небом стояли. Одно ведро с горячей соляжкой под двигатель, второе под коробку, третье под дифер. И следишь, чтоб, не дай бог, не загорелось: бензобак-то рядом. Пока раскочегаришь ее, матушку, семь потов с тебя сойдет. Если у кого-то что не ладится – наваливаемся сообща. У шоферов законы армейские: сам погибай, а товарища выручай. Иначе нельзя. Иначе пропадешь.

– А помнишь, Вася, как ты первый раз на уборочную поехал? – вспоминает Надежда Степановна. – в 62-м это было. Прибегает домой радостный такой, аж светится весь. Поздравь, говорит, меня: в числе лучших шоферов еду на уборочную в Курганскую область. Я в рев. Он растерялся, смотрит на меня виновато. А когда вышли на улицу, глянула я на колонну, и стыдно мне стало. Машин пятьдесят, наверно, было. И все под флагами. Музыка, цветы, митинг, прямо как в праздник. Я сразу успокоилась. «Езжай, Вася, – говорю, ни о чем не беспокойся: все будет хорошо». А вернулся он с Почетной грамотой. И потом каждый год ездили наши водители помогать сельским труженикам и всегда возвращались с грамотами и благодарностями. Умели они держать марку качканарцев, – с гордостью за мужа и город юности говорит Надежда Степановна. – а в 1965 году их снимало Свердловское телевидение.

Не раз поощрялся Василий Большагин «за долголетнюю и добросовестную работу на автомобильном транспорте». Да, много лет отдал он нелегкой, но любимой работе, ушел на пенсию только в 70 лет из родного коллектива автобазы №5.

Надежда Степановна много лет работала в первом строительном управлении, где ее ценили как хорошего специалиста. А заканчивала трудовой путь на комбинате. В одной из почетных грамот говорится: «Работая долгое время в бухгалтерии Качканарского ГОКа, вы приложили много сил и старания в улучшении учета и контроля хозяйственной деятельности. В огромные достижения комбината вложен и ваш скромный труд»

Читаю эти слова и думаю о скромных ребятах и девчатах, построивших город и комбинат – и язык не поворачивается назвать скромным их труд, который был героическим, хотя первостроители героями себя не считали. Романтики, они видели в мечтах светлый город. Великие труженики, они осуществили свою мечту – и вот он, этот

прекрасный, самый молодой в области город, где подрастает уже третье поколение качканарцев. Чистый, благоустроенный, и очень зеленый – таким встречает Качканар своих юных граждан.

А когда в 1959 году пришел в этот мир Сережа Большагин, картина была иная. В тайге поднимался деревянный поселок, но его уже звали городом юности, который так же приветливо встречал новорожденных, компенсируя недостаток уюта родительской заботой и любовью. Вместе с городом юности рос и Сережа: ходил в ясли и садик, учился в школе и ГПТУ, получил рабочую специальность, создал семью – радовался жизни. Радовались и родители. Но пришел 1986 год..

Было лето. Сережа на мотоцикле уехал на Косью навестить родственников. Надя и Вася работали в саду. Вдруг там появилась Галина, живущая на Косье двоюродная сестра Василия. Обрадовались, хотя и удивились ее неожиданному визиту. После короткого, не очень понятного предисловия Галина сказала:

- Надя, не волнуйся, Выпей валерьянки, Надя...
- Зачем? Что случилось?
- Горе случилось, Надя: Сережа в тяжелом состоянии.
- Почему? – мать не могла собраться с мыслями. – Где он?
- Да здесь он, Надя, в Качканаре. На «скорой» привезли. Не волнуйся...

Несчастье случилось на Косье. Сергей ехал на мотоцикле по улице. И вдруг около школы на дорогу выбежали дети. Чтобы не сбить их, он резко повернул в сторону – и врезался в столб...

С тех пор прошла уж четверть века, но родительские раны кровоточат. Где взять лекарство?.. А вот оно: Сережины дочери Наташа и Марина,ые сейчас уже взрослые женщины. Вот Юра, второй сын Большагиных, который на десять лет моложе Сергея. Юра тоже закончил профтехучилище, отслужил в армии, работает экскаваторщиком на Главном карьере, растит сыновей. Костя – студент Свердловской горной академии, Слава – старшеклассник школы №7. Хорошие внуки, достойные внучки – бальзам, который лечит душу, продлевает жизнь.

А самое надежное лекарство – это любовь и верность, которую так бережно несут Большагины. Листаю фотоальбомы, перебираю различные грамоты, праздничные открытки, юбилейные поздравления. И вот что написал Василий Васильевич своей жене в день ее 55-летия.

*Мне так светло с тобою рядом,
Цветет ли май, идет ли снег.
Моя ты радость и награда,
Мой самый близкий человек.
Жена, жена – какое слово!
Жена, жена – какой в нем свет!
Всю жизнь с тобой идти готов я,
Любви конца и края нет!*

– До встречи с ним я даже ни с одним парнем подружить не успела, – будто с сожалением говорит Надежда Степановна. – Он первый и единственный...

Она улыбается, а из глаз льется молодой и дерзкий свет, как тогда в палаточном городке, который познакомил и соединил Надежду и Василия навсегда.

ПЕРВЕНЕЦ

В конце мая 2007 года Качканар отметил свое 50-летие. Было торжественно, празднично, весело. И об этом знали все. А через два с половиной месяца, 14 августа 2007 года, тоже 50 лет исполнилось Валерию Иванову, первому младенцу, чей крик огласил палаточный городок и первое качканарское лето. Но по случаю Валеркиного юбилея не

было торжеств, какие обычно сопутствуют первым. Самым первым. Город ничего не знал. Лишь в небольшой мастерской по обработке деревянных изделий, где работал сторожем наш юбиляр, его скромно поздравили и преподнесли в дар новую одежду и обувь. А еще через несколько дней, 9 сентября 2007 года, этот золотой юбилей стал кроваво-красным. Несколько ножевых ударов в горло – и горячей рекой, ручейком, капельками вытекла из Валерки вся его полувековая жизнь.

Сегодня, в год 55-летия Качканара, хочу вернуться в то время, когда начинался город юности, и рассказать о Валерке и его маме Елизавете Даниловне.

Елизавета Даниловна возвращалась с работы. Вечер уже опустил на город сумерки, зажег электрические огни. В их свете кружились снежинки и медленно падали вниз – не снежинки, а целые хлопья, крупные, пушистые. И откуда нынче столько снега? Ведь еще октябрь, а уже белым-бело. И от этой белизны вся улица кажется светлей и шире, и дышится так легко! Под ногами хрустит снег, а деревья, что стоят вдоль дороги, по-осеннему нарядны и ярки. И так прочно держится на них сухая листва. Говорят, что это к суровой зиме.

Она сняла варежку и долго смотрела, как тают снежинки на ладони. На какой-то миг вспомнилось детство, война; на миг печалью сжалось сердце – женщина ускорила шаги, торопясь уйти от грустных мыслей. Вообще-то она не любит грустить, да уж, видно, день такой сегодня.

Весь день Елизавета Даниловна обрезала обои. Бригада, членом которой она является, вела отделочные работы в одном из домов нового микрорайона. Красивые обои, светлые, жильцам понравятся. Вот лежат эти обои – рулон как рулон, грубоватая серая бумага. А развернешь его да присмотришься – и заиграет он всеми красками, всеми черточками и линиями. Елизавета Даниловна аккуратно резала обои, и тугие рулоны напоминали ей собственную жизнь, длинную, с незатейливыми узорами.

«Сколько уж я прошагала, сколько отмерила? – думала она, идя по заснеженной улице. – Верстами не сосчитать, а годы все при мне».

Она медленно повернула ключ в двери и вошла в свою квартиру. Завтра здесь будут гости – самые близкие и родные. И Валерка с семьей. Вот смотрит он из рамки на стене и улыбается. Как быстро годы-то летят! Совсем большой стал Валерка... Не заметила, как вырос? Нет, сказать так – значит сказать неправду. Время быстро летит – это точно. А дети... только чужие растут незаметно и скоро, а свои всегда остаются для матери детьми.

Елизавета Даниловна смотрела на фотокарточку сына, и сердце билось взволнованно-радостно, как тогда, в пору ее молодости, когда она готовилась стать матерью.

«Тук-тук-тук, так-так-так», – стучало сердце. А под сердцем билась новая жизнь: тук-тук, так-так... «Там-там-там Кач-ка-нар», – выбивали вагонные колеса.

«А где он и какой, Качканар? – думала Лиза. – Там, наверно, ни врачей, ни больницы нет».

– Все там есть, не волнуйся. Все будет прекрасно, – говорил ее муж. – Ведь это не просто стройка, а ударная. Комсомольская. Давай собираться – и едем! Ведь мы строители.

Долго агитировать не пришлось. В словах Саши было столько убежденности, а в глазах столько юношеского задора, что Лиза поверила: он хочет быть там, куда сегодня устремилась молодежь всей страны. Ну. Что ж? Ехать, так ехать. По чемодану в руки – и двинулись. Все вместе. Шесть семей, работавших ранее на строительстве Соколовско-Сарбаевского горно-обогатительного комбината..

И вот стучат вагонные колеса. Лизины спутники еще спят, а она проснулась, едва забрезжило утро. Позади остались степи, начинались леса и горы. На востоке алела полоска зари. Вставал завтрашний день, и колеса пели: «Там-там-там Кач-ка-нар...»

На небольшом станционном здании было написано: «Нижняя Тура», а в воздухе звучало: «Качканар».

– Вот и в Качканар приехали, – сказала проводница Лизе и вопросительным взглядом скользнула по ее фигуре.

– Привет качканарцам! Здравствуйте, строители!

– Кому на Качканар? Поехали!

С шутками-прибаутками они разместились в грузовике, и машина покатила по дороге. Саша бережно поддерживал жену. Лиза чувствовала его сильные руки, слышала его спокойное дыхание – и верила: все будет хорошо. Навстречу бежал лес, тронутый первой зеленью, облитый солнечным светом. Начиналось лето 1957 года.

... Их палатку называли семейной. Здесь уютно и чисто. Каждое утро все семьи уходили на работу, а Лиза занималась несложным домашним хозяйством. В свободное время бродила по лесу.

Звонят пилы, стучат топоры, гудят машины, идет строительство. Бескрайние лесные дали, холмы да увалы, и большая гора, где скрыты, говорят, несметные богатства. И люди. Которые пришли сюда. Чтобы эти богатства взять. Так вот ты какой, Качканар – непонятный, суровый, заманчивый...

Рядом с палаткой – молодая липка. Тянет к солнцу кудрявые ветки, шелестит на ветру листвою, приветливо кивает Лизе. Лиза нежно гладит темный ствол; тоненькая липка, но стойкая, гнется на ветру, да не ломится – крепко пустила корни в родную землю. Любит Лиза эту липку и молчаливо беседует с ней.

А еще она любит разговаривать с комендантом палаточного городка Ниной Федоровной Литвиненко. Да и кто не любит эту женщину, которая для всех как мать родная, заботливая и добрая, требовательная и ласковая.

Когда Лизе стало плохо, рядом оказалась Нина Федоровна. Она быстро достала где-то машину, ободряюще улыбнулась Лизе и Саше: все будет хорошо! – и вместе с ними отправилась в путь.

А путь нелегкий, некороткий. Мчит грузовик по туринскому тракту, грязь летит из-под колес: недавно прошел дождь. Шофер Леня Чуркин знает: надо спешить, но спешить надо осторожненько, и он ловко ведет машину.

Вдруг навстречу автоинспектор на мотоцикле. Поднял руку: остановись, мол. Но Леня лишь махнул рукой и промчался мимо. Инспектор – за ним. Наверно, думает: «Все равно догоню, все равно накажу!»

– Все равно догонит, – говорит Лиза, глядя из кузова на убегающую дорогу. – Попадет Чулкину, обязательно попадет. Ой! – новый приступ боли заставил забыть об инспекторе и о шофере.

В Нижней Туре машина остановилась. Медсестры и нянечки в белых халатах заботливо окружили Лизу. Уходя с ними, она заметила растерянное лицо автоинспектора, который махнул рукой и повернул мотоцикл обратно.

... Семейная палатка ожила. Сюда то и дело заходили люди, чтобы поздравить Лизу и Сашу с сыном. Уже вся стройка знала. Что 14 августа 1957 года родился Валерка – качканарский первенец. Лиза видела, что все гордятся Валеркой и его матерью, хотя ни она, ни ее сын ничего замечательного пока не совершили. Валерка совсем еще маленький, но уже окружен большой любовью строителей. Он не знает еще ни одного слова, а строители уже мечтают о том, кем он станет, когда вырастет, и даже спорят, какая профессия лучше... Так вот ты какой, Качканар, – добрый, внимательный, дружный!.. Лиза заботливо пеленала своего первенца, укладывала в деревянную кроватку, а когда в палатке стало холодно (приближалась зима), захлобучивала кроватку теплым шерстяным одеялом.

В канун Октябрьских праздников молодая семья получила квартиру по Октябрьской улице. Это была первая улица Качканара. В тайге поднимался рабочий поселок, а вместе с ним рос и Валерка-качканарец. Лиза была счастлива. Да недолго.

Однажды утром, как всегда, Саша ушел на работу. Сказал, что поедет в Нижнюю Туру, где тогда находилось управления треста «Качканаррудстрой». А вечером домой не

вернулся. Ни вечером, ни на другой день, никогда. Разное потом говорили о нем: запутался, сделал растрату, струсил... А Лиза знала одно: это – предательство. Но не могла понять: как так можно? Ведь как красиво говорил! Жить хотел по-комсомольски, работать по-ударному, радовался сыну – и вдруг сбежал, скрылся позорно, трусливо, даже не предупредив, не поставив в известность...

Валерка лежал в кроватке и беспечно агукал, а Лиза плакала от обиды и унижения. За окном печально пели ветры, ветры первой качканарской зимы. Почему-то вспомнилась липка. Как живется ей там, на морозном ветру? Захотелось погладить ее, провести теплой рукой по холодной коре. Нет, не сломится липка, перезимует и снова будет встречать весну. Лиза вытерла слезы:

– Ничего, Валерка, перезимует и мы...

Так вот ты какой, Качканар! Ты проверяешь людей на прочность и не любишь слез. Не нужны тебе красивые слова – ты любишь людей дела.

А что делать?... Забыть, забыть этого человека, который испугался первых же трудностей. Вычеркнуть из памяти, из документов его фамилию. Так и договоримся, сынок: у нас с тобой своя фамилия – Ивановы. Отныне и навсегда. Это во-первых. А во-вторых, мама пойдет работать. Ты, конечно, невелик: четыре месяца – разве это возраст для мужчины? Отдать бы тебя в ясли, да их еще нет. Но ясли обязательно будут, ты только подожди немного. А пока подомовничай. Посидишь один.

И сын сидел лома, вернее, лежал в кроватке. А Лиза работала. Тут рядышком. По соседству. И в течение дня навещала его. Забегали к Валерке и другие: перепеленают, накормят, успокоят, если ребенок плачет. Ловкие женские и неумелые мужские руки заботливо лелеяли, качали первого качканарца.

...Воспоминания бежали волна за волной, и Елизавета Даниловна не гнала их прочь. Такое с ней случается нечасто: наверное, только в канун дня рождения, когда в одиночестве хочется поразмыслить над прошлым, заглянуть в будущее. Она сходила в спальню, принесла оттуда самое заветное: папку с солдатскими письмами сына, газеты, альбомы с фотокарточками. Потом уселась поудобней на диване, поджав под себя ноги, как девчонка, и стала неторопливо листать альбомы.

Вот первые детские ясли, первая Валеркина воспитательница Октябрина Григорьевна Дудина в кругу своих питомцев. Вот первый качканарский детсад. Веселье. Смеющиеся дети бегут куда-то. И среди них Валерка Иванов в матросском костюмчике и бескозырке. Елизавета Даниловна вдруг отчетливо услышала их звонкие голоса и смех.

1964 год. Валерке, как и Качканару, исполнилось семь лет. В августе строители отмечали свой профессиональный праздник. Было о чем рассказать в этот день: Качканар вырос и похорошел, построен горно-обоганительный комбинат, который уже выдал свою первую продукцию; сверкают окнами школы и детские сады.

Елизавет Даниловна помнит, как сидела она в многолюдном зале Дома культуры «Строитель», от души аплодировала своим друзьям и была счастлива. Она помнит, как на сцену, где чествовали Героя Социалистического Труда А.В.Мурашова поднялся ее Валерка, вручил знатному строителю цветы и произнес три слова: «Слава герою Качканара!» Александр Васильевич поцеловал Валерку. И зал дружно аплодировал им.

А в сентябре Валерка пошел в первый класс, в новую, только что построенную школу №3. Вот на фотокарточке их класс и первая учительница Татьяна Михайловна Суфиянова, которую Валерка очень любил.

Вот и первые документы сына: грамоты за активное участие в жизни пионерского лагеря, свидетельство о восьмилетнем образовании, аттестат об окончании профтехучилища. Вместе с документами мать бережно хранит ручные часы – подарок сына после его первой полочки.

А эта маленькая книжечка удостоверяет, что она, Е.Д.Иванова, в 1959 году окончила курсы маляров при учебно-курсовом пункте треста «Качканаррудстрой». С тех пор она бессменно работает в коллективе пятого строительного управления.

...Сидит Елизавета Даниловна, перебирает семейные реликвии, она бережет их для своего внука. Вот он, бутуз Димка, смотрит на снимке на бабушку и смеется. И эта детская улыбка будит в ней новые воспоминания.

Однажды Елизавете Даниловне приснилось, будто в квартиру к ним залетел голубь, тот больной голубь, за которым они когда-то ухаживали, пока он не поправился. На работе она рассказала свой сон подругам по бригаде.

– Ой, Лиза, приедет твой Валерка, вот увидишь!

Елизавета Даниловна и впрямь ждала сына. Но не потому, что голубь приснился. Она верит не снам, а людям. Как только родился Димка, она отправила письмо в часть, где служил Валерий, и ждала. Неужели не поймут, не откликнутся на ее убедительную просьбу? Может, и писать-то не стоило: ведь это армия, там порядки строгие. Но какая-то тревога не давала покоя, и мать в письме рассказала об этом.

Конечно, Валерка женился рано. Елизавета Даниловна помнит ту ночь, когда сын впервые не пришел домой вовремя. Чего только тогда она не передумала!.. Строго судила себя. Не просмотрела ли Валерку? Капков ее сын? Дома он внимательный, ласковый, по хозяйству всегда помогает, и посуду, и пол может вымыть не хуже девчонки. И никакой работы не боится. Но ведь это – дома. А что за его порогом? Какие у него друзья? Где вот и с кем пропадает до полночи, до утра? И чем занимается? Нет, нет, сама виновата! Ослабила контроль, рано посчитала взрослым. А может быть, очень устала? Нет, нет, нет, матери нельзя уставать... Тяжелая это была ночь.

А потом в ее жизнь вошла Нина, ясноглазая симпатичная девушка. Свадьба была скромной, но молодые светились счастьем. Елизавета Даниловна все смотрела на них, и казалось ей, что жених и невеста похожи друг на друга, как брат и сестра, только у Валерки глаза голубые, а у Нины как смородинки. И так ей хотелось, чтобы дети пронесли свое счастье через всю жизнь. Смогут ли? Хватит ли у них мудрости? Уж очень молоды. Тревожно за них. Радостно и тревожно.

Проводили Валерия в армию. Он писал хорошие, теплые письма – мать радовалась и тревожилась. Родился Димка – снова радовалась и тревожилась. Сама она выросла в детском доме. Валерка рос без отцовского глаза – так пусть же у Димки будет все, чего были лишены его бабушка и отец. А отец в армии, далеко. Будет ли он по-настоящему любить сына, если не услышит его плача, не подержит на руках это беспомощное красненькое существо?

А не написать ли письмо командиру? Рассказать про все сомнения и тревоги, посоветоваться, попросить... Писала она долго и сбивчиво. Отправила и стала ждать. И Валерка приехал. Но не потому, что сон оказался вещим, а потому, что добрые, умные люди услышали ее материнскую тревогу. И она была благодарна этим незнакомым людям. В эти несколько дней, пока Валерий был дома, он не отходил от ребенка, и бабушка с радостью наблюдала, как молодые родители хлопочут над сыном.

– Береги их, мама, – сказал Валерий, уезжая, и прослезился.

И потом в каждом письме только и разговоров было, что о Димке.

... Да, вырос Валерка. Вырос Качканар и его люди. Первый на качканарской земле Герой Социалистического Труда Александр Васильевич Мурашов, которого приветствовал семилетний Валерка, стал первым Почетным гражданином города. От души аплодировала ему Елизавета Даниловна.

Было это 27 мая 1977 года во Дворце культуры, где проходило торжественное собрание, посвященное 20-летию Качканара. Вместе с переполненным залом она аплодировала всему, чего достиг Качканар за два десятка лет.

А потом, когда начался концерт, весь зал рукоплескал ей, Елизавете Даниловне. Звучали стихи и песни о Качканаре. Сердцем слушала она каждое слово, вспоминала прошлое и по-хорошему волновалась. Когда ведущие заговорили стихами о первом качканарце Валерке Иванове, ей показалось, что с волнением не справиться. А когда ее пригласили на сцену: «Дорогая Елизавета Даниловна, встречайте своего сына!» – она

долго не могла встать с кресла. И вот она на сцене. Валерий, в военной форме, стройный и красивый, смущенно обнимает и целует мать, а она плачет и плачет – от неожиданной встречи, от благодарности людям. А в праздничном зале гремят аплодисменты.

... В волнении Елизавета Даниловна прошла по комнате, подошла к окну. На улице по-прежнему валил снег. Крупные хлопья ложились на землю, на деревья, которые упрямо не хотели расставаться со своей сухой листвой. Говорят, это к суровой зиме.

«Ничего, перезимуем», – подумала Елизавета Даниловна и вспомнила свою подружку-липку.

Давно уже нет семейной палатки, а липка жива. Тянет к солнцу кудрявые ветви, шелестит на ветру листвой, приветливо кивает прохожим. И никакие бури ей не страшны: выросла, похорошела. Дала молодую поросль – крепко пустила корни в качканарскую землю.

А ныне эта возмужавшая липа вместе с Качканаром встречает его – пятьдесят пятую весну. Но нет уже ни Елизаветы Даниловны, ни ее сына.

В тот праздничный день 1977-го Качканар, пожалуй, в последний раз так нежно и горячо обнимал своего первенца. Город, видимо, справедливо решил, что Валерий вырос и уверенно пойдет по жизни. А Валерий, отправляясь в самостоятельный путь, видимо, еще не понял, насколько непростым может оказаться этот путь и как ответственно нести по жизни звание первого качканарца. И в какой-то момент не заметил Валерий, как свернул с достойного пути на сомнительную дорожку, в конце которой оказалась большая кровавая точка. С детства добрый, беззлобный, не умеющий дать сдачу, выросший без отца, он часто сгибался под ветрами и бурями судьбы. И страдал. Но город об этом не знал – знала только мать, страдающая оттого, что ее жизненная стойкость не передалась сыну... Валерий Иванов был трижды судим. И какой-то бывший тюремщик свершил над ним последний, кровавый суд. Печально, трагично, непоправимо...

Не оправдал Валерка надежд первостроителей, мечтавших видеть его на космических трассах. Не сберег Качканар своего первенца. Да что Качканар – Советский Союз не сберег своего первого космонавта. Видимо, бережное отношение к первым вообще не в наших традициях.

Ирина Алексеевна Богомолова, которой приходилось судить В.Иванова и выносить приговор, не оправдывает Валерия, но старается быть объективной:

– Материальная необеспеченность, дикая нищета многих людей, нехватка рабочих мест, неуверенность в завтрашнем дне – вот наше бытие. А оно, как известно, определяет сознание. А сознание человека определяет его поступки. Достойным поступкам нужен сильный характер...

– Сейчас стала модной жизненная формула «Это – ваши проблемы». Не каждый человек выживет в такой ситуации, – говорит Владимир Федорович Миронов, который долгие годы был руководителем города. – Иные, оставшись наедине со своими проблемами, оказываются сломленными.

Да что там отдельный человек, если в крутые 90-е и крупным предприятиям хребты ломали! Но любое предприятие – это все-таки характер коллективный. И наши горняки не допустили гибели комбината. Они не позволили, чтобы вместе с комбинатом вытекли из города его жизненные силы, как вытекли они из Валерки.

А что же Елизавета Даниловна? После смерти сына женщина состарилась, ослепла от горя и слез. Всю свою жизнь отдала она строительному тресту; радовалась, глядя, как на ее глазах, с ее участием поднимался в уральской тайге юный город. А Качканар в свой золотой юбилей даже не вспомнил о ней: ни подарка она не получила, не услышала доброго слова.

Со дня гибели сына и до последних дней своих мать беззвучно, безутешно плакала, а в незрячих глазах ее был солнечный август 1957 года, белые палатки в зелени леса да воркующий в кровати Валерка, которого так любили, которым так гордились первостроители.

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

С Юрием Анатольевичем Спиридоновым мы встретились однажды в поликлинике. В ожидании приема разговорились. Юрию предстояло отправиться в госпиталь, и теперь он оформлял медицинские документы. Когда он зашел в кабинет, сидевшая рядом со мною старушка сказала: «Ветеран Отечественной войны – а такой молодой!»

Нет, он не воевал, однако приравнен к участникам войны. Но об этом поздней. Он один из ветеранов Качканара. Но об этом тоже потом. А пока обратимся к его детству.

Юра

Золотой прииск, каким в ту пору был Ис, дышал полной грудью. Работали гидравлики, драги добывали драгоценный металл. Люди жили, трудились, думали о будущем. Секретарем поселкового Совета работала Клавдия Григорьевна Спиридонова – ответственная, внимательная к людям женщина. Ее муж, Анатолий Иванович, был военным, в Еланских лагерях обучал молодых бойцов.

Весной 1941 года побывал офицер в краткосрочном отпуске, чтобы помочь жене посадить огород да помянуть с сыном, которому шел первый годик. Этот живительный запах земли, ароматы пробуждающейся природы, тепло домашнего очага и родного детского тельца увозил он с собой в обратную дорогу, которая, как оказалось, вела прямо в войну. А сынок был еще слишком мал, чтобы запомнить тепло отцовских рук, чтобы сохранить в памяти образ отца, погибшего в 1942-м.

Зато хорошо помнит Юра свою маму и свой дом, а также маленький, похожий на баню домик через дорогу, в котором жила Яковлевна, добрая, известная всей Песчанке женщина. С мамой, которая всю войну крутилась как белка в колесе, да с мудрой, заботливой Яковлевой и прошло раннее детство Юры Спиридонова. Из той поры навсегда запомнил он один весенний день 1947 года. Был апрель. Весело пригревало солнце. На улице и в огороде уже чернели и дышали проталины. И на душе было по-весеннему тепло.

– Знаешь что, сынок? – сказала в тот день смущенная и растерянная Яковлевна. Она обняла его, погладила по голове. – Маму твою... в тюрьму посадили...

Шестилетнему парнишке трудно было понять, что это значит. Да и никто в поселке не знал, за что посадили. Все только удивлялись.

– Взяла Яковлевна лопату, перекопала огородную проталину. Нарыли мы с десяток перезимовавших картофелин, сварили и пошли в милицию, – вспоминает Юрий Анатольевич. – Передачу у нас взяли, но встретиться с мамой не разрешили.

И началась жизнь без мамы, без Яковлевы – в Исовском детском доме, где воспитывались около сотни обездоленных детей и подростков. Детдомовец Юра Спиридонов пошел в первый класс – и потянулись семь долгих, нерадостных лет. Нет, были, конечно, редкие радости, были хорошие друзья, была добрая воспитательница Зинаида Константиновна Золотавина – и все-таки жизнь без мамы не идет, а тянется. Позднее Юра узнал, за что осудили Клавдию Григорьевну. Как секретарь поссовета она оформляла пенсии родственникам погибших на фронте и пропавших без вести. Как и полагалось. А после войны, к всеобщей радости, некоторые из пропавших без вести вернулись домой. «Как же так? Кто посмел? Кто оформлял документы на пенсию?» И маму да еще двоих посадили за решетку.

В 1954 году детдом расформировали. Председатель поссовета Василий Иванович Попков, возглавлявший инвентаризационную комиссию, внимательно читал списки воспитанников: решали, кого и куда определить.

– Спиридонов?.. А Клавдия Григорьевна не твоя ли мама?.. Где она сейчас?..

– В Буйнакске Челябинской области... В шахте, вагонетки толкает... Переписываемся... Осудили на десять лет...

– Вот тебе бумага и перо... Садись.

И под диктовку Василия Ивановича Юра написал письмо в Москву, Маленкову. Вскоре маму отпустили, реабилитировали. И подросток не в первый уж раз убедился, что этот мир, который бывает очень жестоким, все-таки не без добрых людей!

Потом в их жизни был поселок Сахалин, где Клавдия Григорьевна после реабилитации заведовала детским садом. Учился Юра в поселке Ниновском, что в девяти километрах от Сахалина. В школе был прилежным учеником, дома – надежным маминым помощником, хотел поскорее стать взрослым.

А в воздухе уже повеяло Качканаром: все чаще доносились слухи о том, что начнется большая стройка. Вскоре эти слухи обернулись реальностью. Юра тогда жил в Станционном поселке Нижней Туры, в большой семье Лобановых (родственников по маминой линии). Здесь о Качканаре они слышали по радио и узнали, что вновь организованный трест «Качканаррудстрой» набирает рабочих для разгрузки вагонов на перевалочной базе.

И вот Юра с Борисом Лобановым (это младший мамин брат) оседлали велосипеды и поехали в город искать перевалочную базу. Юре – 16 лет, Борису – 19. Нашли. Людей там было уже немало. Их встретила Лидия Ефимовна Коробкова – прошедшая войну энергичная, с командирским голосом женщина, которая, как поняли ребята, представляла тут отдел кадров рождающегося предприятия. В числе самых первых кадров оказались и Юра с Борисом. Было это 5 апреля 1957 года. До 27 мая, который назовут днем рождения Качканара, еще не близко, а эти люди уже жили и трудились во имя его.

6 апреля – их первый рабочий день на перевалочной базе. Первый груз для будущей стройки, первое оборудование для будущего комбината. Придет состав утром – к вечеру он должен быть свободен от груза: простой вагонов обходился железнодорожникам очень дорого. А потому грузчики работали весь световой день. Тяжело? Конечно. Уставал? Безусловно. Порой не хватало силенок. Но не жаловался, не хныкал. Он ведь добровольно в свои шестнадцать мальчишеских лет связал свою судьбу с Качканаром, вполне осознанно выбрал эту дорогу. Дорогу, которую, кстати, надо было еще прорубить.

– 25 мая, – вспоминает Юрий Анатольевич, – нас предупредили, чтобы 27 мая мы пришли к отделу кадров с топорами и пилами.

И вот на нескольких бортовых машинах полторы сотни добровольцев из Нижней Туры, Косьи, Иса поехали по весенней грунтовой дороге в Валериановск. Там расселились в школе (одноэтажном деревянном здании), в шалашах, на сеновалах у местных жителей. А днем состоялось собрание. Семен Степанович Мальцев, первый начальник первого строительного управления, рассказал молодежи о конечной цели и ближайших задачах. В первую очередь нужны были трасса под ЛЭП и дорога на Качканар. Трассу под линию электропередач предстояло прорубить бригаде Павла Григорьевича Лобанова (старшего из маминых братьев, фронтовика). И ребята, которые под его руководством работали грузчиками, стали лесорубами.

Я обращаюсь к нынешним шестнадцатилетним. Представьте, ребята: где-то там, на перевалочной базе, разгруженные вами первые стройматериалы и оборудование; за вашей спиной – Валериановск, а впереди – только лес, густой лес. Он не расступится перед вами, как расступился перед горящим сердцем Данко. Вам надо вступить в единоборство с тайгой и с самим собой, чтобы вслед за вами поднялись опоры линии электропередач и пролегла дорога к будущему городу. Найдутся ли у вас силы и решимость, чтобы пройти этот путь?.. Очень хочется верить, что найдутся, как нашлись они у тех, кто пришел сюда на полвека раньше вас. А почему (как вы думаете?) у первостроителей нашлись и силы, и мужество? Да потому, что, кроме топоров и пил, этих примитивных орудий труда, была у них великая цель – построить Качканар и комбинат. В мечтах они уже видели светлый город, в котором вы сейчас живете. И эта мечта, словно горящее сердце Данко, освещала им путь через лес и придавала силы. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валились деревья...

Трасса уходила все дальше от Валериановска, и возвращаться после работы в поселок становилось утомительно. А потому лесорубы сооружали шалаши, чтобы, переночевав прямо на рабочем месте, дав короткий отдых натруженным рукам и ногам, утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. Шалаши да костры, их верные помощники, защищали и согревали лесорубов на всем пути длиной почти в полтора месяца... И настал знаменательный день: пройдена трасса, лесорубы поселились в палаточном городке – какой это комфорт, какая цивилизация в сравнении с шалашами!.. Для Юры это было незабываемо еще и потому, что в тот день, 9 июля 1957 года, ему исполнилось 17 лет.

Юрий

В его багаже уже хорошо освоенные профессии грузчика и лесоруба. Впереди – наука строительная.

С бригадой Туполева строит Юрий самые первые деревянные дома, овладевая плотницким мастерством. Землекоп – так, наверное, можно назвать еще одну профессию, которая тоже оказалась необходимой на стройке. В руках зубило, ломик, кирка, топор – долбили скалы на горе Любви, добывая бутовый камень для фундаментов будущих домов. И поднимались в тайге первые улицы рабочего поселка, который первостроители уже звали городом юности. Палатки уходили в прошлое. В конце 1958 года в одном из домов получили небольшую комнатку и Юрий с мамой Клавдией Григорьевной, которая стала заведующей первым дошкольным учреждением Качканара.

А в трудовой биографии Юрия появилась еще одна достойная строка: первый моторист первого бетонно-растворного узла. И молодой рабочий гордился тем, что через его руки шли бетон и раствор для строящихся домов и для фундаментов корпусов крупного и среднего дробления, фабрики обогащения.

Рос Качканар – рос и мужал один из самых юных его строителей Юрий Спиридонов. Летом 1958-го ему исполнилось 18 лет, а зимой он увидел объявление о курсах автомобилистов. Около ста качканарцев окончили вместе с ним эти курсы при Исовском техникуме. И с весны до осени 1959 года водитель Спиридонов на самосвале возил бетон и раствор на строящиеся промышленные объекты. А в сентябре его проводили в армию.

Служил Юрий на Дальнем Востоке, в городе Уссурийске. На аэродроме. Его «МАЗ-500», переоборудованный в тягач, перетаскивал к взлетной полосе и обратно «МИГи-15». И однажды во время ремонта этот тягач, сорвавшись с высоты, упал прямо на Юрия. Серьезнейшая травма: двойной компрессионный перелом позвоночника. Полуживого Юрия с трудом высвободили из-под тяжести.

Очнулся он в палате 310-го военного госпиталя г. Уссурийска. Все больные – очень тяжелые: лежачие или колясочники. Некоторые находятся в госпитале уже по десяти-пятнадцать лет, бледные, худые, как мумии; в лицах ни кровинки, в глазах ни искринки. «Вот и моя такая же участь», – подумал Юрий и снова потерял сознание – то ли от этой страшной мысли, то ли от сильной боли в позвоночнике... Очнулся уже в другой палате.

– Ты, солдат, под счастливой звездой родился, – говорил военврач. – Такой тяжелый перелом, а спинной мозг оказался целым. Будем надеяться...

Лечение было длительным и трудным.

– Долго лежал на вытяжке, рассказывает Юрий. — Кололи морфий. А как только проходит его действие – не знаю, куда себя девать: такая невыносимая боль!.. Потом начал ползать по-собачьи... А потом и на костыли встал...

Да, он вынес даже невыносимую боль, он все перенес. Юрия комиссовали, и в сопровождении двух солдат, с неразлучными костылями он прибыл в Качканар... Что теперь делать, чем заниматься? Хотелось работать шофером. Но, провозжая из госпиталя, врач категорически запретил Юрию даже думать об этом. В Качканаре ему давали третью группу инвалидности – отказался: так не хочется быть инвалидом в 20 лет! Он упорно борется с немощью и, наконец, расстаётся с костылями.

Встав на собственные ноги, пошел учиться на автомеханика в филиале Исовского геологоразведочного техникума и устроился в качканарский радиоузел Нижнетуриной

конторы связи. Работал монтером, а значит приходилось лазить по крышам и столбам. Конечно, рисковал, но о перенесенной травме никому не говорил. Техникум он окончил успешно и был принят в Качканарский ГОК – механиком кранового хозяйства обогатительной фабрики.

А через год его пригласили в систему профтехобразования.

– Тебе же нельзя на фабрике работать, по состоянию здоровья нельзя, – сказал Н.Л.Спиркин. – Пойдем-ка к нам в училище!

Юрий подумал и согласился.

Юрий Анатольевич

Трудно охватить взором почти три десятка лет, отданных Ю.А.Спиридоновым профессионально-техническому образованию. Скажем об этом кратко, перечислительно.

СПТУ №87 сразу стало для него родным домом: легко влился он в большой педагогический коллектив, быстро нашел контакт с учащимися, словно и был рожден для того, чтобы стать прекрасным преподавателем и мастером производственного обучения.

Юрий Анатольевич готовил автомобилистов, слесарей по ремонту автомобилей, машинистов автокрана, мостового крана, экскаваторщиков. Кроме того, в вечернее время по заявке Качканарского ГОКа обучил не одну группу (около сотни) комбайнеров; был с ними на практике в Верхотурском и других районах области, а также помогал при устройстве на эту сезонную работу. Теоретические и практические занятия в училище проходили очень интересно. Ребята буквально смотрели в рот преподавателю. Им передавалась его увлеченность, глубокое знание предмета, им нравились его умелые, умные руки.

Он учил и сам постоянно учился. Юрий Анатольевич закончил педагогический факультет вечернего института марксизма-ленинизма. Он учился в строительном техникуме и получил диплом техника-строителя. Свое педагогическое мастерство шлифовал в Челябинском институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов профтехобразования.

Для ребят Юрий Анатольевич был примером. Он не любил читать нотации, а воспитывал конкретными делами, всем своим образом жизни. Он был с учащимися на уборке картофеля в Верхотурском, Белоярском, Ирбитском районах, на уборке арбузов в Краснодарском крае, работал с ними на птицефабрике (зарабатывали деньги на бензин для обучения езде на автомобиле). Он учил любить труд и свою Родину. Ребята с Юрием Анатольевичем побывали в Волгограде и Ташкенте, в Севастополе и Симферополе, в Ульяновске и Бресте, в других городах Советского Союза. Много раз ездили в Москву, знакомились с достопримечательностями столицы. В одной из московских поездок побывали в городе Люберцы и в ГПТУ №10, где в свое время учился Юрий Гагарин, посетили Звездный городок, встречались с космонавтами, привезли в Качканар фотографии на память и автограф летчика-космонавта СССР Павла Поповича.

Ю.А.Спиридонов вел большую общественную работу. Более десяти лет был активным членом городской комиссии по делам несовершеннолетних. Ему, бывшему детдомовцу, были близки и понятны большие проблемы маленьких граждан, которым он старался помочь. Как общественный инспектор по трудоустройству молодых кадров Юрии Анатольевич проверял готовность предприятий к приему выпускников профтехучилищ, осуществлял контроль за соблюдением законоположений о трудовом и бытовом устройстве молодежи.

В 1991 году Ю.А.Спиридонов был приглашен в городскую администрацию – заведовать хозяйственной частью. Начавшаяся в стране перестройка потребовала значительной перестройки, внутренней реконструкции и ремонта главного городского здания. За полтора года работы в новой должности Юрий Анатольевич сделал на удивление много и качественно. И не потому, что так требовало время или начальство. А потому, что во все времена, в любом возрасте и на любом посту он отдавал делу всю свою творческую душу – и перестраиваться ему не требовалось. Еще на заре Качканара, в далеком 1958 году, Юра

Спиридонов был награжден значком ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства» – за успешное выполнение заданий шестой пятилетки, за творческое отношение к труду. И ныне ветеран труда Ю.А.Спиридонов – такой же творец и созидатель.

Но с годами все сильнее напоминали о себе последствия армейской травмы. В 1993 году Юрий Анатольевич получил вторую группу инвалидности, позднее был приравнен к участникам Отечественной войны. Уже неоднократно поправлял он здоровье в госпитале и собирается туда в очередной раз.

Однако и на заслуженном отдыхе творческая душа не знает покоя. Всю жизнь не расстается Юрий Анатольевич с художественной самодеятельностью. Начинать в 1959-м в клубе «Строитель», пел в академическом хоре под руководством Ивана Шевякова, вместе со своим баяном участвовал в конкурсах «Играй, гармонь!», в качканарских праздниках. В настоящее время поет в народном хоре «Журавушка».

А еще он общается со своими урожайными грядками – земля питает ветерана живительными соками. Силу и вдохновение дают также дети и внуки – его молодые росточки, продолжение его судьбы. Пусть же счастливыми, наполненными добрым смыслом будут их пути в непростом и противоречивом XXI веке! И пусть останется светлой качканарская дорога Юрия Анатольевича, которую он выбрал в шестнадцать мальчишеских лет.

КУДА БЕЖИШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ?..

Баян вздохнул. Женские пальцы легко пробежали по клавишам, послушные кнопочки дружно отозвались – и комнату заполнила знакомая мелодия.

– Мама, подпевай, – сказала женщина и запела.

Куда бежишь, тропинка милая,

Куда зовешь, куда ведешь?

Кого ждала, кого любила я,

Уж не воротись, не вернешь...

Голос чистый, сильный. Мама смущенно улыбнулась, поколебалась с минутку – и поддержала дочь. Они пели на два голоса, задушевно, красиво. Мама волновалась, глубоко вздыхала, порою вытирала слезы. Что чувствовала, о чем думала эта пожилая улыбчивая женщина? Да, конечно же, о нем, которого теперь «уж не воротись, не вернешь». О нем, гармонисте и весельчаке Иване Святкине, и о той тропинке милой, которая привела когда-то к нему её, деревенскую девчонку Веру Кочеткову. Где же начало той заветной тропинки?

А оно в мордовском селе Кочкурово. И хорошо, что есть у нас еще одна незарастающая тропинка, тропинка памяти, которая и позвала в родное село Веру Петровну. Она вспомнила длинную деревенскую улицу, на краю которой стояла изба Кочетковых. Вспомнила своих родителей Петра Петровича и Марию Лукьяновну. Папа работал на колхозной земле, потом стал солдатом и погиб в самые первые дни войны.

– И пришла нам бумага. Мама кричала, билась головой о стену, не помня себя от горя, – рассказывает Вера Петровна, которой в то время было всего шесть лет.

Девочка плакала вместе с мамой, хотя, конечно, не осознавала всю глубину ее женского и материнского горя. Но она видела, как ей тяжело. Работа в колхозе, домашнее хозяйство да трое детей мал мала меньше: Вера – старшая, Ане четыре года, а Манечке второй годик пошел. Вера нянчилась с сестренками, пасла козу, помогала в доме и всегда чувствовала себя взрослой. Потом была школа, работа в колхозе, потом Вера получила паспорт.

Детство, полуголодное и нищее, осталось позади. Где начинать взрослую жизнь?

Молодежь из села Кочкурово манили три дороги: в Ульяновск, Саранск или в Свердловск. Верина тропинка позвала ее на Урал. Боже мой, в чем ехать? Портянки, лапти, деревянный чемодан – стыдно, неловко, да что делать? Собрались с подружками и

отправились в путь. Доверчивые, наивные, не без приключений, но все же добрались они до Свердловска.

Веру приютила в общежитии их землячка тетя Фрося. Искать работу долго не пришлось. Работа тяжелая: бери больше, кидай дальше, как бы теперь сказали. А что поделаешь, если за плечами лишь шесть классов?

– Строили дороги, траншеи копали, – вспоминает Вера Петровна. – Приходила домой без рук и без ног.

Но девушка вкалывала, чтобы заработать хотя бы на приличную одежду и обувь. А молодость ей помогала. Да еще ее добрый нрав, да рабочий коллектив, да общежитие, где было немало молодежи.

Однажды Вера услышала музыку и, преодолев робость, пошла на ее зов. И оказалась в красном уголке. Там было много ребят и девчат. Одни о чем-то говорили и смеялись, другие кружились в танце. И весело играла гармошка, послушная сильным рукам и быстрым пальцам гармониста. А он, красивый, светловолосый, с задоринкой в глазах, улыбался и притопывал одной ногой в такт музыке. Вера посмотрела на этого парня – и больше уже ничего не видела. Так вот куда ты привела, тропинка милая! Это была ее первая встреча с Иваном Святкиным.

Оказалось, в этом общежитии немало земляков, целая мордовская «диаспора». Работали на разных предприятиях, на досуге общались. Место работы Ивана – строительномонтажный поезд. А родом этот гармонист тоже из Мордовии, из села Поводимово Дубёнского района. Уж какая тропинка привела его оттуда в Свердловск, Вера не знала, только слились их тропинки и стали одной дорогой. Немало девчат, высоких, красивых, стройных, кружилось вокруг гармониста. А он выбрал ее. Наверное, увидел надежность в этой небольшой и скромной девушке и почувствовал родство душ: оба они добрые, щедрые и веселые.

– Он играет – я пляшу, он играет – я пляшу, – Вера Петровна улыбается, щеки разругались, а в глазах отблеск ее далекой молодости.

Совместную жизнь начинали на частной квартире. Вера Петровна до сих пор с благодарностью вспоминает ее хозяйку бабу Клаву, хлопотливую, заботливую, которая могла и порадоваться вместе с молодыми, и утешить, коли понадобится. И ведь понадобилось. И было это в 1957 году.

Как они радовались, когда Вера отправилась в роддом! Как волновались в ожидании! Как ждала Вера, когда в палату принесут ей новорожденного! Долго ждала. И вот она, доченька, у материнской груди. Какое счастье! Какие неведомые доселе чувства! И новое ожидание... Но кормить девочку больше не принесли: сказали, что ребенок умер. Какое горе! Какие новые, тоже неведомые чувства! Верить в смерть младенца не хотелось. Сомневается Вера Петровна и сейчас и на расстоянии лет рассуждает так. Обманули врачи, отдали ребенка кому-нибудь бездетному: дескать, она, молодая, здоровая, родит еще не раз. Да и обмануть доверчивую деревенскую простушку было нетрудно.

– Ведь если бы ребенок умер, то нам разрешили бы его похоронить... – то ли спрашивает, то ли утверждает Вера Петровна и растерянно смотрит на свою дочь-баянистку.

Она, красавица Лида, родившаяся в январе 1958-го, стала для Святкиных утешением. В то время они жили уже не в Свердловске, а на Глубокой и Иван работал в Исовском приисковом управлении треста «Уралзолото». Работал недолго. Ведь рядом был Качканар, куда уже пролегли тропинки первых строителей города юности.

Так где же, как не в Качканаре, быть Ивану, если он давно избрал профессию строителя?

Его приняли в СУ-1 треста «Качканаррудстрой». Строил жилье. Потом рабочей семьей Ивана стало четвертое строительное управление. А через несколько лет о Святкине заговорили не только в городе, но и в области. Вот что писала местная газета:

«На ударную комсомольскую стройку Иван Святкин приехал в 1959 году. Работал по-ударному, с огоньком и через год стал бригадиром. С тех пор не изменил ни профессии строителя, ни своей бригадирской должности.

Много возведенных объектов на счету этого трудового коллектива, которому недавно присвоено звание бригады имени XXVII съезда КПСС.

В настоящее время комплексная бригада Ивана Семеновича Святкина из СУ-4 строит гараж большегрузных машин для автотракторного цеха Качканарского ГОКа».

И, поскольку уж его «не воротишь, не вернешь», не поговоришь с героем, давайте обратимся еще к одной небольшой публикации.

«На Качканарском горно-обогатительном комбинате полным ходом идет строительство компрессорной станции для фабрики окатышей. Ведет строительство СУ-4 треста «Качканаррудстрой», – писала газета «Уральский рабочий». – Бригадир комплексной бригады И.Святкин, говорят, очень строгий. А на вид, я бы сказал, напротив, очень добродушный. Отличная дисциплина в его коллективе, качественно выполняются задания, состояние техники безопасности хорошее, прекрасные бытовые условия. Сами себе их создают. В вагончиках такая чистота, что домохозяйка может позавидовать».

А с газетной полосы смотрит на нас жизнерадостный человек с уже знакомой нам искренней улыбкой.

Бережно хранит Вера Петровна эти заметки вместе с наградами мужа. Вот Знаки: «Ударник десятой пятилетки», «Ударник двенадцатой пятилетки», «Ударник строительства объектов черной металлургии». Вот Почетная грамота Областного совета профсоюзов за ударный труд на строительстве Лайского свинооткормочного комплекса, Почетная грамота Министра строительства предприятий тяжелой индустрии СССР. Множество грамот и благодарностей. А рядом с ними Почетные грамоты Веры Петровны за ударную работу в «Уралспецстрое» и на радиозаводе.

Достойный итог жизненного пути великих тружеников Ивана и Веры Святкиных. Этот путь начался с общей тропинки, которая пошла из рабочего общежития, пролегла через комнатку в частном доме и через барак в поселке Глубокая. То были их временные пристани. А в Качканаре они прочно сели на якорь. Сначала в доме №11 по улице Октябрьской, потом в двухкомнатной квартире одного из домов пятого микрорайона (кстати, эти дома строил Иван в начале своей качканарской биографии), а в 1969 году Святкины получили четырехкомнатную благоустроенную квартиру. В то время у них было уже двое детей.

Теперь о детях. Лида росла вместе с Качканаром. Девочке было полтора года, но она хорошо помнит Октябрьскую улицу, у которой тогда была только одна, нечетная сторона. Помнит пеньки да спиленные и очищенные от коры деревья. Выйдешь с мамой гулять – и шагаешь по этой коре и чувствуешь ее терпкий запах. Посмотришь вдаль, а там лес. Но ты знаешь, что построят новые дома – и Октябрьская станет настоящей улицей. И вырос в тайге рабочий поселок, который стал современным благоустроенным городом. А девочка Лида стала Лидией Ивановной Пименовой, известным в Качканаре музыкантом, педагогом по классу баяна.

Да иначе и быть не могло. Дочка гармониста с детства слышала музыку, в детсаде была первая певица. А однажды увидела аккордеон. Он так удивительно пел в умелых руках Людмилы Майстренко, что Лиде тоже захотелось играть на этом волшебном инструменте. И отправились они с мамой и братом Юрой на Первомайку, в детскую музыкальную школу. Был 1969 год. Лида училась в пятом класса, Юра был первоклассником. А в музыкальную школу они поступили вместе. Но игре на аккордеоне там не учили, и дети гармониста Ивана Святкина взялись за баян. А через четыре года успешно окончили школу. Лидия Ивановна и сегодня с благодарностью вспоминает педагога Валерия Нестеровича Морозова. И, конечно же, своего папу. Требовательный и строгий на работе, он таким же оставался и в семье. Понимал: баян требует терпения и серьезных,

систематических занятий. Не позволял расслабиться и вдохновлял собственным примером: папа тоже стал осваивать баян. Помогал детям и добрый, веселый нрав отца.

– Я никогда не видела его в плохом настроении, – говорит Лидия Ивановна.

Они выросли в любви и понимании, в семье всегда царил дух добра. И в квартире Святкиных постоянно звучала музыка. Нередко бывало так, что дети играли на баянах, а папа на гармошке – такое вот «трио баянистов». Тут сразу надо сказать, что Лида продолжила образование в Асбестовском музыкальном училище и вернулась в родную музыкальную школу, уже педагогом. Как и обещала. А Юра связал свою жизнь с производством и футболом и, конечно, не забывал баян.

Выросли дети. Святкиных уже радовали взрослые внуки, когда в эту дружную семью пришла беда. Пришла вместе с коварной болезнью, которая подкрадывается незаметно, а потом сразу бьет наповал. И не стало Ивана Семеновича.

– Как я его любила! Больше жизни его любила! – признается и сегодня Вера Петровна.

А тогда, в 1993-м, когда закончилась земная тропинка Ивана, она не помнила себя от горя и не хотела верить, что его больше нет. Смерть мужа сильно подорвала ее здоровье. Но тогда не знала еще Вера Петровна, что впереди ее ждет другая утрата. В 2001 году она потеряла сыночка Юру. Он умер в 39 лет – ужасно, необъяснимо, непоправимо!.. И если бы не родные – смогла ли бы она тогда выстоять?..

Мы сидим в ее двухкомнатной квартире. Вместе с матерью и дочерью ходим по тропинке памяти, стараясь не оступиться. Вера Петровна то улыбается, то вытирает слезы. И вся сложная гамма чувств отражается в ее глазах, ясный свет которых не смогли погасить годы.

Лидия Ивановна берет баян, ласкает его черно-белые кнопочки.

– Мама, подпевай...

И комнату заполняет знакомая мелодия. И звучит песня...

ТРИ СОСНЫ

«Я вышел из редакции и долго стоял на крыльце. Меня одолевало чувство, будто кто-то смотрит на меня. Но вокруг никого не было. Вдруг взгляд мой упал на три сосны в парке строителей. Налетевший мартовский ветер запутался в их вершинах, и они, сопротивляясь ему, зашумели, издавая знакомую мелодию далекого времени. Я прислушался, присмотрелся... Да, это были они, только заметно выросшие, знакомые мне милые сосны. Именно здесь в полдень 3 ноября 1959 года, словно десант, высадилась из переполненного грузовика группа вчерашних солдат».

Так писал Леонид Нагорный в нашей газете в 1987 году, когда Качканар отмечал свое 30-летие.

А в 1959-м этот уголок леса, которому суждено будет стать парком, принял солдатский «десант», встречая его мелодией осеннего ветра, запутавшегося в кронах деревьев, и три сосны приветливо помахали Леониду зелеными ветками.

Три дня до этого солдаты «воевали» в Нижней Туре, бегали по городу, чтобы сфотографироваться на военные билеты и временные паспорта. Три ночи спали на железнодорожном вокзале, так как Дом приезжих был на ремонте. Здесь же, на вокзале, бывшие воины Уральского военного округа получили свежие сведения о Качканаре от худенького чернявого юноши Анатолия Уланова.

И вот Качканар. В отделе кадров стройки, узнав, что Леонид служил радиотелеграфистом, направили его в энергохозяйство. С работой он освоился быстро, дел было много, дни летели незаметно. Приближался новый, 1960 год. Леонид слал домой письма, поздравительные открытки. А родители настойчиво звали его домой: стыдно, мол, перед соседями, чьи сыновья уже вернулись из армии. Даже на самое первое письмо

пришел из дома сердитый ответ: Леониду категорически предлагали немедленно вернуться под родительский кров.

Родительский кров

Он был далеко, на Украине. Но его тепло согревало солдата все годы службы. Леонид не забыл село своего детства Зарудье, и веселую речку Рось, и беленькую хату-мазанку, свою семью и односельчан, которые жили-поживали и мирно трудились в колхозе имени Калинина и совхозе «Ударник». Память хранит и другие, совсем не мирные картины. В 1941 году, когда жизнь круто изменилась, Лене было пять лет. В один из летних дней на мотоциклах и машинах в село ворвались немцы и стали устанавливать в Зарудье свои порядки, чувствовали себя хозяевами. Да и как же им не хозяйничать тут, если в Виннице, в 80 километрах от Зарудья, находилась ставка Гитлера. Помнит Леня, как потом фашисты драпали от наступающих советских войск. А когда из удирающей немецкой повозки посыпались какие-то кирпичи, парнишка очень удивился: он впервые увидел хлебные буханки такой кирпичной формы. Не забыл Леонид и неурожай послевоенного 1946 года, и голодный 1947-й. Помнит, как нелегко поднималась из руин украинская земля, как много детей остались сиротами.

А еще он помнит, с каким желанием учился, хотя в школу надо было ходить за пять километров. Окончил семилетку и стремился в ФЗО, а потом на шахту в Донбасс, чтобы работать и помогать семье. Но папа, колхозный конюх, приказал учиться дальше. И отправился Леонид за знаниями в районный центр Оратов. И вот в 1956 году получил Нагорный среднее образование – а тут и армия подросла. Службу начинал в Азербайджане. Девять месяцев – учебная часть, а далее – Урал. Их 82-й отдельный радиотехнический полк располагался в Серове. Отсюда и начал Леонид Нагорный свой путь к мечте.

Путь к мечте

– Качканар. Это слово я впервые услышал 8 мая 1958 года на совещании военкоров Уральского военного округа в Свердловске, где мне посчастливилось представлять наш отдельный полк.

Выступающий перед нами редактор газеты «Красный боец» говорил о роли военных корреспондентов в освещении жизни подразделений армии. А в завершении он сообщил, что начался штурм тайги в районе горы Качканар. И я решил, что поеду на эту стройку. Правда, волновало и даже страшило отсутствие у меня специальности: ведь до службы в армии я не работал на производстве. Но успокаивал себя тем, что до увольнения в запас еще более полутора лет, за это время можно что-нибудь придумать. Качканар стал моей мечтой.

Желание попасть на большую стройку зародилось еще в школьные годы. Помню, с каким волнением в 1954 году мы, восьмиклассники Оратовской средней школы, слышали по радио, а потом прочитали в газетах о начале строительства Братской ГЭС. Целую неделю упрашивали своего классного руководителя поехать всем классом на далекую сибирскую стройку. Нас успокоили, сказав, что впереди еще много строек, а сейчас нам надо хорошо учиться, чтобы после окончания школы быть готовыми к любой работе.

О Качканаре я рассказал однополчанам. Земляк Николай Цимох решил ехать со мной. И вот наша служба закончилась. 23 октября мы отметили мое 23-летие, а через несколько дней получили проездные билеты. Тепло провожали нас товарищи, по-отечески напутствовал командир части Кочергин: «Не подведите своей роты, не уроните воинской чести, товарищи младшие сержанты запаса», – сказал он, вручая нам комсомольские путевки.

В полдень 3 ноября мы были в Качканаре. Телефонная станция, которую нам с Цимохом предстояло обслуживать, находилась в том же здании по улице Качканарской, что и управление треста «Качканаррудстрой». В комнате стояло два 100-номерных коммутатора. Первыми телефонистками работали Надя Жданова, Рита Шевченко, Руфа

Малых, Нина Просвирнина и Люда Кожич. Монтажниками связи были Степан Егоров, Юра Бородейко, Женя Семушин, а техником связи – маленькая девушка Валя Чувашова, которую все уважали. Со всеми мы познакомились и вскоре подружились. А наша дружба с Руфой Малых переросла в любовь и крепкий семейный союз.

Руфа

Может, и впрямь уступить родителям, которые настойчиво зовут домой? Проработать на стройке зиму, придется, а летом вернуться в свою деревню? Но как покинуть уральскую тайгу, где поднимаются корпуса комбината? Как можно уехать, если ему повстречалась Руфа? Эта маленькая ясноглазая девушка и Качканар навсегда привязали уральского хлопца к Уралу.

Родина Руфы – уральский поселок Кытлым. Там до войны жила большая семья Малых, в которой было девять детей. Руфа – шестая, а за ней еще трое братишек. Папа, Александр Александрович, был старателем. Мама, Анастасия Семеновна, занималась хозяйством и детьми. Эта безграмотная женщина (она даже парту никогда не видела) имела широкую, щедрую душу и любящее сердце. Начавшаяся война и другие жизненные обстоятельства заставили семью Малых перебраться в районный поселок Ис.

Там Руфа закончила семь классов и стала искать работу. Она не боялась никакой работы. Приходилось ей и помойки чистить, и камни убирать на гидравлике, была она и киоскером, и в няньках жила на Ису. Эта девочка знала, что такое ходить по в школу босиком и стыдливо прятать ноги под парту. А работать не стыдно.

На почте давно заметили эту малявку. Придет, подопрет кулачками подбородок и смотрит в сторону коммутатора.

– Девочка, что тебе надо?

– Посмотреть, – ответит односложно и снова внимательно и долго наблюдает, как на коммутаторе загораются огоньки, раздаются какие-то сигналы, как с кем-то невидимым разговаривают телефонистки.

Вздохнет глубоко – и уходит. До следующего раза... Хоть бы устроиться на работу! Ну хоть бы рассыльным куда-нибудь взяли!..

Сказали ей как-то про железнодорожную станцию. Пришла.

– А мы уже приняли, – ответили ей, и Руфа заплакала.

– Ты чего?

– Работать хочу, – и продолжала всхлипывать.

– А сходи-ка ты на почту, там, говорят, доставщик телеграмм нужен.

– Это ты? – удивились на почте, сразу узнав эту любопытную кнопку. – Доставлять телеграммы не надо. А будешь ты у нас телефонисткой. Попробуешь?

Не сразу загадочный коммутатор открыл девочке свои тайны, но со временем стал ей надежным другом, которого она понимала с полуслова.

Так что в Качканар телефонистка Руфина Малых прибыла уже хорошим специалистом. *«Она телефонистка первого класса и может свободно справляться с любой нагрузкой на коммутаторе – хватило бы только соединительных шнуров. А наблюдайте за движением ее рук. Ее пальцы как у баяниста – безошибочно находят нужный ключ коммутатора»*, – так в газете «На стройке Качканара» в июне 1960 года писал Леонид Нагорный, восхищенный этой девушкой и ее работой.

А вскоре он связал с этой девушкой свою жизнь. И знаете, что для нее является самой ценной реликвией? Простая почтовая открытка с коротким текстом: *«Руфа, поздравляю тебя с приобретенными новыми туфлями! Желаю много дней ходить в них и встретить свое счастье!»* И дата: 28 апреля 1960 года. Это шутивное поздравление Руфина Александровна хранит уже 51 год.

Думаю, тогда, весной 1960-го, Руфа и Леонид знали, что уже встретили свое счастье. Встретили, взяли его на руки и осенью принесли свое счастье в ЗАГС. И вот уже полвека бережно несут его по жизни. Нагорные подарили этой жизни, а жизнь подарила им четырех дочерей, семь внуков и правнука Егорку.

Вот такое богатство, о котором тогда, в 1960-м, они и не догадывались. Просто жили и трудились. И все больше любили Качканар, который стал их судьбой. Руфина Александровна всю жизнь проработала в системе связи. Она постоянно училась и выросла в хорошего руководителя, требовательного к себе и другим.

Постоянно учился и Леонид. Сейчас, вспоминая 1960-й, он говорит, что это был «особенной урожайный» год. Леонид заканчивал курсы электромонтеров-линейщиков, посещал кружок партийной учебы и активно занимался общественной работой. В общежитии был старостой комнаты, руководил бытовым советом. Бытсовет организовывал в общежитии беседы и лекции, проводил экскурсии, коллективные походы в кино, выпускал стенные газеты, следил за дисциплиной и порядком.

Строящемуся комбинату нужны были хорошие кадры. Вместе с другими Нагорный без отрыва от производства закончил курсы и стал машинистом дробилок, а позднее поступил в Исовский геологоразведочный техникум – и дробильная фабрика Качканарского ГОКа стала его трудовой семьей, о которой часто писал в газете рабочий корреспондент Леонид Нагорный.

Рабкор

Свою первую корреспонденцию Лёня написал в 1953 году и отправил в газету «Червона Зирка» («Красная Звезда»). Это были стихи, передающие горе людей в день смерти Сталина. Во время службы в армии Леонид стал военным корреспондентом и, как мы уже знаем, участвовал в совещании военкоров УралВО. На качканарской земле он появился с уже неплохо отточенным пером.

Давайте полистаем местные газеты – и перед нами предстанет неравнодушный, внимательный к жизни человек – рабкор Леонид Нагорный.

Его первые заметки появились в многотиражке «На стройке Качканара» уже в 60-е годы. Вот одна из них «Наказ выполняется» – о трудовом подвиге его земляка, дежурного монтера связи Николая Цимоха. В газетах «За большую руду» и «Качканарский рабочий» Леонид писал об экономии металла и цене рабочей минуты, о внимании к ветеранам и работе с молодежью. Его тревожил «порочный круг аварий» на дробильной фабрике в 1987 году. «Почему одни «везут», а другие наблюдают?» – спрашивал он у коммунистов. Тревога звучала в критических и проблемных материалах Л.Нагорного. Радостью и гордостью светились его зарисовки и очерки о людях. Вот, к примеру, зарисовка «Семеро смелых» – о прибывших на комбинат выпускниках Краснотурьинского технического училища №3. Вот очерк «Одна смена Вали Даниловой» – об операторе пульта управления корпуса крупного дробления. В очерке «Человек не устает жить» Нагорный рассказал о непростой и удивительной судьбе Рассама Шайморданова – сына башкирских колхозников, ветерана дробильной фабрики, кавалера орденов «Знак Почета» и Трудовой Славы. Постоянно участвовал Леонид Петрович в проводимых газетой конкурсах: «Город юности Качканар», «Это наша с тобой биография» и других. В 1987 году дробильщик Леонид Нагорный вместе с поэтом из «Лукоморья» Виталием Кундеревиным и фотокорреспондентом Валерием Беляевым стал победителем конкурса «С чего начинается Родина?»

Активно жил и добросовестно трудился ставший качканарцем украинский паренек. О его отличной работе в коллективе энергохозяйства треста «Качканаррудстрой» свидетельствует присвоение Л.Нагорному звания «Ударник строительства объектов черной металлургии». А в 1986 году он вместе с другими передовиками Качканарского ГОКа был награжден орденом «Знак Почета».

Сейчас Руфина и Леонид Нагорные – пенсионеры. Здоровье? Конечно, не то, что в молодости. Но прежним остался интерес к жизни, ко всему, что происходит в стране и в мире. Они по-прежнему бережно несут свою любовь и верность. Любовь и преданность Качканару.

Заметку, с которой мы начали, Леонид Петрович заканчивает так:

«Пролетают годы нашей качканарской жизни. Их полет мы просто не замечаем. А они белыми снежинками опускаются на головы. У каждого из первых качканарцев есть что-то свое, личное, чем особенно дорог наш город. Для одних это – высокая березка у дома, где когда-то жил; другие вспоминают первую танцплощадку, третьи – ведущую на промбазу лежневку с удобными скамеечками для отдыха. А для меня на всю жизнь останутся в памяти те сосны в уголке парка Строителей, где рядом высится здание управления горно-обогатительного комбината. Здесь была первая остановка в Качканаре, здесь начиналась моя новая жизнь».

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

С песни и начнем. Называется она «Сердце на замочке» и посвящена Лидии и Николаю Ведерниковым. Слова написаны Надеждой Трушковой из литературного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий», музыка Николая Ведерникова.

*Мое сердце на замочке,
На замочке, на замке.
Если кто открыть захочет,
Обратится пусть ко мне...
Помнишь, я была девчонкой,
Ты на танцы приходил,
Заглянул в мою сторонку
И до дома проводил.*

*А я, Лида, не жалею,
Что влюбился с головой:
Рядом душу свою грею
И люблюсь я тобой.
Не дарил своей невесте
Я на свадьбу лимузин,
Но уже полвека вместе
Мы в одно окно глядим.*

*У меня в руках гармошка,
У тебя поет душа –
Не кончается дорожка,
Жизнь и в правду хороша!
Наше сердце на замочке,
На замочке золотом.
Кто дружить с нами захочет,
Вот для тех мы и споем.*

Вместе полвека. Даже больше. В 2012-ом Качканару исполнилось 55. Столько же лет и супружеской жизни Ведерниковых. Их золотая свадьба гремела в Качканаре в 2007 году вместе с золотым юбилеем города юности. Но давайте вернемся в недалекое прошлое, когда в Качканар пришло время серебряных свадеб.

4 мая 1982 года такая свадьба «пела и плясала» в доме №8 по улице Набережной, где живут Ведерниковы. Веселый праздник и большое торжество, добрые шутки и звонкие песни, многочисленные сюрпризы – здесь было все, вплоть до «Птичьего молока» в красивой коробке.

На стене – дружеский шарж. Забавные малыши: девчужка с пышным бантом и мальчик в штанишках на бретельках – заметно смущаются. На углу дома, возле которого они стоят, увековечено: «Коля плюс Лида – любовь». А сквозь стену, словно сквозь годы, проступают нежно-голубые цифры: «25». И венчают эту картину знакомые слова: «Это было недавно – это было давно».

Вот среди веселья торжественно объявили:

– Невеста 1957 года!

Серьезная и озорная, она величаво взошла на табурет и одарила гостей щедрой улыбкой. На Лидии Петровне были все те же скромные туфельки, что и в 1957 году, то же серенькое крепдешинное платье. Ее глаза, по-прежнему молодые, светились таким счастьем, что все поняли: это было недавно. Лишь серебристые нити в темных волосах невесты (знать, не зря свадьба зовется серебряной) да мудрые лучики у глаз утверждали: это было давно...

Их познакомил Исовский геологоразведочный техникум, сдружила самодеятельная сцена. Жители близлежащих поселков Артельного, Журавлика, Глубокой и других, где не раз выступала агитбригада техникума, хорошо знали певунью и плясунью Лиду Хардину и аккордеониста Николая Ведерникова. А когда впервые объявили, что выступают супруги Ведерниковы (это было в поселке Косья), грянули такие аплодисменты, каких они еще не слышали. Зрители радовались, что самодеятельные артисты «спелись», и от души рукоплескали их счастью.

Радовались за молодых и в техникуме.

– Вот вам пригласительный билет на свадьбу, – сказал комсомольский секретарь Коля Спиркин.

– На какую свадьбу? – удивились они.

– Да на вашу, на вашу!

Свадьба была комсомольской. Звонкая, веселая, она и сейчас поет в их сердцах, словно это происходило вчера.

То ли время так быстротечно, то ли душа у людей всегда молода, то ли крепка память сердца, то ли так прекрасны и чисты мелодии юности, что они не затухают в тебе, не тускнеют, а освещают и согревают всю жизнь. Что же в них, мелодиях юности? Для Ведерниковых это шелест конспектов и горячие студенческие споры, звуки Колиного аккордеона и сильный Лидин голос, и звонкие аплодисменты зрителей, и верность друзей, и светлые мечты – все, чем одарил их поселок Ис. В этом поселке родилась их любовь, которая, как сказал поэт, «с хорошей песней схожа».

А на качканарской земле мелодии этой песни стали еще прекрасней и богаче. В них влились перестук топоров и перезвон пил, буйный цвет черемух и чистота лесных ключей, и журчание ручья, к которому ходили за водой. В домах гудели печи – дрова то потрескивали, то шипели. Порой сердито урчали «Шкоды» – большие и надежные машины, которые возили на стройку грузы, доставляли хлеб из Нижней Туры. В тайге появлялись первые улицы. Качканар жил, Качканар работал, Качканар пел.

Днем песни звучали на стройке, а по вечерам в клубе. В клуб шли в большим желанием. Шли, чтобы отдохнуть после работы, принять участие в интересном диспуте, просто поговорить по душам, посоветоваться с Мирой Михайловной Мальцевой, директором клуба, послушать качканарского музыканта Николая Ведерникова.

Николай работал механиком в третьем стройуправлении, руководил там художественной самодеятельностью и увлеченно занимался в клубе «Строитель». Не расставалась с песней и Лида, хотя в семье подрастал первенец – дочка Марина, которая моложе Качканара ровно на год. Девочка росла под нежные песни матери, под могучую музыку стройки.

Нередко бывало так. В парке «Строитель» гулянье. Родители Маринки выступают в концерте, а она спокойно спит в коляске под березой. Веселые по характеру и легкие на подъем, Ведерниковы не умели отказываться и всегда были там, где нужны. Они могли,

забрав Маринку и аккордеон, на самосвале по бездорожью отправиться в поселок Ис, на свадьбу к лучшему другу. Да и как не поехать, если там ждут их музыку, их песни, ждут их самих, общительных и веселых.

Ведерниковых любили. Их веселый нрав, способность не замечать трудностей, их любовь к жизни и умение мечтать были близки и понятны многим: ведь все это были черты качканарского характера, который ярко проявился с самых первых дней строительства. Многие мечтатели возводили город и комбинат, а песня им строить и жить помогала.

Удивительная встреча с песней состоялась однажды в клубе «Строитель». Зрительный зал был переполнен. Лирические песни, одна лучше другой, сменялись задушевной беседой, зачарованная тишина – бурными аплодисментами: гостем качканарцев был свердловский композитор Евгений Родыгин. Он рассказывал о своем творчестве, обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы, выполнял заявки.

– А можно еще одну заявочку, вернее, просьбу? – раздался чей-то звонкий голос. – Не напишете ли вы песню про нашу лежневку?

Композитор задумался, помолчал с минуту, потом сказал:

– Я не против. Но боюсь, что быстро у меня это не получится. Ведь я пока даже не знаю, что такое ваша лежневка. Надо пожить здесь, посмотреть, а я, к сожалению, не могу остаться даже на час-другой. Должен спешить: меня ждут в Нижней Туре...

Очень жаль, конечно, но качканарцы не обиделись: они понимали занятость композитора и были благодарны ему за встречу, за песни.

Качканарцы понимали: горожанин Родыгин мог вообще не знать, что такое лежневка. Но они верили: пройдет совсем немного времени – и в Качканаре тоже будет асфальт, как в Свердловске или Москве. Будет асфальт, но лежневка навсегда останется в сердцах. Эта дорога из бревен и досок, проложенная в лесу, была кратчайшим путем на завод стройматериалов, на промбазу. По лежневке ходили на работу. Здесь на скамейках-беседках назначали свидания. Многих эта дорога вывела в большую жизнь. Как же не сложить о ней песню!..

Так думали Лида и Николай, возвращаясь домой из «Строителя». А вскоре мысль о песне целиком захватила их. Идет Лида с работы и сама не поймет: то ли в голове, то ли в сердце рождаются стихи о лежневке. Собирается за Маринкой в садик, а стихи уже готовы. Подождет Маринка: надо записать эти простые, немудреные слова, чтобы не забылись.

Лида берет карандаш и бумагу, торопливо пишет:

*По лежневке, по лежневке
Вечерочком при огнях
На работу на бетонный
Провожаешь ты меня.*

Она идет в детсад, осторожно обходит осенние лужи, в которых уже плавают желтые листья. А в душе ее поет весна:

*Расцветет весной рябина,
Зашумит в ручьях вода,
Вот на этой на беседке
Помечтаем мы тогда.*

Одевая Маринку, она видит молодых пап и мам, весело воркующих со своими малышами, и думает о том, как много парней и девчат нашли в Качканаре свое рабочее место и личное счастье.

*Ах, лежневка, ты, лежневка,
Нам дорожке всех дорог!
Вот на этой на лежневке
Родилась у нас любовь.*

О чем еще нужно написать? Конечно, о том, что качканарцы никогда не забудут лежневку. И Лида написала. А Николай сочинил музыку.

Они напевали негромко, сначала вдвоем, и особенно не афишировали песню. Только песня не нуждается в афише. словно звонкий ручеек весной, словно солнечный луч, она пробивала дорогу к людям и согревала их сердца. А Первого мая на демонстрации «Лежневку» пел уже весь Качканар. Она звучала в каждой семье, в молодежных компаниях, на клубной сцене. Она уже не принадлежала Коле и Лиде – песня жила самостоятельно.

И жил Качканар. Каждый день в тайге поднимались новые дома, рождались новые стихи и песни. Это были будни и праздники комсомольской стройки.

Однажды, в самый обычный день, к Ведерниковым явился необычный гость – корреспондент областного радио. Зачем он приехал? За песнями. Коля и Лида сначала удивились: настолько это было неожиданно. Потом загордились: за песнями – в Качканар! Это здорово! Они почти не сомневались, что корреспондента прислал Федор Селянин – партийный секретарь, влюбленный в эту стройку и ее людей.

Ведерниковы тоже любят Качканар и могут без конца говорить с корреспондентом о качканарцах, которых без песни представить невозможно.

Вот, например, прораб третьего строительного управления Булкин. Послушайте, какие стихи он написал:

*Здесь день и ночь гудят моторы
И сотрясает землю взрыв,
Тайги безбрежные просторы
От снычки вечной разбудив...*

А дальше строчки о том, что «пройдут года и будет море», строчки об огромной веревке строителей в дело рук своих, в свой завтрашний день. Стихи полюбились качканарцам и вскоре стали песней. Чья музыка? Николая Ведерникова. Как слаженно и вдохновенно исполнял эту песню хор на сцене клуба «Строитель»!

По просьбе корреспондента Ведерниковы спели ее, исполнили «Лежневку» и другие Колины песни.

Шли годы, а Ведерниковы не расставались с песней. Они пели вдвоем – для себя, для души. Пели для других – в дружеских компаниях, на праздничных вечерах, их приглашали в школы, во Дворец культуры.

Шли годы. Подрастали новые поколения качканарцев, которые знали многоэтажный асфальтовый город и понятия не имели о том, что такое лежневка. Появились новые песни, а старые, казалось, ушли в прошлое.

Но вот наступил 1982 год – и для Ведерниковых с новой силой зазвучали песни их юности, такой далекой и близкой. Это был удивительный год, год юбилеев. В январе Николаю Васильевичу исполнилось 50 лет. В феврале – 70-летие отца Лидии Петровны. В марте широко отмечалось 50-летие их родного Исовского техникума. Апрель прошел без юбилеев, зато в мае – сразу два: 4 мая – их серебряная свадьба, 27 мая – день рождения Качканара, его 25-летие. Июнь – выпускные экзамены и выпускной вечер у сына Василия, который окончил среднюю школу №4. Июль – вступительные экзамены в институт, июль же – 70-летие мамы, Анфисы Григорьевны. А в августе исполнилось 20 лет работы Лидии Петровны Ведерниковой в отделе снабжения Качканарского горно-обогатительного комбината. Столько праздников, столько событий! К каждому готовились ответственно, с душой и выдумкой – по-другому Ведерниковы не умеют. Каждый праздник принес столько волнений, заставил как-то по-новому взглянуть в будущее, вспомнить юность. Но особенно волнительным для Ведерниковых был выпускной вечер их сына.

Они из тех родителей, которые являются друзьями и помощниками школы. Председатель классного родительского комитета, Лидия Петровна приложила всю энергию, все вдохновение для того, чтобы выпускной вечер надолго запомнился его участникам. Силами родителей и учащихся был подготовлен литературно-музыкальный

монтаж, посвященный учителям. Весь вечер звучали песни и стихи, серьезные напутствия и добрые шутки. Ребята танцевали, доверительно беседовали со взрослыми и друг с другом.

Потом кто-то из старых учителей попросил Ведерниковых спеть «Лежневочку». Авторы волновались и смущались, как в юности. Они молча стояли перед притихшим залом, а в душе уже звучала родная мелодия, звучала так свежо и так властно, словно все это было совсем недавно. А зал смотрел на них юными глазами, смотрели ровесники их сына, новое поколение качканарцев. И вздохнула Лидия Петровна и сказала:

– Это было давно... Эта песня, ребята, родилась намного раньше вас.

И захотелось ей рассказать о первых качканарцах – пусть выпускники возьмут с собой в дорогу трудолюбие и энтузиазм первостроителей, их умение жить с песней, умение мечтать.

И вспомнились ей субботники. Как много их было в то время! После трудового дня и в единственный выходной молодежь работала, приближая свою мечту. Не успевают строители сдать магазин в срок – значит, надо им помочь. Хочется поскорее увидеть кинотеатр – и снова субботник за субботником. Заберут с собой детей, выделят им няньку и какую-нибудь комнату, а сами за топоры и молотки, лопаты и метлы. И, конечно, с песней! А как часто ходили «чистить море»! Корчевали лес, сжигали сучья и верили: на месте «зеленого моря тайги» скоро заплещется качканарское «море». Моря еще не было, но уже жила в Качканаре улица Набережная, где под номером восемь стоял дом Ведерниковых.

Вспомнилось Лидии Петровне, как тоже после работы, методом «самстроая» возводили они в тайге эту улицу, как в каждом маленьком доме селилось большое счастье. И Ведерниковы были счастливы...

Но вдруг умолк аккордеон, оборвалась песня. Видно, на всякой крупной стройке случаются несчастья, даже трагедии. Так было и в Качканаре. Не хочется вспоминать об этом, да из песни слова не выкинешь.

Был 1964 год. Ведерниковы возвращались из отпуска. За три недели успели соскучиться – и возвращались с радостью. Приехали – а в Качканаре похороны: на перегрузке №4 строящейся аглофабрики погибли двое рабочих третьего стройуправления, где Николай был главным механиком. Нарушая правила техники безопасности, эти двое смельчаков решили подняться наверх в люльке вместе с кирпичами – и вместе с люлькой и кирпичами рухнули вниз с большой высоты.

– Двоих угробили! Двоих угробили! – прибежал к Ведерниковым взволнованный Федор Селянин. – Это ужасно!.. За семь лет в СУ-3 не было ни одной аварии – и вдруг... Разбились насмерть... Хорошо, что тебя в Качканаре не было, – успокаивал он Николая. – Но ведь двоих угробили, двоих угробили!..

И главный механик СУ-3 Николай Ведерников оказался тем самым стрелочником, который во всем виноват. Его сразу развенчали: перевели в механики. Считая это несправедливым и незаконным, он перевелся из стройуправления на дробильную фабрику, где и работал до суда. И был суд, да не один. Уже на первом заседании всем присутствующим в зале стало ясно, что «судят не того». В итоге же оказалось: того самого. Прораб, главный инженер и начальник СУ-3 проходили на суде как свидетели, а беспартийному главному механику дали три года. Никогда не забыть Ведерниковым эту трагическую дату: 4 апреля 1965 года.

Лида была в отчаянии. Маринке осенью идти в первый класс, надо готовить ее к школе. Под сердцем Лида носит второго ребенка и переживает: а вдруг все ее тревоги и страдания плохо на нем отразятся? Пытается успокоиться, хотя причин для волнения немало. Дров нет, и она, беременная, таскает на себе из леса то, что ей под силу, благо, что лес рядом, через дорогу. Двор, просторный двор не закрыт: крыша ненадежная – от каждого взрыва на карьере она ходуном ходит. Проблемы, проблемы...

И не справилась бы с ними Лида, если бы не качканарцы. С промбазы привезли ей доски, из ЖКО – полутораметровые бревна. Помог в заготовке дров и отдел снабжения ГОКа. Работники дробильной фабрики доставили готовые дрова; коротенькие, аккуратные, они готовились для печей Сущевского, которые в то время устанавливали в благоустроенных домах. Но и Лидина русская печка таким дровам будет рада. Помогали все, кто только мог. Крышу во дворе перекрыли. «Батя, все сделаем по науке, не переживай, – успокаивали Лидинога отца, приехавшего к ней из Лысьвы. – Не переживай!» Даже клетку для кур смастерили. А соседи по улице Набережной вскопали огород и помогли Лиде все посадить. Часто звонил начальник дробильной фабрики З.С. Зильберов, просил Лиду беречь себя ради будущего ребенка, обещал поддержку и в дальнейшем. Она была благодарна всем за бескорыстную помощь. Вот если бы помогли еще вытащить мужа из тюрьмы!..

Не могла она смириться с тем, что невиновный сидит за решеткой. Поехала в Свердловск, в управление местами заключения. С большим животом, с пигментными пятнами на лице, вся в слезах, да еще кровь из носа пошла... Вот такая красавица предстала перед начальником. Он оказался человеком добрым. Успокоил, внимательно выслушал, с пониманием отнесся к ее просьбе не отправлять Николая слишком далеко.

– Даю гарантию, – сказал коротко. И вскоре он позвонил в Качканар: – Ваш муж будет отбывать срок в Каменных Палатках. Это в Свердловске...

И она навещала мужа. В одно из посещений вместе со старшим братом Федором Васильевичем Ведерниковым они привезли Николаю аккордеон. Боже мой!.. Мрачные стены, молчаливые и тоже мрачные стражи порядка, тяжелые двери, железный скрежет тюремных запоров... Побывать здесь хотя бы час, чувствовала Лида, – это уже наказание великое. Так пусть аккордеон скрасит мрачный быт.

А время-то идет. Весна сменилась летом. 7 июля 1965 года у Лидии Петровны родился сын Василий. Едва окрепнув после родов, она стала ездить к Николаю вместе с детьми. В Каменных Палатках ее уже знали, встречали сочувственно, да и Николай был там не на плохом счету. А потому их свидания иногда вместо часа продолжались два часа, вместо одних суток длились двое суток. Однажды при расставании Марина никак не хотела отпускать Николая.

– Папа, пойдем домой! Папа, пойдем домой! – сначала умоляла, потом слезно просила, а потом кричала: – Хочу папу! Отпустите моего папу! – требовал ребенок.

Не бездействовали и качканарцы. Почти тысяча человек подписались под письмом в Верховный суд – и отправили его в Москву с первым качканарским депутатом Верховного Совета РСФСР Павлом Бочкаревым.

И пришла весна 1966 года. В Женский праздник, вечером, первоклассница Марина Ведерникова писала папе письмо. А утром решила переписать без ошибок. Лида отговаривала дочку и собирала ее в школу. Васенька спал. А баба Катя (она приехала из Лысьвы и помогала Лиде с детьми) вышла во двор за дровами. И вдруг услышала музыку.

– Видно, еще не напраздновались: уж с утра гармошка играет, – сказала она Лиде.

Лида прислушалась: аккордеон! Нет, не Юрин аккордеон (Юрий Ведерников – двоюродный брат Николая). Нет, не Юрин! Так играет только Коля!.. Лида ушам своим не поверила.

А Николай, дойдя до Набережной, поставил чемодан на землю, надел аккордеон и громко заиграл. И запел, тоже громко, и утренняя улица услышала:

*Над горою встает заря,
Синим светом полны моря.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Ведь жизнь придумана не зря.*

*Будет радость, а может, грусть.
Ты оклики – я оглянусь.*

*Ты не печалься, ты не прощайся:
Я обязательно вернусь!*

*Как кукушке ни куковать –
Ей судьбы нам не предсказать.
Ты не печалься, ты не прощайся,
А выходи меня встречать!*

*Там, где сосны, где дом родной,
Есть озера с живой водой.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Все впереди у нас с тобой!*

Казалось, не подняться больше, не выпрямиться, не запеть. Но не озлобился Николай, не утратил веру в людей, в правду жизни... А эту песню Ведерниковы с тех пор считают своим гимном...

Лидия Петровна волновалась от нахлынувших вдруг воспоминаний. Ну что поделаешь, если так далеко увела ее мысли и чувства простая лежневая дорога, о которой она рассказывала детям. А Николай Васильевич уже взял первые аккорды, и полилась в школьном зале песня качканарской юности. И взрослым хотелось верить, что у каждого выпускника будет в жизни своя лежневка – дорога в большую жизнь, дорога к счастью.

Оказывается, о том же самом, о счастье трудных дорог думали в тот вечер выпускники. Их настроения, их мечты выразил Вася Ведерников. Он исполнил песню, слова и музыку которой написал сам:

*Главное в дороге –
Не свернуть с пути.
Чего хотел – добейся,
Что искал – найди!..*

Как это хорошо, что, отправляясь в жизнь, молодежь берет с собой песню!

Так думали Николай Васильевич и Лидия Петровна. Сами они всю жизнь дружат с песней. Их дети, их внуки – это тоже их песня. Таня, дочь Марины, уже совсем взрослая. Дочь Василия, Катя, – студентка. А семилетний Ведерников – тоже Николай Васильевич, как и его музыкальный дед.

Но самая прекрасная песня, которую Ведерниковы сложили вместе с друзьями, – это светлый город Качканар.

И есть в нашем городе «Лукоморье» – литературное объединение при газете «Качканарский рабочий». Этому творческому коллективу уже сорок пять лет. Многие стихи самодеятельных поэтов положены на музыку Николаем Ведерниковым. Его песни поет наш город. Ему, главному композитору «Лукоморья», Клавдия Рублева посвятила такие строки:

*Я уже не молод, но душой не стар.
С молодостью строил город Качканар.
Пройденные вехи блещут сединой,
А венец успеха – юный город мой.*

*Я уже не молод, но душой не стар,
С молодостью строил город Качканар,
Песня помогала все преодолеть.
Будни станут ярче, если песни петь!
Я уже не молод, но душой не стар.
С молодостью строил город Качканар.
Помогал мне в жизни мой аккордеон.*

В музыку и песню до сих пор влюблен.

И припев:

Расцветай, Качканар!

Подпевай, млад и стар!

Песня синей птицей над землей летит,

Песня помогает молодость продлить!

Глядя на Ведерниковых, в этом не сомневаешься. Они по-прежнему молоды, хотя каждому из них уже восьмой десяток. Они бодрь, энергичны, легки на подъем, безотказны и всегда среди людей. Только в предвыборной кампании 2009 года они дали двенадцать концертов на избирательных участках.

А на улице Набережной уже полвека стоит их скромный деревянный дом, который для них дороже всякой благоустроенной квартиры. Дом приветливый, гостеприимный, музыкальный. Они верны ему, как верны друг другу и своей любви, как верны они песне, с которой идут по жизни.

И ЭТО ВСЕ – О НЕМ

Светлой памяти Петра Николаевича Карпухина

Рожденный в СССР

Рассказывает жена Эмма Васильевна

Да, он родился в великой стране, которая называлась Советский Союз. Место рождения – село Иванково Тамбовской области. В семье Николая и Анны Карпухиных было три сына: Алексей, Петр и Анатолий. Их изба с соломенной крышей и земляным полом походила на украинскую хату-мазанку. Жили бедно, но дружно. Когда началась война, старшему из братьев было шесть лет, Пете три года, а младшенькому несколько месяцев. В 1941 году отец ушел на фронт и в октябре 1942-го героически погиб. А после войны, в 1946 году, умерла мама. И мальчиков увезли в другое село, в детский дом. Там, в Юрловском детдоме, Петя жил до 1952 года. Он часто и очень тепло вспоминал то время и ту обстановку, в которой росли обездоленные войной дети. Тогда ведь не было сирот при живых родителях, что стало модным в наши дни. Петя рассказывал о заботливых воспитателях и нянях, о подсобном хозяйстве детдома, о том, как дружно работали мальчики и девочки в поле и в саду, как помогали колхозу. Рожденные в Советском Союзе, они ощущали себя частью большой семьи. В детдоме 14-летний активист Петр Карпухин вступил в комсомол и на всю жизнь остался верен высоким нравственным идеалам.

Он успешно закончил ремесленное училище, стал слесарем по ремонту промышленного оборудования и был направлен в Красноярск. В этом сибирском городе, на комбинате искусственного волокна, и началась трудовая биография Петра Карпухина. Работал с удовольствием, был секретарем комитета ВЛКСМ ремонтного цеха, учился в вечернем техникуме.

Потом была служба в армии, школа стрелков-радистов. Их полк в Каменске-Уральском обслуживал Шадринское штурманское училище. Петя хорошо знал фронтовой бомбардировщик ИЛ-28, где был стрелком-радистом. Он уже привык к небу и хотел посвятить себя службе в армии, где его, активного комсомольца, уже приняли кандидатом в члены партии. Но одна встреча заставила развернуть штурвал и спуститься с неба на землю. Приехавший из Свердловска инструктор обкома комсомола рассказал военному служащему о Качканаре. Желающих поехать на молодежную стройку оказалось немало. И возглавить эту группу попросили молодого коммуниста Петра Карпухина.

В таежный поселок, который первостроители уже звали городом Юности, Петр и его друзья прибыли в мае 1960 года. Начинать он слесарем в жилищно-коммунальной конторе.

Потом, подчиняясь партийной дисциплине, работал на заводе ЖБИ, в «Уралсантехмонтаже», в Качканарском ГОКе. По вечерам учился в строительном техникуме. А чтобы получить диплом, мало было хорошо учиться, надо было еще поработать на стройке. И Петр Николаевич пришел в СУ-7. С тех пор и уже навсегда он был связан с трестом «Качканаррудстрой». Обо всем, конечно, не расскажешь. Скажу только, что Петра ценили как добросовестного и ответственного работника и очень ему доверяли. Он был заместителем начальника стройуправления, секретарем партийной организации. Работал начальником отдела кадров треста «Качканаррудстрой», заместителем управляющего трестом по быту и кадрам. Делу отдавал всего себя, за все переживал. А ситуации на стройке и в быту строителей случались всякие и оставляли след в беспокойном сердце моего Петруши. Первый инфаркт (а всего их было шесть) он перенес очень рано, в сорок один год. До сих пор душа моя болит оттого, что в семье у нас два медика (я и дочь), а спасти его не смогли, хотя всячески оберегали его от тяжелой физической работы в саду.

А познакомились мы с Петрушей в начале 60-х годов, когда я, фельдшер по образованию, работала на «Скорой помощи». Располагалась она тогда в Клубном переулке. А Петр жил по соседству, в общежитии по улице Октябрьской. Вместе с ним ходили мы в школу рабочей молодежи. И с каждым днем в этом скромном парне я открывала все новые, удивительные грани. Эти открытия продолжались и после нашей свадьбы, которая была в 1963 году. И лишь с годами я смогла по-настоящему оценить, какой замечательный человек живет рядом со мной. И чем старше мы становились, тем больше любила я своего мужа.

У нас двое детей: Константин и Ольга. И четверо внуков. Петр Николаевич – замечательный отец и дед. Вот один лишь пример. Когда Оля с подругой поехали поступать в Тюменский медицинский институт, Петр поехал с ними. Жил вместе с девочками, готовил им еду, кормил абитуриентов, всячески поддерживал и вдохновлял их. А когда они сдавали экзамены, очень болел за них, сидел на скамейке перед институтом и болел. И очень радовался, что Оля стала студенткой, а через несколько лет – врачом.

Самый лучший папа на свете

Говорит дочь Ольга Петровна

У нас папа был как мама, а мама – как папа. Папа – жаворонок, мама – сова. Папа всегда очень рано вставал. Приготовит завтрак – и будит маму. А ей еще поспать охота. Потом она быстро поднимается, одевается. Ей надо торопиться, чтобы не опоздать на автобус: мама работала на здравпункте завода ЖБИ.

– Петруша, ты положил мне завтрак с собой? Ничего не забыл?.. Ну, я побежала, – говорила мама и улетала.

Потом, в семь часов, папа будил нас, кормил завтраком и отправлял в школу. До третьего класса он заплетал мне косички. И на родительские собрания ходил папа, а мама, наверно, и не знала, в каком классе: «а» или «б» – мы учились. Папа никогда не повышал голос, ни разу нас не ударил. Костя старше меня на десять лет, но он порою дурачился со мной, как маленький, и мама, случалось, разгоняла нас тапочками.

– Петя, ну давай поругаем их вместе!

А папа все добром да лаской. Вот такой он, самый лучший папа на свете. Как человек – очень честный, порядочный, коммунист до мозга костей. Ни разу не использовал служебного положения в личных целях. За машиной стоял в очереди восемь лет, и денег хватило только на «Запорожец»... Случалось, что в кабинет папы в его отсутствие приносили коробки конфет, чтобы он поспособствовал в получении квартиры или в чем-то еще. Так на другой день мы с мамой разносили эти подарки по адресам: папа ведь знал, от кого они. Неподкупный человек, он смотрел на мир честными глазами.

А глаза у него были голубые. Вот такие же, голубые дедушкины глазки теперь у Ванюшки, Ивана Андреевича, которому уже полгода. А наша Даша – первоклассница. Ванюшка дедушку не видел. Но хочется верить, что он пришел в мир вместо него. И будем стараться, чтобы жил он правильно и был настоящим человеком.

Настоящий человек

Рассказывает сын Константин Петрович

Отец для меня – образец. Он был безупречен во всем. На работе или дома, в саду или на отдыхе – всегда аккуратен, подтянут, чисто выбрит. В обращении – вежливый, деликатный. Я ни разу не слышал от него грубого слова. А как бережно относился он к маме! Сколько внимания уделял нам с Ольгой, а потом и нашим детям. Кстати, с внуками гулял в основном дедушка, да и в школу к ним ходил тоже он. Мои дети учатся в седьмой школе: Егор- в десятом классе, Илона – в девятом. И сейчас им очень не хватает дедушки, который, как говорит моя жена Елена, всегда излучал положительную энергию и был очень щедрым. Душевная щедрость и разносторонние знания – ему было что дать детям. Ведь с давних, еще советских лет большую часть своей зарплаты он тратил на книги, газеты и журналы. Любил кроссворды, передачу «Умницы и умники» и «Сто к одному». Рядом с отцом было тепло и уютно. Очень весело и интересно проходили у нас семейные праздники. Папа мог и стол накрыть, и хоровод организовать, и песню запеть. «Петя, начинай!» – скажет мама, и папа запевае. Голос у него был хороший, а любимая песня «На Волге широкой» («Сормовская лирическая»). Папа много лет пел в хоре треста «Качканаррудстрой», а на новогодних праздниках был Дедом Морозом. И всегда он занимался общественной работой. Во время выборов был председателем участковой избирательной комиссии. А когда началось движение «Память сердца», папа, избранный председателем регионального совета, активно помогал детям погибших защитников Отечества.

Он всегда был на передовой линии. Может, это сказано высокопарно, но это так. В далекой молодости он по воле партии, по зову сердца приехал строить Качканар. А в 1988 году оказался в разрушенном Спитаке, тоже по воле партии и по зову своего сердца. Этот армянский город был полностью уничтожен землетрясением, погибли тысячи людей. Многие иностранные государства и все республики Советского Союза оказывали помощь пострадавшим. Одну из команд Свердловской области возглавлял наш папа, Карпухин Петр Николаевич. Мама, беспокоясь о его здоровье, умоляла папу не ездить, просила трестовских руководителей, чтоб не посылали его туда. Но папа не мог не поехать. Потом он с волнением рассказывал нам о той страшной трагедии и неразберихе, о безутешном горе людей и героической работе спасателей.

Я горжусь своим отцом. 15 марта будет год, как его не стало. Но он всегда с нами, трудолюбивый и ответственный, пылкий и скромный, заботливый и щедрый, любящий и глубоко порядочный – настоящий человек.

ВЕРНОСТЬ

Думаю, именно это слово должна я вынести в заголовок, если хочу рассказать о Раткевичах.

Сначала о Германе Исааковиче.

Он мог бы родиться на Севере, за Полярным кругом. Там, в Кандалакше Мурманской области, жила эта мирная интеллигентная семья. Исаак Александрович Раткевич был начальником Северной железной дороги Мурманск - Ленинград. Анна Никандровна преподавала русский язык и литературу. И был у них сын Станислав, умный, воспитанный мальчик. Пошел в школу, учился отлично. Раткевичи ждали второго ребенка. Все было хорошо. Но пришел 1937 год. Исаака Александровича объявили врагом

народа и расстреляли. Анна Никандровна и девятилетний Станислав уехали к родственникам на Урал. Вместе с ними, в утробе матери, появился в этих краях и Герман. Рожденный в декабре 1937 года в Челябинской области, он стал коренным уральцем. Село Сыростан, веселая река с таким же именем, мраморный карьер и очень красивые горы – яркие впечатления его детства.

Любознательный кудрявый парнишка, который с интересом учился в школе, после девятого класса вдруг забастовал: "Хочу быть трактористом!" Уговоры не помогли. Общеобразовательную школу сменил на ФЗО (фабрично-заводское обучение). Приехал в Нижний Тагил. Там, на Вые, была горнорудная школа №56.

– Там нас обували, одевали и спать укладывали, – говорит Герман Исаакович. – Полное государственное обеспечение. Учебные классы, столовая и спальня – все в одном здании. В группе 27 человек, все уже после армии, взрослые. А "малолеток" только двое: я да еще один пацан.

Полгода учебы – и вот вам готовые специалисты, нет, не трактористы, а экскаваторщики. Государство выучило их – теперь надо обрабатывать. Германа и его друга-«малолетку» направили в Свердловск, в Управление железной дороги. Именно здесь был старт длинной дистанции, на финише которой окажется Качканар. Давайте и мы, дорогие читатели, пройдем эту дистанцию вместе с Германом.

Шел 1956 год. Строилась дорога Миасс-Учалы. И ребят отправили в Миасс. Но там сказали, что экскаваторщики уже есть, больше не надо. Пришлось вернуться в Свердловск. Вот такой фальстарт. В управлении дороги их внимательно выслушали – и послали подальше, в Магадан (куда уж дальше-то?). К новому месту назначения парни добирались полмесяца. С усталостью и неудобствами долгого пути мирились, не переставая удивляться: какая все-таки большая наша страна! А вагонные колеса все выстукивали: Ма-га-дан, Ма-га-дан, Ма-га-дан... Стучали с тревогой и надеждой. А когда стучать перестали и перед молодыми механизаторами открылся этот северный город – тревога исчезла. Исчезла и надежда: ребят в Магадане тоже не ждали. Какое разочарование! Какая горькая, почти детская обида! С этими чувствами отправились в обратный путь по бескрайним просторам нашей Родины.

С этими чувствами, усталые и голодные, пришли в управление Свердловской железной дороги, чтобы снова «стартовать». Что им скажут теперь, куда пошлют? Об этом, видимо, думал и начальник...

– Да что вы людей мучаете? – сказал вдруг сидевший тут мужчина в форме железнодорожника. – У меня рабочих не хватает, а вы кадрами разбрасываетесь!

Оказалось, кадры были нужны на строительстве второй железнодорожной ветки Пермь - Свердловск. Друга (он был старше) сразу взяли на экскаватор. А Герману пришлось осваивать другие профессии. Сначала рядом с крепким дедом-кузнецом заменял он молотобойца, который находился в отпуске. Потом ремонтировал дизельные двигатели, был помощником слесаря. Жили ребята на станции Шаля – сначала в вагончике, где по ночам подушки примерзали к стенке; потом – на квартире у одной бабушки. Жили, работали, пока не закончилось строительство на этом объекте. Потом в трудовой биографии Германа Раткевича была еще Башкирия, город Белорецк. А дальше – армия.

Армейская служба началась с целины. И не удивительно. Тогда вся наша страна жила целиной. "Партия велела – комсомол ответил: есть!" Легкая на подъем советская молодежь отправилась осваивать новые земли. "Едем мы, друзья, в дальние края; станем новоселами и ты, и я", – звучала песня на многолюдных вокзалах и в длинных железнодорожных составах, которые везли добровольцев в Казахстан.

В Казахстане трудились и солдаты, поселившиеся в палатках. Бескрайняя степь. Никогда еще не видел Герман таких просторов, такого слепящего и жгучего солнца и столько зерна. Потоки, реки, кучи зерна – сколько пришлось перелопатить этого сыпучего золота, политого солдатским потом!

– Работали мы до белых мух, а в декабре увезли нас по воинским частям, –

рассказывает Герман Исаакович. – И просто удивительно: наша учебная часть оказалась в Нижнем Тагиле, на Вые, как раз напротив той горнорудной школы, где я учился.

Получалось, что замкнулся довольно-таки длинный жизненный круг. Герман, конечно, не удержался и побывал в школе. Там его помнили – встретили радушно, напоили чаем. В учебной воинской части служил он с удовольствием, выучился на командира плавающего танка.

Командиром танка служил и на Кавказе, куда был направлен после "учебки". На Кавказе в советские времена не стреляли, не взрывали – не воевали. Служба Германа Раткевича прошла спокойно и достойно. Закончилась она в ноябре 1959 года.

И вернулся он на Урал. Вышел из вагона на станции Ощепково, зашел в вокзал – и увидел своего старшего брата Станислава. Сидит, газетку читает. Обнялись, радуясь неожиданной встрече после долгой разлуки...

Теперь несколько слов о Станиславе. Ему, круглому отличнику, после окончания средней школы оказалось очень непросто пробиться в вуз: все еще тянулся за ним шлейф сына "врага народа". И все-таки поступил Станислав в Свердловский сельскохозяйственный институт, успешно его закончил и вместе с женой (они поженились на последнем курсе) по направлению приехал в село Южаково Свердловской области, работал главным агрономом. Сюда вскоре переехали и Герман с мамой. Здесь Гера закончил восьмой и девятый классы, отсюда, как мы уже знаем, ушел "в свободное плавание". А завершив его в рядах Советской Армии, он возвращался в Пышму, где к тому времени уже жили Раткевичи. Вышел на станции Ощепково и встретился с братом, который отправлялся поступать в аспирантуру. Сразу скажу, что Станислав Исаакович станет кандидатом сельскохозяйственных наук, потом защитит и докторскую диссертацию, будет преподавать в вузах Тюмени, работать в Уральском научно-исследовательском институте сельского хозяйства.

А Герман после службы на Кавказе радовался уральской зиме, белому снегу, наслаждался жизнью "на гражданке". И думал о том, что надо искать работу, основательно устраивать эту самую гражданскую жизнь. Уже не юнец, 23 года. Немало повидал, многому научился. Да и специальность рабочая имеется. Правда, пока получалось, что он со своей специальностью был не нужен. И вдруг из объявления узнал, что требуются экскаваторщики. На качканарской стройке. В приподнятом настроении проводил он 1959-й и встретил 1960 год. И сразу после Нового года отправился навстречу своей судьбе.

В Нижнюю Туру поезд пришел ночью. Куда теперь? Семейная пара, с которой Герман познакомился в дороге, пригласила его с собой, чтобы переночевать у знакомых. Те приняли радушно, даже пельменями накормили и спать уложили, а рано утром проводили до остановки. И на грузовой машине по ухабистой дороге приехал Герман на стройку. Вылез из машины, вдохнул морозный воздух, огляделся. Тайга. Она уже потеснилась, раздвинулась, уступая место первым улицам. Домов пока немного, но в запахах, звуках и людях – во всем чувствуется большой размах строительства. Так вот ты какой, Качканар! Принимай вчерашнего солдата!

Но оказалось, что отдел кадров строящегося горно-обогатительного комбината находится не здесь, а в Валериановске. Ну, что ж? Валериановск – не Магадан, совсем рядом. Добрался, нашел контору. Узнал, что прежде чем получить работу, надо прописаться. Бегал по поселку в поисках пристанища. Но все жилье переполнено, в каждой избе уже поселились добровольцы. Не сразу, но все же нашел одну сердобольную избу – устроился.

– И 14 января 1960 года вышел я на работу. Заявление писал на экскаваторщика, а мне сказали: "Будешь лесорубом!" Ну что поделаешь, если на качканарской земле все еще был большой спрос на лесорубов. Познакомился с парнем, он с Глубокой, тоже после армии. И вот с ним, Геннадием Вазовиковым, рубили мы лес на горе Гусевой, грузили на трелевочный трактор, вывозили – и разгружали. А трактористом был Василий Мезенцев,

– вспоминает Герман Исаакович своих первых качканарских друзей.

С января до мая были они лесорубами. Потом им сказали, что они будут работать на буровых станках, помощниками машинистов.

– И тут же, без всякого предварительного обучения, меня отправили в ночную смену, а Геннадия – с 16 часов (смена тогда была восьмичасовая). А уж обучаться пришлось прямо на работе.

Начинал он на станках канатно-ударного бурения, самых первых и малопроизводительных. Потом в стране появились БШ-1 – станки шарошечного бурения. Первая их партия была отправлена в Хибины. Следующие пять пришли в Качканар. Прибыли и наладчики. Устанавливали, опробовали, испытывали.

– Рядом с ними мы изучали новое оборудование, – говорит Герман Исаакович. – Установили четыре станка. Во время работы они часто ломались. Мы ремонтировали, изготавливая нужные детали. И пятый станок почти полностью ушел на запчасти. Более совершенные, эти станки тоже имели свои недостатки. Бурили всухую, без воды – пыль поднималась столбами. Вместо баков с водой было пылеудерживающее устройство, да разве справится оно с облаками и тучами пыли?.. Говорю сейчас внукам: " Вы столько сахара не съели, сколько дед пыли проглотил"...

Потом, конечно, придут станки новых поколений, но именно эти, первые и несовершенные, пробурили первые скважины на пути к качканарской руде. Первые и несовершенные, где каждый винтик стал родным, эти станки так привязали к себе Германа Исааковича, что он всю жизнь проработал бурильщиком скважин.

Привязал его к себе и Валериановск. Он тоже навсегда вошел в его жизнь вместе с работой и одной миниатюрной, энергичной девушкой Тамарой Злобиной. Герман встретил ее однажды в клубе на танцах. Тогда он даже предположить не мог, что эта дюймовочка – одна из зачинателей Качканара. Что ее трудовая книжка открывается вот такой записью, сделанной в 1957 году: "Топо-изыскательская партия института "Уралгипроруда" – реечник. Что эта хрупкая, семнадцатилетняя девочка ходила в лес с тяжелой ношей, длинными рейками, вместе со специалистами намечая дорогу от Валериановска в сторону горы Долгой. А после них пришли лесорубы. Тамара, как и все первостроители, знала: дорога – будет! Но она не знала тогда, что в январе 1960 года по этой дороге приедет в поселок ее суженый, с которым она однажды встретится на танцах. Тамара в то время уже работала в поселковой библиотеке и училась заочно в Пермском библиотечном техникуме.

Познакомились. А через год пришли к Тамариной маме.

– Мама, – сказала дочь, – сейчас мы пойдем расписываться.

Что могла ответить Мария Тимофеевна? Конечно же, она благословила их.

– Пришли в поселковый Совет, – вспоминает Герман Исаакович, – расписались и отправились на работу: она – в библиотеку, я – в карьер, моя смена была с 16 часов. И почти две недели не виделись: Тамара жила дома, я – в общежитии. Через некоторое время была скромная вечеринка – вот и вся свадьба...

Потом он рассказывает об их первом совместном жилье. Был тогда в поселке дом барачного типа, в котором размещались почта, парикмахерская, ветлечебница да еще две маленькие квартиры. Вот такой универсальный полусгнивший барак, где Раткевичи прожили почти три года.

– И это считалось квартирой? – искренне удивляется их дочь Марина, которая, между прочим, и родилась в том полусгнившем доме, но это не помешало ей стать хорошим человеком.

Иные из нынешних молодоженов на роскошном лимузине сразу въезжают в готовенькую шикарную квартиру – разве это плохо? Вот если бы эти родительские дары были еще и залогом прочного супружества! К сожалению, нередко семейная жизнь после пышной свадьбы оказывается короче, чем длина лимузина.

А Тамара и Герман Раткевичи идут по жизни рядом уже полвека. Вместе радуются,

вместе горюют. Родилась Мариночка, получили благоустроенную квартиру, родился Левушка – это ли не радость? Первая улыбка, первое слово, первые шаги, первый класс, первые огорчения, первая любовь... Первые достижения и первые, уже не детские, проблемы. Жизнь любит подкидывать нам разные проблемы. Но в любых ситуациях дочь и сын чувствовали поддержку и понимание родителей. Семья для Раткевичей – самое святое.

Валериановск – тоже их большая семья, и они немало сделали для поселка, где их хорошо знают и уважают. Библиотека сначала располагалась в небольшом деревянном доме, но дорога сюда была любимым маршрутом детей и взрослых. Тамара Ивановна сумела превратить библиотеку в настоящий просветительский центр, где практиковались беседы и лекции, познавательные игры и викторины, различные конкурсы и чтения. Грамотная и энергичная, большая затейница, Тамара Ивановна проводила праздники улиц и Дни поселка, торжественные собрания и молодежные вечера, слеты солдатских матерей и митинги памяти, и просто посиделки и чаепития.

– Кто первый затянет песню? Кто переоденется в кимоно и удивит гостей "японским" наречием? Кто станет веселым дедом Морозом или бравым офицером в галифе? Конечно же, наша бессменная артистка Тамара Ивановна, – вспоминают о ней сотрудники городской библиотеки.

Сорок пять лет отдала Тамара Раткевич читателям и книгам, любимой работе, ни разу не подумав сменить ее на более денежную. И самой высокой из всех своих наград считает знак "За отличную работу" Министерства культуры СССР, который ей вручили в 1986 году.

Тамара Ивановна как депутат Валериановского поселкового Совета и Герман Исаакович как депутат Качканарского городского Совета верно служили родному поселку. Теплоснабжение и канализация, строительство пруда и объездной дороги, сооружение памятника погибшим землякам – во всем частица их труда, их души.

С душой и полной самоотдачей трудился Герман Исаакович и на производстве. Не раз признавался лучшим по профессии, лучшим воспитателем комсомольско-молодежного коллектива, был победителем социалистического соревнования, ударником девятой пятилетки, награжден знаком "Шахтерская слава", орденом Трудовой славы и орденом Трудового Красного Знамени. Многочисленные благодарности и свидетельства, почетные грамоты и дипломы – словно вехи на славном трудовом пути, который длился сорок четыре года.

– Ровно сорок четыре года и один день, – с улыбкой уточняет Герман Исаакович.

Вот такие они, ветераны труда Раткевичи, верные, постоянные в работе и в любви, в преданности Валериановску. И счастливы дети, у которых есть такой удивительный пример – тут для воспитания не требуются ни громкие слова, ни утомительные наставления. И довольны родители, что Марина и Лева выросли достойными людьми. Отцу было приятно, что сын пошел по его стопам: в профтехучилище получил специальность бурильщика скважин и до армии работал на Северном карьере Качканарского ГОКа.

Марина и Лев, по примеру родителей, так же мудро и бережно воспитывают своих детей; любят дело, которому служат; любят свой поселок и свою страну. Говорить о любви к Родине сейчас не принято. А может, и не надо говорить: ведь патриотизм – чувство самое стыдливое. И все же надо растить патриотов – без громких слов, конкретными делами и примерами. Иначе что будет с нашей страной, если ее любить перестанут?

Лев Раткевич никогда не стеснялся этого чувства, хотя и не кричал о нем. С желанием пошел в армию. Служил в Прибалтике. В 1986 году закончил сержантскую школу и мог спокойно продолжать службу, обучая молодых сержантов. Но прозвучало слово "Афганистан", а рядом с ним – "война" и "Советская Армия". Лев в числе первых написал рапорт, что хочет продолжать службу в Афганистане. И в апреле 1986 года он вместе с

другими новобранцами прилетел в Кабул. На афганской земле не раз смотрел в глаза смерти, был контужен и тяжело ранен. Домой посылал спокойные, добрые письма. Но родители жили в постоянной тревоге: ведь там – война!

О том, как воевал наш земляк, говорят награды, с которыми он в конце 1987 года вернулся домой. Медали "За боевые заслуги", "За отличие в воинской службе", "За самоотверженный ратный труд в Туркестанском военном округе", наградной знак "Воину-интернационалисту", "Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа". Вместе с наградами привез Левушка вторую группу инвалидности да осколок, который остался в его груди после ранения.

На работу не принимали. Страдал, слезно умолял, чтобы дали третью группу инвалидности. Добился и вернулся на Северный карьер бурильщиком. Поступил на заочное отделение Свердловского горного института. Женился. Его любимая девушка, видимо, той же высокой пробы, что и Раткевичи. Слевой они дружили со школы, и Лена преданно ждала его из армии. Как и вся семья, переживала из-за осколка в груди Левы. Эта «железка», конечно, мешала. Но терпел, десять лет терпел. И уж когда стало совсем невмоготу, поехал в госпиталь.

В настоящее время Лев Раткевич, выпускник горной академии, работает на Главном карьере начальником бурового участка, жена Елена – в управлении комбината. У них два сына. Старший, Всеволод, закончил пожарную академию при МЧС.. Богдан учится в пятом классе. Оба любят спорт: Всеволод – каратист, Богдан занимается самбо. Да и как им не любить спорт, если дедушка до сих пор в хорошей спортивной форме, если он всю зиму ежедневно ходит на лыжах. Герман Исаакович давно расстался с сигаретами и уже 35 лет не курит – это ли не пример для сына и внуков!

Марина, выпускница Уральского политехнического института, работает экономистом в рудоуправлении Качканарского ГОКа. Там же работает ее муж, Николай Суровцев, энергетик, закончивший горный институт. У Марины и Николая тоже двое детей. Сын Костя, выпускник горной академии, живет и работает в Екатеринбурге. Дочь Кристина учится в Уральском государственном университете.

Вот такая большая и дружная, преимущественно горняцкая семья. Вот такая "ячейка" общества. Ах, если бы все "ячейки" были такими: чистыми, излучающими добрый свет, такими надежными и прочными – сколько света прибавилось бы в нашей жизни, насколько крепче и благороднее стало бы наше общество!

– Лето 2011 года было у нас особенным, – говорит Марина. – Сразу три свадьбы, и все юбилейные.

Начнем с первой, самой юной. 15 июля Костя женился на Тане, студентке медицинского института. Эта свадьба зовется зеленой. 16 августа "пела и плясала" серебряная свадьба Марины и Николая, родителей Кости. А 31 августа – золотой юбилей Тамары Ивановны и Германа Исааковича.

В поздравлении дети и внуки написали:
*В день свадьбы золотой сердечно поздравляем
 И дружно вам желаем здоровья и любви!
 Пусть счастье и покой ваш дом не покидают.
 Вот внуки подрастают – в потомках живы вы!
 И прожитые годы окиньте добрым взглядом:
 Ведь в радости и горе – всегда вы были рядом!
 Так, смело вдаль шагая, за грань тысячелетья,
 С надеждой и упорством живите до столетия!*

А я всем Раткевичам желаю пронести свою любовь от свадьбы Зеленой до свадьбы Коронной, которую празднуют через 75 лет супружеской жизни.

ПРОСТОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек необычайно скромный, он никак не хотел, чтобы я о нем писала. Но после долгих сомнений и раздумий согласился. И рассуждал так:

– Писать обо мне вроде бы и нечего. Я обычный, простой качканарец. Почти 55 лет отработал на производстве и ничего особенного не совершил. Я не собирал стадионы воздыхателей, не покупал дорогие особняки с золотыми стульчаками в туалете, не вел телепередачу «Дом-2»...

Четыре года строил я Качканарский ГОК, а потом более тридцати лет трудился на этом предприятии в качестве высококвалифицированного рабочего и руководителя среднего звена. Сейчас задумался. Так что же я наработал за тридцать три года на комбинате?.. Результаты меня удивили. За это время мой горно-обогачительный комбинат переработал не менее полутора миллиардов тонн руды. Путем несложных арифметических действий получается, что из нашей продукции произведено не менее миллиона тонн высококачественной ванадиевой стали на каждого работника ГОКа. Сколько же машин и механизмов изготовлено из этой стали!.. Так что, думаю, мы для государства сделали не меньше, чем, к примеру, певцы и музыканты...

Вот так рассуждал этот простой человек, гордый своей принадлежностью к родному предприятию, городу и государству. А еще он причастен к нашему литературному объединению «Лукоморье» и уже более тридцати лет активно участвует в культурной жизни Качканара...

Так кто же он такой и откуда взялся?

О предках

Это Владислав Анатольевич Карманович. О своем генеалогическом древе он рассказал в одной из своих поэм. Поэма большая, как и сама жизнь с непростыми человеческими судьбами. Давайте прочитаем хотя бы несколько строк.

*После отмены крепостного права
Добрался мой прадед до Урала.
Здесь, на заимке возле Кушвы-речки,
Изготавливал он фосфорные спички...
Недоучёл. Ведь фосфор не забава.
Не уберегся, как с ним ни лукавил –
Тридцать восьмой не дожил год,
Оставил четверых сирот.
А из сирот был старшим дед.
И вот с четырнадцати лет
Уж как заправский коногон
Руду возил на домну он.
При нэпе торговать прельстился –
Потом за это поплатился.
Другой мой прадед – белорус,
Переселенец... Как попал на Русь?
В начале века отруба давали –
Так появился прадед на Урале..
А сын его был красный партизан...*

Строчка за строчкой, строфа за строфой – пишет Владислав о своих предках, которые познали капитализм и власть Советов, радость победы и боль предательства, аресты и тюрьмы. С гордостью говорит он о бабушке (по материнской линии), которая была из семьи потомственных сталеваров города Кушвы.

Особый разговор в поэме – о Великой Отечественной войне, о героизме и потерях. Погиб дядя Степа, командир зенитной роты. Доброволец дядя Вася, которому не исполнилось и восемнадцать, «в Уральский танковый пошел в сорок втором – и

похоронен под Орлом». А дядя Миша был «с границы раненым погружен в эшелон» и погиб вместе с эшеленом.

*Мой **тесть** – солдат саперной роты.*

До свадьбы дочерей он тоже не дожил:

Он в сорок пятом на Зееловских высотах

Под танком голову сложил.

Едва не сложил голову на войне и отец Владислава, Анатолий Петрович.

О родителях – особый сказ.

Мама Евгения Алексеевна, из семьи потомственных сталеваров, и папа Анатолий Петрович, из семьи белорусов-переселенцев, – оба стали учителями. Образованные, интеллигентные, они вырастили троих сыновей и дочь. Владислав, старший из детей, вспоминает, какой любовью сельских школьников пользовались его родители: деликатная, добрая и требовательная учительница начальных классов Евгения Алексеевна и строгий математик Анатолий Петрович, который почти каждое лето проводил с ребятами в пионерском лагере и очень любил шахматы.

– Да и дома у нас постоянно проходили баталии на шахматной доске. В шашках первенство держала мама, а в шахматах трудно было тягаться с Евгением, – рассказывает Владислав Анатольевич.

С большой теплотой говорит он о родителях, о семье, в которой вырос. О себе же рассказ нередко ведет в критических тонах.

О себе

– Учился я не шатко и не валко. Мама и папа работали в сельской семилетке, а я жил у бабушки в Кушве и учился в средней школе. И вот без родительского присмотра заработал по химии на осень.

Дело в том, что мы с учительницей не нашли общего языка, и когда она вызывала меня отвечать, я просто молчал. И, конечно, за все четверти мне были поставлены «двойки». На осеннем экзамене я взял билет и сразу, без подготовки стал отвечать. До сих пор помню удивленные глаза учительницы. Не поверила она в мои отличные знания и предложила взять еще один билет.

И снова я ответил без подготовки. «Так что же ты весь год мне мозги компостировал?» – радостно возмутилась учительница и поставила «пятерку». Эта отметка и пошла в аттестат.

После школы я поступал в Свердловский горный институт, но не прошел по конкурсу. Приехал в Верхнюю Туру к родителям и устроился на завод (почтовый ящик №1) слесарем-лекальщиком. Эта специальность пригодилась мне на всю жизнь. После двухлетнего трудового стажа поступить в институт (без конкурса) было легче. Но я сел в десятый класс вечерней школы, чтобы знания мои не заржавели. В 1956 году поступил в институт, набрав даже больше баллов, чем требовалось по конкурсу. Учился с интересом, занимался спортом. А в конце 1957 года заболел – пришлось взять академический отпуск.

Снова работал – мотористом, землекопом, бетонщиком. Вернулся в институт, на второй курс. Но умудрился завалить теоретическую механику – остался без стипендии. Родители помогать мне не могли. У них, кроме меня, было еще трое детей. Последний братишка только что родился. Средний брат Евгений учился в Нижнетагильском горно-металлургическом техникуме и тоже в тот момент без стипендии, хотя в дальнейшем получал только повышенную.

В это время уже на всю страну гремела ударная комсомольская стройка. И по комсомольской путевке поехал я осваивать Качканар.

В Качканаре

Четыре года, как уже признался наш герой, он строил горно-обоганительный комбинат. Давайте вместе с ним вернемся ненадолго в те строительные годы, когда в его судьбу нередко вмешивался случай.

В мае 1959 года Владислава приняли в трест «Уралспецстрой» на строительство котлована под корпус крупного дробления. Правда, трест направлял его в механические мастерские на Валериановске. Начальник мастерских решил принять его бригадиром слесарей. Но в это время к нему зашел прораб с карьера корпуса крупного дробления.

– Выручай, – говорит. – Мне нужен толковый парень, который разбирается в электричестве. Надо обслуживать несколько прожекторов для освещения карьера. Да чтобы он еще разбирался в бензиновом движке, который крутит динамо, чтобы подавать ток в эти прожекторы...

После короткой беседы выяснилось, что новый молодой кадр как раз то, что было нужно прорабу.

– Спасибо, выручил! – сказал он начальнику мастерских. – Давай-ка оформим мы тебя по высокому, шестому разряду, – обратился он к Владиславу. – Не возражаешь?..

Владислав возражать не стал: работа была ему понятна и знакома. Работал он тут до глубокой осени. Потом карьер перевели на стационарное освещение, а Владиславу предложили перейти в электрики.

Но опять вмешался случай в лице мастера бурового участка Володи. Смирнова.

– Мне нужен этот парень, – сказал он. – У меня нет помощника машиниста на буровом станке.

Помощником Владислав был недолго. Травмировался машинист бурстанка – и машинистом стал Карманович. А в помощники ему дали брата Евгения, который к тому времени окончил техникум. Работали дружно и слаженно, с присущим всем Кармановичам чувством ответственности.

А время шло, приближая новый поворот в трудовой биографии Владислава. Геодезисту бурового участка надо было ехать на защиту диплома. Кем заменить его? Ну, конечно же, безотказным Кармановичем. И, конечно же, Владислав не возражал, тем более что с геодезией он хорошо был знаком. Будучи студентом-очником, он с интересом изучал ее теоретически, а во время геодезической практики – основательно.

Он знал, что эта интересная работа очень ответственна, но даже не предполагал, сколько она потребует нервов и душевных страданий, Это он почувствовал в Качканаре. До сих пор не забыл Владислав Анатольевич, как прокладывали трубы под железнодорожные пути за плотиной и как вели водопровод от напорных баков к переулку Советскому. Как завершённую работу проверяла усомнившаяся комиссия из маркшейдерского отдела. Снова рыли, копали, делали съёмку – оказалось: все правильно.

– А какая трепка нервов! – вздыхает мой собеседник. – Все подозрения с меня были сняты. А какой осадок на душе!

Он утешал себя тем, что в каждой работе есть свои издержки. Он был благодарен его величеству Случаю, который дал ему возможность освоить многие профессии и сделал умелыми его рабочие руки.. И теперь, подчиняясь не случаю, а собственной воле, Владислав поступил на курсы сепараторщиков: в ту пору уже готовили кадры для комбината. А на заочном отделении горного института он выбрал специальность технолога.

Курсы сепараторщиков он окончил в 1963 году – и с тех пор вся жизнь Владислава Анатольевича связана с Качканарским горно-обогатительным комбинатом, где он прошел путь от рабочего до руководителя среднего звена. Отлично знающий производство, Карманович был хорошим руководителем. Подробно об этом говорить не будем, а расскажем лучше о его партийной работе.

Партийный секретарь

– Избрали меня заместителем секретаря партийной организации обогатительной фабрики. На этой должности я ничего интересного не испытал, – признается Владислав Анатольевич. – Но совсем другое дело, когда мне пришлось стать секретарем парторганизации. Пришлось потому, что нашему бессменному секретарю Зикрачу была

сделана серьезная операция и он надолго выбыл из строя. И вот тогда я понял, что такое партийная организация и как много от нее зависит: и настроение всего коллектива, и даже отношение руководства предприятия к своим обязанностям.

Начал Карманович с того, что регулярно бывал в бригадах, на раскомандировках, знакомился с рабочей обстановкой, с состоянием дел; спрашивал, что в данный момент беспокоит людей больше всего. Поначалу рабочие отшучивались, не воспринимая его визиты всерьез. Но когда заметили изменения к лучшему – поняли, что эти посещения не ради «галочки», и уже стали ждать очередного прихода партийного секретаря, высказывать претензии и предложения. Вот лишь два примера.

Чтобы уехать с обогатительной фабрики в город, нужно было спуститься к аглофабрике или окатышам. Автобусной остановки у обогащения не было: сделать ее тут, как заявляла ГАИ, запрещают правила. Этот вопрос В.Карманович вынес на партийное собрание фабрики. В постановлении отразили просьбу трудящихся: если нельзя сделать остановку на основной дороге, то пусть автобусы заезжают к обогащению и останавливаются у столовой. С этим постановлением Владислав Анатольевич вышел на партийную оперативку комбината. Там ответили отказом, сославшись на ГАИ.

– На следующей оперативке я снова заявил, что трудящиеся, в том числе 104 коммуниста обогатительной фабрики, требуют исполнения постановления партийного собрания. Об этом же пришлось мне сообщить и в третий раз. И остановка для обогатителей появилась, и никуда автобусам не надо было заезжать. Эта остановка на основной дороге существует и сейчас.

Далее. Много рабочих фабрики жили на улице Октябрьской и на Первомайке. Ходить на работу им было удобнее и короче через низину, через гаражи. Правда, «удобней» – не то слово. Дорога там (а точнее – дорожка) была никудышная и неосвещенная – проблемная, особенно зимой и весной.

Узнав об этом от рабочих, Карманович вновь пустил в ход свой партийный локомотив. «Осветить дорогу, ведущую на фабрику с Первомайки» – это постановление он опять двигал в высшие партийные инстанции комбината, двигал до тех пор, пока голос рабочих не был услышан. ГОК заасфальтировал дорожку. А освещение пришлось делать силами обогатительной фабрики, что не очень-то понравилось ее начальнику. Но дело было сделано – и люди долго благодарили Владислава Анатольевича за его настойчивость.

Таков он всегда, добросовестный, ответственный, настойчивый. И в ранге пенсионера он еще много лет верно служил своему предприятию. Безотказный, как в молодости, шел туда, где был нужен: в насосное ли отделение, маслостанцию, в вакуум-насосную, в операторскую – хоть куда. Ему помогали многолетний опыт и доскональное знание родной обогатительной фабрики.

А еще надежным помощником в жизни Владислава Анатольевича была его жена Зинаида Павловна Карманович

Жена

– Поженились мы в 1959 году, когда Зина училась на последнем курсе Верхнетуринского механического техникума. Поженились, и Зина отправилась на преддипломную практику на Уралмаш, а я ждать ее – в Качканар. Весной 1960-го сюда приехала и Зина: как замужняя – со свободным дипломом, без направления на конкретное предприятие, – рассказывает Владислав Анатольевич. – Я в то время работал в «Уралспецстрое» геодезистом – и Зину приняли на соседний участок, реечницей к геодезисту Киму Мелехину. Уже тогда она удивляла всех своей феноменальной памятью: Зина знала наизусть шестизначные отметки всех реперов, которыми они пользовались.

В тайге вырастал рабочий поселок. Прорубленная в лесу тропинка, «визира», как ее называли, станет потом улицей Магистральной (Свердлова). А пока главной улицей была Октябрьская. И здесь, в доме №13, Кармановичи получили комнату – десять квадратных

метров семейного счастья. А вскоре их счастье уже агукало, улыбалось и смотрело на мир пытливыми глазками первенца Маринки. Дочка подрастала и крепла.

Создавалась и крепла и ремонтная база горно-обогачительного комбината. В 1962 году Зина пошла работать в механические мастерские на Валериановске, которые и дали начало заводу по ремонту горного оборудования. Этому заводу, который потом назовут «Металлист», Зинаида Павловна отдала сорок лет плодотворного труда. Контролер ОТК, экономист цеха, мастер ремонтно-механического цеха, инженер планово-распределительного отдела, старший инженер производственного отдела – прошла все ступени. Все знала и все умела. Ее тоже знали все и считали на заводе незаменимой.

Зинаида Павловна помогала решать не только производственные вопросы. К ней шли за советом и в сложных житейских ситуациях. Знали: терпеливая, доброжелательная, мудрая, она никому не откажет. А кто первым навестит больного? Зинаида Павловна. Недаром именно ее избрали страховым делегатом. Кто никогда не забудет поздравить с днем рождения или другим важным событием? Конечно, она. И для этого мало обладать феноменальной памятью – надо еще иметь чуткое сердце и большую, щедрую душу.

Ни души своей, ни времени не жалела она для людей и для общественной работы: была заместителем председателя цехкома, членом группы народного контроля управления. А если субботник или поездка в подхоз – и тут эта энергичная женщина была заводилой и запевалой.

Любили Зинаиду Павловну в трудовом коллективе, а муж ею очень гордился.

– Это ей дали однокомнатную квартиру, это ей дали и двухкомнатную. А трехкомнатную квартиру получал уже я, – рассказывает Владислав Анатольевич. – Все хорошо. У нас растут дочь и сын. Прекрасная, уважаемая всеми жена. Закончен горный институт. Семья твердо встала на ноги... Теперь можно позаботиться и о душе. А душа просит описать мир так, как она его чувствует...

Так у Кармановича появляются стихи – о жене и детях, о друзьях и знакомых, о природе и политике. Хорошая работа, хорошая семья, хорошие стихи. И это – надолго. В итоге – двое детей, восемь внуков, пять правнуков (поджидают шестого) и единственная на всю жизнь любимая женщина, вместе с которой уже шестой десяток лет.

– Все мы: три брата и сестра – имеем высшее образование; все, выпускники Свердловского горного института, много лет отдали Качканарскому ГОКу.

Владислав Анатольевич с гордостью говорит о своей большой родне, об отце и матери. О комбинате, Качканаре, России. О нашей большой и беспокойной планете. О дорогих ему нравственных ценностях и простом человеческом счастье.

Одно из стихотворений Владислава Анатольевича, написанное в 2006 году, так и называется – **«Счастливый»**.

*Вот чистый лист передо мною.
«Начни-ка, – шепчет, – тему предложи».
Лист ждет, что снова я занюю
И буду плакаться на жизнь.*

Однако автор не плачется. Окинув взором всю свою жизнь, он признается, что в ней

*Дни черные, бывает, попадают,
Но светлые преобладают –
И жизнь моя, выходит, неплохая.
Могу вам привести примеров кучу
И про плохое, и про лучшее.*

К плохому он готов отнести лишь здоровье. А лучшее в жизни – это его большая родня и дружная семья.

*Счастливый я своей семьей:
Ведь восемь внуков и двух правнуков имею –
Выходит, десять раз в году
На дни рождения иду.*

*И даже чаще! Не дадут соврать
 Моих два брата и сестра.
 У них частенько я бываю
 И про своих детей не забываю.
 А самые счастливые мгновенья –
 У мамы побывать на дне рождения.
 Давно моя седая голова.
 А маме... маме девяносто два!
 И так бывает каждый год:
 Меня с женою кто-то в гости ждет....
 Еще бывают у меня счастливые мгновенья,
 Когда я напишу стихотворенье.
 Выходит, жизнь моя чего-то стоит,
 И обижаться на нее не стоит.*

Свою жизнь он делал сам. Строить крупнейший в стране горно-обогатительный комбинат, потом работать на нем с полной отдачей знаний и сил; всегда быть в гуще событий и вместе с людьми; иметь любимую и любящую жену; вырастить достойных детей, радоваться внукам и правнукам – разве не в этом простое человеческое счастье?

А для человека вдохновенного оно дополняется еще и счастьем творить.

О творчестве

Выросший в интеллигентной семье, Владислав рано пристрастился к книгам. Читал он с удовольствием и много. И очень нравились ему стихи. Папа, Анатолий Петрович, тоже писал стихи и читал их детям. Вслед за отцом и сын занялся сочинительством. Было так интересно искать и находить удачную рифму и порою вступать в творческий спор с папой.

Юный автор даже послал свои стихи в «Пионерскую правду», откуда получил очень доброжелательный ответ: Владислава похвалили и покритиковали. Он понял, что стихи его еще не совершенны. Но творческого вдохновения не убавилось.

Очень рано обратился Владислав к русским и зарубежным классикам. Джек Лондон и Эмиль Золя, Анри Бейль (Стендаль) и Мопассан, Мольер и Шекспир стали его друзьями и собеседниками. Трудно было поверить, что мальчишка в состоянии осилить и понять крупные прозаические произведения. Однажды в селе Таборы, где после инвалидности работал отец (это его родина), Владислав принес сдавать в библиотеку очередную книгу из многотомной серии романов Эмиля Золя «Ругон-Маккары».

– Библиотекарша критически посмотрела на меня и попросила рассказать о содержании романа. Я с удовольствием стал рассказывать. После этого она без всяких вопросов выдавала мне любую книгу, – вспоминает Владислав Анатольевич свое славное детство.

А вот воспоминания из студенческой жизни. Майор, который вел занятия на военной кафедре в институте, предложил однажды студентам сделать очередной номер стенгазеты в стихах.

– На следующей неделе у нас полевые занятия, бег в противогазах. Тех, кто напишет хорошие стихи, от занятий освобождаю, – сказал майор. – Желающие стихотворцы есть?

Руки подняли пять человек. Карманович немного подумал и тоже поднял руку.

А через несколько дней, анализируя сочинения, майор сказал:

– Вот это именно то, о чем я мечтал, давая задание! – и похвалил стихи Владислава, которые оказались лучшими.

С тех пор наш стихотворец почти не расставался с сочинительством. Чуткий к слову, хорошо знающий людей, обладающий чувством юмора, он посвятил немало поэтических строк друзьям и знакомым, коллегам по обогатительной фабрике. Его стихи, добрые, порой шуточные о людях или сердитые, с перчиком о проблемах производства часто появлялись и в стенгазете фабрики.

Неравнодушный к проблемам города и его людям, Владислав Анатольевич внимательно читал газету «Качканарский рабочий», где, кстати, регулярно выходила литературная страница. Интерес к местным авторам, любовь к поэтическому слову привели его однажды в нашу творческую семью, имя которой – «Лукоморье».

И я рада представить читателям этого автора.

Из крупных поэтических форм хочется назвать поэму «**О поездке на целину**» и поэму «**Память**», отрывки из которой публиковались на «лукоморской» странице. Владислав Анатольевич написал более тридцати басен (этот жанр он очень любит) и сотни стихотворений. Давайте почитаем некоторые из них. Вот воспоминания детства.

О войне

*Не пели надо мной шрапнели
И мины никогда не выли.
Но ад войны мы, пацаны, понять сумели,
Хотя в тылу глубококом были.
Ходил я на работу к маме
В уральский госпиталь военный.
Меня встречали оживленно
Калеки с грустными глазами.
Истосковавшись по своим детишкам,
Они меня уж баловали слишком:
Кто даст сухарь, кто хлеба с маслом,
А кое-кто расскажет сказку...
А иногда за окнами звенели
И рвали душу звуки траурного марша,
И все туда попасть хотели:
Там хоронили умиравших.
И все ходячие больные
В халатах пестрых и кальсонах
Шагали в траурной колонне,
Как будто друга или родного хоронили.
Я тоже с ними шел пешком
И без конца глотая в горле ком.
В пять лет я знал уже немало
Войну. В ней горе, ненависть и жалость.
Война – калеки, слезы жен и матерей.
Война – болезни, голод, обелиски,
Невозвратимая потеря близких...
Скорей бы кончилась! Скорей!*

Немало строк написано В.Кармановичем о войне и ветеранах, о наших мальчиках, погибших в Афганистане и Чечне, о людских страданиях и потерях, о героизме и Победе.

*В истории в любые времена
Безмерно горе от огня.*

Так начинается стихотворение «**Огонь**», в котором автор вспоминает Чингисхана, Тамерлана и Гитлера, Вьетнам, Гернику и Хиросиму, горящие башни Нью-Йорка, Иран и Ирак, и даже пожары минувшего лета.

*Но есть, друзья, другой огонь,
Я всей душою за него
(Пусть жгут его политики и дети) –
Огонь любви к родной планете.
Я рад тебе,
Огонь сердец влюбленных;*

*Тебе,
Который для озябших, утомленных;
Огонь Кремлевских звезд,
Огонь Олимпиады
И в память Неизвестному солдату!*

Поэт против огня ненависти и злобы, от которого страдает наша планета Он за мирный, созидательный труд, за право человека быть счастливым. Так велит его поэтическое сердце. А разум подсказывает, что человек в ответе за тех, кто рядом. Вот так, очень коротко, пишет Владислав Анатольевич о смысле жизни:

*Смысл жизни?
Каверзный вопрос.
Ты дышишь –
Значит, ты живешь.
И смысл всей жизни:
Не отравляй дыханье ближним.*

Какое это счастье – просто дышать и чувствовать себя частью природы! Лирическая душа поэта чутко слышит дыханье природы. Давайте вместе с автором войдем в апрельскую ночь и прислушаемся.

Сонет

*Ночь. Апрель. Такое с вами было?..
Позабыв про все, покинешь дом;
Ощущаешь, будто зацепила
И тебя весна своим крылом.
Бродишь ты, сливаясь с ночью поздней;
Млечный Путь в бездонное уводит...
Ты уже паришь, и весь ты – в звездах.
Медленно скользя, звезда упала,
Ветерок беспутный рядом бродит,
Нежно его тело приласкало...
Позабыв про ласки эти,,
Упорхнул куда-то ветерок к рассвету
И в ветвях прошелестел при этом:
«Тише. Слышишь? Недалеко лето».*

Всем временам года находится место в сердце поэта и в его строчках. А строки и поэтические образы очень разные: лирические и сатирические, серьезные и шуточные, восторженные и грустные – и все они отражают мироощущение Кармановича, его богатый душевный мир и особый, порою ироничный взгляд на вещи. Вот, к примеру, его стихотворение

Она

*Она за ночь наморосилась,
Была прозрачна и кругла слегка
И отражала облака –
Гордилась!
Но тут проехало авто,
Облив прохожему пальто –
Смутилась.
Вот, наконец, и солнца шар –
Она была так хороша!
Вся засияла, засветилась,*

*Как будто в ней была душа...
И испарилась.
Я прочитал стихи жене –
О ужас!
Она сказала: «Это – о луне».
А я писал... о луже.*

Жена – его друг, советчик и критик; их дети, внуки и правнуки – все это источник жизненной силы и творческого вдохновения Владислава Анатольевича, его большая любовь, делающая человека счастливым. В минуты откровения он признается чистому листу бумаги:

*Бывает, сетую на жизнь я иногда:
В карьере, мол, вершины не добился,
С достатком маялся прошедшие года...
Но счастлив: вовремя влюбился –
И навсегда.*

Через всю жизнь несет мой герой это великое чувство: к любимой женщине, к своей большой семье, к нашему маленькому уральскому городу, к нашей большой Родине.

Качканару, где прошли его самые плодотворные годы, Карманович посвятил немало поэтических строк. Вот одно из таких стихотворений.

Качканарский май
*В шоколадной дымке горы;
От березок и осин
Опускается на город
Неба солнечная синь.
Ветерок, южанин резвый,
Шелестит среди берез,
Он купавок запах нежный
С Именновского принес.
Чист и вкусен сок березовый,
Тонок хвои аромат,
Ну, а зори нежно-розовые
Слиться так и норовят.
По дороге к комбинату
Вербы в праздничных нарядах,
И ольха, и липа вместе,
И черемуха-невеста –
Под ее фатою белой
Безмятежно, громко, смело,
Радует сердца людей
Распекает соловей.
Заворожен, словно сказкою,
Главной улицей идешь,
До утра здесь качканарская
Гуляет молодежь.
Лица всех от счастья светятся,
А в груди пылает жар...
Вот в таком прекрасном месяце*

И родился Качканар.

И вновь приближается май. И нынче, в 2012-м, в этом прекрасном месяце наш Качканар встречает свое 55-летие. А Владислав Анатольевич встречает свою юбилейную весну: в апреле ему – семьдесят пять!

Пожелаем Качканару побольше таких преданных людей-созидателей, как Владислав Карманович. А нашему юбиляру – физического и душевного здоровья, новых вдохновенных строк, семейного благополучия и прежней влюбленности в жизнь. Простого человеческого счастья!

«НЕ ВЫЧЕРПАЛА ЖИЗНЬ МЕНЯ ДО ДНА»

Так начинается одно из стихотворений Людмилы Зубаревой. Многие в Качканаре хорошо знают эту женщину и ее мужа Владислава. А вы с ними еще не знакомы? Тогда приглашаю вас зайти в их квартиру.

Дверь открывает Слава. Он спокоен, немногословен. Но его приветливая улыбка и добрые глаза убеждают: здесь нам искренне рады. В квартире идеальная чистота и порядок и очень много цветов: они в комнате, в спальне, на кухне, а на балконе большой цветущий сад – красиво! Такое впечатление, что здесь постоянный праздник и всегда готовы встретить гостей. О своих благоухающих питомцах Людмила Федоровна говорит вдохновенно и нежно – и вы уже чувствуете, что цветы греют и ласкают вас, как добрая улыбка хозяйки.

На этом снимке, сделанном в 2009 году, в день золотой свадьбы Зубаревых, Людмила тоже с цветами и улыбается. Я была на их золотом юбилее, где собралась большая родня и большие друзья. «Широкой этой свадьбе было места мало?» Нет. Весь вечер было так много стихов и песен, добрых шуток, веселых экспромтов, воздух был так наполнен любовью и счастьем, что будто раздвинулись стены и потолок этой небольшой комнаты с длинным свадебным столом.

С первой минуты, когда в сопровождении жениха в комнату въехала на инвалидной коляске нарядная, белоснежная невеста, озарившая всех счастливой улыбкой, и до конца торжества здесь ощущался только праздник

Инвалидом Людмилу признали в 1976 году: ревматоидный артрит. Сказали: «В старости с этим диагнозом уже не ходишь, не сидишь, а только лежишь». С тех пор она еще перенесла инфаркт, сломала шейку бедра и была долго прикована к постели. Почти четыре десятка лет знаю я Людмилу Федоровну, видела ее в различных ситуациях, но не слышала от нее ни стонов, ни жалоб на судьбу – всегда спокойна, выдержанна, улыбчива. Откуда столько внутренней силы в этой маленькой женщине? Что помогает ей скрывать за улыбкой и шуткой нечеловеческую боль и страдания? Что вообще помогает ей жить?

Спросите Людмилу, и она ответит:

–Любовь, – ласково посмотрит при этом на мужа и добавит: – любовь и песня. Если бы не песни, вряд ли выжила бы наша семья в трудные военные и послевоенные годы.

Вот вам и ответ, вот вам и адрес: семья. Да, человек начинается в семье. Вот и давайте отправимся по указанному адресу: в семью, в детство.

Семья

А семья была большая: дедушка и бабушка, папа и мама да семеро детей. Жили они в маленькой, ветхой избушке, что на Вые в Нижнем Тагиле.

Папа Федор Трофимович Трёкин и старшие дети работали на военном заводе №63, Валентина – на хлебозаводе. Младшие подрастали. Росла и Мила (так в детстве звали мою героиню). Рожденная в конце 1940 года, она еще не успела крепко встать на ножки, как началась война. Но над малышкой было мирное небо и, словно звездочки на нем, – родные глаза: мамины, папины. брата и сестер. Их заботливые руки пеленали и баюкали

ее, их голоса сливались в нежную мелодию. Мила чувствовала, что пришла в добрый и светлый мир, где все ей рады и все ее любят.

Где-то шла война, а здесь царили добро и любовь – главное богатство этой большой тагильской семьи. И своим богатством они щедро делились с другими.

Если по улице шел дед Сафон (отец мамы), то за ним гурьбой бежали ребятишки и кричали:

– Дед Мороз! Дедушка Мороз идет!

А Сафон, с большой белой бородой, белыми усами и волосами, да в белом полушубке, и впрямь был похож на Мороза. И такой же щедрый: он доставал из своей котомки скромные лакомства и раздавал их полуголодной детворе, какой в военные годы развелось немало.

Такой же щедрой, доброй, веселой была его жена Василиса, которую все звали бабушкой Васёной.

С дедом Сафоном и бабушкой Васёной всегда был праздник.

А будни? Что такое будни военной поры? «Все – для фронта, все – для победы!» – под таким девизом вместе во всей стране жила и семья Трекиных. Ударный труд и скудное питание.

– У нас была корова, но почти все молоко сдавали государству: были большие налоги, – рассказывает Людмила Федоровна. – Мама оставляла себе только пол-литра, чтобы было чем хотя бы забелить похлебку. А варили целый котел: нас ведь много. Весной, с крапивой да лебедой, похлебка была особенно вкусной. Садили огород, снимали сто ведер картошки, которую тоже старались экономно растягивать на весь год. Жарить папа разрешал только картофельные очметки. Мыли, жарили – и было вкусно.

А еще нас выручали рыбные пироги. «Милок, просыпайся, пойдем на рыбалку, – будил меня папа в четыре часа утра. – Валя, тоже поднимайся!» – говорил он дочке, которая постарше меня. Но Вале не хотелось. И мы с папой шли на речку Выю, рыбачили там саком, пока темно и нас никто не видит. И мама пекла вкусные пироги.

Но самым вкусным был, конечно, хлеб. Купленного по карточкам, его всегда не хватало. Мама отрежет нам по тоненькому ломтику, мы с Валею откусим понемногу – и спрячем, чтобы тоже растянуть удовольствие. «Милька, сколько у тебя осталось?» – спрашивала сестра по нескольку раз в день. Вот так мы обманывали голод. А еще забывать о голоде помогали папины рассказы и песни. Выросли мы на песнях.

Песни

Первые песни Мила услышала в колыбели. С песнями подрастала. Любила слушать, как поет вся семья за столом. Папа, интересный рассказчик, сначала что-нибудь балагурит, а потом ударит по столу кулаком, будто дирижер взмахнул палочкой, скажет громко: «Запевай!» – и первым начинает какую-нибудь народную песню. Голос у него сильный, красивый, как и у мамы. Один за другим включаются остальные – и песня крепнет, растет, заполняя всю избу и вырываясь на улицу.

– Голодно и бедно, а Трекины все поют! И никакое горе их не берет, – говорили беззлобно соседи.

В трехлетнем возрасте, сидя вместе с младшей сестрой на печке, любила Мила смотреть и слушать, как поют старшие, как звучит семейный «оркестр»: папа играл на гармошке, старшая сестра Клава – на гитаре, брат Виктор – на мандолине. Семья пела и плясала.

С годами Мила «слезла с печки» и тоже стала петь, плясать и играть на гитаре. Ей было пять лет, когда вместе со всей семьей она пошла на выборы. И не просто пошла, а выступала перед избирателями, пела частушки с таким же юным партнером.

Не смотрите на меня –

Смотрите на платье.

Мне Тереха подарил:

Я -- его симпатия.

Зал грохнул от смеха и дружно аплодировал.

А в семь лет Мила уже выступала на сцене: пела и играла на гитаре. И ее прозвали артисткой.

И тут надо сделать паузу, объявить антракт, потому что однажды оборвалась и осталась недопетой семейная песня Трекиных.

– Зашли к нам два амбала, широкие и высокие, чуть не вышибли потолок головами, – вспоминает Людмила Федоровна. – «Вы зачем пришли?» – строго спросила я и залезла на стул, чтобы их получше рассмотреть. Мама плачет, собирает котомку. Я поняла, что папку забирают. Кричу на всю избу, рвусь к нему, а сердитые мужики меня не пускают... Увели. И отсидел наш папочка в тюрьме четыре года. Давали пять, но один год скостили, потому что однажды пароход, на котором они куда-то плыли, стал тонуть, и папа вместе с лошадей прыгнул в воду и спас начальника тюрьмы. А за что был папа осужден – так и не знаем.

Четыре года были Трекины без запевалы. А как же песня? Нет, не замолкла она – песня помогала выстоять,

– У нас собиралась вся улица, – рассказывает Людмила Федоровна. – Кто вяжет, кто прыдет, кто-то сетует на свою вдовью долю. Разговоры прерываются песнями, грустными и веселыми.

Она вспоминает длинный семейный стол, за которым – в тесноте, да не в обиде – всем хватало места и скромного хозяйкиного угощения.

– Мама не прогоняла даже дурочку Настю, которую другие и в дом-тот не пускали. «Только руки вымой, Настя, и садись за стол», – говорила мама, и Настя, эта взрослая, несчастная нищенка, послушно шла к умывальнику. Песни она тоже любила слушать. Вот так, в общении с соседями, в дружбе с песней, жила эта большая семья.

Потом вернулся домой отец (позднее его реабилитируют). Заметно было: что-то надорвалось в человеке, словно лопнула туго натянутая струна. Характер испортился. Но была песня, которая помогала исцелить душу. Песня, которая скрашивала и труд, и отдых.

Труженица

В семье Трекиных все были тружениками. Да что семья, если в пору Милиного детства вся страна была великим воином и великим тружеником. Были фронт и тыл, и была одна цель – победа.

Впрочем, Мила была еще мала, чтобы думать о высоких материях. Да ей никто и не говорил высоких фраз – просто все работали. Уставали порой до изнеможения, но не проклинали свою судьбу, не ворчали. В этой семье никогда не было мата – только добрые слова, взаимная поддержка и взаимная любовь. И песня.

А еще была мама Александра Сафоновна. Дочка добрейшего отца, она имела такое же щедрое сердце, жалела всех и готова была всех обогреть, как и Дед Мороз Сафон. Ее материнского тепла и женской мудрости хватало на всех. А ее трудолюбию и выносливости поражались даже соседи:

– Такая семьяща, в избе теснота, а у Трекиных всегда чистота: ни пылинки, ни соринки, полный порядок, даже шторы на окнах накрахмалены! Будто каждый день – праздник... И когда она все успевает?

А она успевала, потому что у нее была семья, были дочки-помощницы. И был удивительный характер, замешанный на любви и стойкости.

И маленькая труженица Мила во всем старалась походить на мать. Рано встать, чтобы пойти на рыбалку? Пожалуйста! Проводить козу в стадо? Она всегда готова.

– В шесть утра звучит по радио гимн, а я уже козу подоила и отправила к пастуху. После коровы мы держали козу: с нее не брали налогов. А вечером я забирала козу из стада.

И сколько же лет было этой доярке-пастушке? Да всего шесть годочков. Она чувствовала себя взрослой и, как ей казалось, все понимала. Только одного не могла понять Мила.

Она часто видела, как под охраной конвойных шла длинная людская колонна. По команде эти мрачные люди останавливались, по команде и под надзором начинали работу. Они рыли какую-то длинную траншею совсем недалеко от дома Трекиных.. Девочка подолгу смотрела на них, усталых, молчаливых, грустных. А потом стала приносить им то кусочек хлеба, то горячую картофелину, выпрошенную у мамы.

– Зачем ты это делаешь, доченька?

– Мне их жалко.

– Это же военнопленные, это немцы.

– Ну и что?.

– Да они на фронте наших людей убивали, доченька!

– А мне их жалко...

Девочка никак не могла взять в голову, почему мама, которая всегда всем помогала, всех жалела и понимала, теперь не понимает свою дочь. И страдало детское сердце. Но ведь рядом была семья, было много дел – жизнь продолжалась.

И вот Мила уже ученица. Школа №10 была недалеко от дома. И часто зимой первоклассница бегала на занятия в ботинках: валенки были одни на всех и старшие сестры нуждались в них больше. Мила всегда спешила в школу, боялась опоздать. Училась она с интересом и с удовольствием.

Но после второго класса девочку отдали в няньки. Она огорчилась, но не спорила, понимала: нужда заставляет. И наша маленькая труженица водилась с двумя мальчишками: готовила еду, читала им книжки, укладывала спать. А малыши-то были на голову выше няньки. «Так кто тут с кем нянчится?» – нередко спрашивали прохожие, видя эту компанию во время прогулки.

Когда через год Мила пришла в третий класс, то почувствовала, что в школе ей неуютно. Не потому, что школа стала хуже – хуже стали знания ученицы: многое забылось, она не успевала. И посадили ее снова во второй класс. Какой стыд! Впервые в жизни Мила испытала это горькое чувство.

– Да ничего в этом постыдного нет, Люся! – так называла ее первая учительница Валентина Ивановна Шамарина. – Стыдно не работать, а ты помогала семье и должна гордиться, что на тебя можно положиться.

Учительница и любящая семья успокоили, воодушевили девочку, и пошла Людмила по школьным ступеням уверенно, все выше и выше..

В седьмом классе вместе с ней учился Слава Зубарев – мальчик из большой и бедной семьи с соседней улицы. Скромный, застенчивый, он вызывал какое-то особое, нежное чувство, Миле хотелось его опекать.

– Мам, дай, пожалуйста два куска хлеба, я отнесу Славке, и мы съедим этот хлеб с зеленым луком...

Это, конечно, был деликатес. А когда у Трекиных Слава ел жареную картошку – это уж вообще царская еда.

Седьмой класс они закончили успешно. Потом Слава поступил в строительное училище (СУ №20), учиться на столяра. А Людмила пошла в восьмой класс. Но тут папка сказал, что надо работать.

Работы она не боялась, но на кирпичном заводе треста «Тагилстрой», куда ее приняли, пришлось таскать щебенку на носилках – очень тяжело для хрупкой несовершеннолетней работницы. Не сдавалась, не жаловалась, терпела.

Потом выучилась Людмила на мотористку – по рельсам на тележке вывозила готовый кирпич под кран, на погрузку. Работала и училась в школе рабочей молодежи. Закончила восьмой класс, села в девятый.

– А Слава не дал мне закончить ШРМ, замуж позвал, – с улыбкой, без сожаления говорит Людмила Федоровна.

После окончания строительного училища Владислав вместе с группой выпускников уехал в Качканар, уже объявленный Всесоюзной ударной стройкой. Жил в общежитии на

Первомайке, работал. А в первый же отпуск махнул в Нижний Тагил, сказал Миле, что жить без нее не может.

И вспоминает Людмила Федоровна тот счастливый день, когда они пришли к Александре Сафоновне.

– Мама, мы поженимся! – то ли с вопросом, то ли с восклицанием объявили с порога.

– А мне жалко, что ли? – спокойно, окинув их добрым взглядом, сказала мама.

После такого благословения, они, счастливые, выбежали на улицу.

– Вы куда так торопитесь? – спросил встретивший их Коля, двоюродный брат Славы.

– Мы в ЗАГС!

– Я с вами! – поддержал Николай. – Буду у вас свидетелем.

– Заплатили рубль пятьдесят – и нас расписали, – рассказывает Людмила Федоровна.

Было это 3 ноября 1959 года. Славин отец, Павел Харламович, срубил новый деревянный дом: старая-то избушка совсем развалилась. И думали молодые, что в этом доме будут жить... Но их общей судьбой стал Качканар.

Качканарцы

Жену и сына Владислав перевез в Качканар летом 1961 года.

Первым семейным кровом Зубаревых оказалась времянка по улице Крылова – крохотное строение, предназначенное для мелкого скота. Благоустроили, как могли, навели чистоту. Печку топили часто, но тепло из такого жилья со щелями уходило быстро. Беспокоились за первенца Андрюшку, но он ни разу не заболел: видать, благосклонным к нему оказался город юности.

Людмила сидела дома, лелеяла малыша, вела хозяйство. Вспоминает добрых, приветливых хозяев и раскидистую, урожайную рябину, растущую за домом. Вспоминает навестившую их свекровь, которая, отведав Людмилиного варенья, так и не поверила, что оно из рябины: настолько душистым и необычным оно оказалось. «Не из рябины!» – с таким мнением и уехала домой.

К Октябрьским праздникам 1961 года у Зубаревых уже было свое жилье в деревянном типа общежития доме №87 в четвертом «а» микрорайоне. «Типушка» – но сколько счастья подарила она жильцам! Все молодые, все равны, все строят город юности и верят в его завтрашний день. Дружба, взаимопонимание и взаимовыручка – как будто одна большая семья поселилась в этом доме, где у каждого есть своя комната. Разве сравнишь такое жилье с временкой?

Порадовались за молодежь и родители Людмилы, побывавшие на новоселье. А когда они вернулись домой, папа с восторгом рассказывал всем:

– Хорошо живут! Во дворце живет наша Людмила!

И можно понять этого многодетного отца, чья семья ютилась в ветхом домишке.

А когда в Качканар заглянул брат Виктор, он долго стоял у порога:

– Боюсь зайти: такая у тебя чистота, Мила!

И впрямь: половики, скатерть, шторы – все простенькое, недорогое, самодельное, но все идеально чистое. По-другому Мила не могла: привычку к порядку она впитала с молоком матери. Шить, вязать, вышивать, стряпать, заботиться о семье – всему она научилась у мамы, которая на всю жизнь осталась для нее примером. Сразу скажу, что, пока была жива Александра Сафоновна (а прожила она 95 лет), все дети, где бы они ни находились, ежегодно приезжали в Нижний Тагил на мамин день рождения.

Шли годы, рос Качканар, подрастали и дети Зубаревых. Улучшалось жилье, менялись квартиры, но неизменным оставалось желание и умение Людмилы создать в доме уют.

Владислав, чей качканарский путь начинался в тресте «Качканаррудстрой», в 1961 году перешел в ГОК – работал на Главном карьере, а потом в цехе КИП, которому отдал 43 года. Он был универсальным слесарем, мастером золотые руки.

Людмила тоже начинала в строительном тресте. Потом ей пришлось поработать и кочегаром в ЖКО ГОКа, и няней в детском саду №6, куда приняли дочку Олю. А дальше и уже навсегда она стала машинистом крана. Ремонтно-механической базе комбината

(которая потом станет заводом по ремонту горного оборудования) требовались крановщики, и Людмила вместе с другими за три месяца овладела этой специальностью. Работала на мостовых, грейферных кранах в механосборочном цехе, и в кузнице, и пять лет на горячем участке в стелелитейном. И стоило только удивляться, как этой маленькой, хрупкой женщине безропотно подчиняются огромные железные механизмы. Видимо, послушные ей краны, как и люди на заводе, чувствовали внутреннюю силу и упорство Людмилы Федоровны, которая была безотказным и очень надежным работником. А еще ее ценили в коллективе за добрый и веселый нрав, за любовь к шутке и песне. Не случайно ей, чуткой и внимательной к людям, доверили быть профоргом. Она умела выслушать, помочь человеку словом и делом, старалась убедить, что любую трудность можно преодолеть.

Преодоление

Испытывали новый 30-тонный мостовой кран. Людмила, как всегда, взялась за контроллер, чтобы привести его и кран в движение. Но этот рычаг не поддавался, как ни старалась крановщица преодолеть его сопротивление. Оказалось, что контроллер перед испытанием не успели смазать – и физические усилия крановщицы привели к тому, что опух палец на правой руке Людмилы. Он распухал прямо на глазах, доставляя боль и приводя женщину в замешательство.

Она еще не знала, что это было начало, это был старт длинной дистанции, которую ей, 35-летней женщине, предстоит преодолевать всю оставшуюся жизнь. И на всех этапах этой дистанции – больницы, врачи, обследования, диагнозы. И страшная боль, которая началась в одного, потом другого пальца, а дальше пошла по всему телу, по всем косточкам и суставам.

Лечили два года, но улучшения не наступало. Однажды главный терапевт Южакова увидела ее в больнице и удивилась: «Что это за бабушка идет? Одну ногу поставит, а другую руками подминает, чтобы поднять ее на ступеньку».

А лечащий терапевт оправдывается:

– Да разве она больная? Всегда улыбается, шутит...

– А вы видели, как она ходит? – возмутилась Южакова.

И отправили Людмилу Федоровну в Свердловск. Там сказали:

– Ревматоидный артрит. С таким диагнозом в итоге уже не стоишь, не сидишь, а только лежишь...

Вот так «успокоили», признали инвалидом, дали группу.

– Снимайте группу! Мне нельзя болеть: у меня трое детей! – настаивала она.

Добилась. И еще десять лет работала, преодолевая почти постоянную боль.

– Слава поможет мне одеться, проводит из квартиры, а дальше уж я потихонечку сама, – говорит Людмила.

Но жить она старалась не «потихонечку». И в этом ей помогала семья, о которой надо было заботиться; помогали песни, с которыми она не расставалась; помогало творчество.

Людмила пришла в «Лукоморье». На занятия литературного объединения она приносила не только стихи, но придуманные ею шуточные сценки с песнями и даже плясками, которые и исполняла сама Мила – артистка с детства. Мы видели, что и сидеть-то ей трудно. Но когда начинала петь, она преображалась, словно с песнями и шутками она забывала про боль.

– Мне так хорошо, когда я пою или слышу песню! – признается наша артистка. – Однажды дома сидела я на диване. И вдруг по телевизору услышала: «И кто в нашем крае Челиты не знает...» У меня будто силы прибавилось, захотелось встать и заплясать. И я поднялась с дивана и даже пробежала несколько шагов...

Ах, если бы музыка исцеляла!.. Это было бы чудо. Ну, а пока настоящим чудом является то мужество, с каким долгие годы преодолевает Людмила Федоровна болезнь, разрушающую ее тело. Чудо, что душа этой удивительной женщины не сдается, а лишь закаляется.

Больное тело подсказало – и Людмила «в 48 лет пошла на группу». А душа никак не хотела согласиться с инвалидностью. Душа плакала.

– Иду по улице и реву, – рассказывает Людмила Федоровна.

– Что с тобой? – спросила, увидев ее, Тамара Васильевна Корнакова. – Никогда тебя в слезах я не видела...

– Я инвалид, я инвалид! – и снова вытирает слезы.

– А приходи-ка ты, Людмила, ко мне в хор!

Художественный руководитель Т.Корнакова знала о певческих способностях Зубаревой и считала ее талантливой певицей.

И пришла Людмила в клуб «Строитель» к Тамаре Васильевне. А через несколько лет перешла вместе с ней во Дворец культуры. Пела в хоре и выступала как солистка. Потом в ее жизни были Татьяна Новгородова и Татьяна Циганкова – хоры «Журавушка», «Здравушка», была «Берегиня». Были грамоты, дипломы, признание.

Но были и болезнь, и больничные палаты.

После смерти мамы у Людмилы случился инфаркт. Еле выкарапкалась. И привезли Людмилу в палату.

– Ну вот, как тяжелый больной, так и обязательно к нам! – возмутилось выздоравливающее население палаты.

– Да не огорчайтесь вы, – успокоила Людмила. – Долго я лежать не буду: у меня дома дети. А завтра с утра я вам песню спою.

На другое утро спрашивает:

– Позавтракали?.. Ну, слушайте.

И затянула: «Никто нас в церкви не венчал...»

Нянечки и почти все ходячие больные подтянулись к этой палате.

– Это кто поет? – интересовались одни.

– Какой голос! Какой голосище! – восхищались другие.

А голос красивый, сильный, хорошо поставленный.

Лежала она действительно недолго, скрашивая больничный быт песнями, стихами, анекдотами.

– И как мы теперь без тебя? – огорчались в палате.

А у нее привычные заботы: муж и дети, порядок в квартире и в саду, стихи и песни. И адская боль, к которой привыкнуть невозможно. О ней она старается не говорить. Говорит о другом:

– Пела я тридцать шесть лет. Татьяна Циганкова уже готовила мой творческий вечер, а я свалилась. Возвращалась с фестиваля «Шире круг!» – и упала в нескольких шагах от дома. Сломала шейку бедра.

Она перенесла сложную операцию. И была долго прикована к постели. Положение осложняли ревматоидный артрит и остеопороз. Даже когда ей стало лучше, «выйти в свет» было уже очень трудно. Позвоночник держит плохо, ноги не подчиняются. Мир уменьшился до размеров квартиры. Слава купил ей костыли, невысокие, под локоть. А руки-то слабые, не держат.

– Мама, давай мы купим тебе офисный стул, – предложил сын Сергей.

Купили небольшой, похожий на кресло стул на колесиках. Не сразу, но приспособилась к этому средству передвижения и стала заново осваивать просторы квартиры. Оптимист по натуре, радовалась, что может двигаться, что не исчерпаны еще до дна ее внутренние ресурсы. Радовалась, что может мыслить и говорить, петь и писать стихи. Что есть у нее Слава – верный и нежный муж, надежная опора и добрый советчик, терпеливая нянька и умелая кухарка, у которой прекрасно получается любое блюдо, кроме плова (как утверждает Люда). Слава – настоящий мужчина, умеющий все преодолеть во имя жены. И счастлива женщина, которой судьба предназначила такого спутника жизни, которому Людмила посвятила стихи.

Колес мы с мужем не носили,

Но окольцованы судьбой,
 Ведь наш союз навеки в силе,
 Мы связаны между собой.
 В общенье нашем нет загадок –
 Все говорится напрямик.
 И как нам памятен и сладок
 Душевного единства миг!
 Порой меня гнетет ненастье,
 А муж придет – и вспыхнет свет,
 Его безмолвное участие
 В душе моей оставит след.
 Для нас мгновенья эти святы,
 В них силу обретаем мы.
 Мы с мужем истинно богаты
 Любовью нашей и детьми.
 Богатство наше – наши внуки,
 Мы их все время в гости ждем.
 Пускай чарующие звуки
 Наполнят музыкой наш дом.

Музыка звучит в их доме, она звучит в душе Людмилы, заглушая физическую боль. И я словно слышу эту музыку во время нашей беседы.

Мы разговариваем в спальне. Я сижу в офисном кресле (удобно ли в нем?), Владислав помогает жене подняться, удобно усаживает ее на кровати, подкладывая под спину подушки. Подвигает поближе маленький столик, накрытый к чаю. Наливает в три кружки, одна из которых очень маленькая, как игрушечная или кофейная. Она – для Людмилы: обычную кружку ее руки удержать не могут. Пьем чай, беседуем. Маленькая, худенькая, почти прозрачная, Людмила улыбается и шутит. Тело слабое, беспомощное. А душа – вот она, так и рвется из глаз, лучистых, веселых, озорных.

*Не вычерпала жизнь меня до дна,
 Душа глубоким родником осталась, –*
 вспоминаются Людмилины строки.

И я рада, что в очередной раз прикоснулась к этому целительному роднику.

КОГДА ДУША ПОЕТ

Прелюдия

Когда они встретились, Качканару было три года, а ей – три месяца. И рабочий поселок в уральской тайге, и малышка Таня росли под музыку, которую можно назвать симфонией труда.

Почему я сразу заговорила о музыке? А как же иначе, если эта девочка весь окружающий мир воспринимает через звуки? Она тонко чувствует природу, слышит мелодию в пенье птиц, в шелесте листьев и шепоте трав, в стуке топора и в визжании пилы, в писке комара и грохоте работающей техники. Всё для нее поет, даже стены дома.

– Встанешь утром – так светло кругом и так звонко! И дом наш такой дружный, добрый и певучий!

Это она о доме №6 по улице Свердлова, где прошло ее детство. А рядом парк, где девочка знала каждую тропинку и каждый день слышала новые мелодии леса. И каждая вещь в квартире, каждая стена дарили ей свои таинственные звуки. А еще она любила слушать, как поет бабушка, Надежда Михайловна Томарова.

– Сижу, бывало, на подоконнике в кухне, смотрю в парк. Подойдет бабушка, обнимет меня нежно и начинает песню. Потом усадит меня поудобней и говорит: «Танюша, давай

втору, подпевай». И продолжает: «На муромской дорожке стояли три сосны...». Негромко, задушевно и уверенно ведет она первую партию, а я подпеваю вторым голосом. Бабушка знала много народных песен. И мне очень нравились ее музыкальные уроки.

Были и другие уроки. Детский сад №1. Молочная каша и какао – это запахи детства. Подвижные игры, увлекательные занятия, общение с ровесниками и воспитателями – это уже музыка души. Да и ноги у Танюшки были музыкальные: они откликались на любую мелодию и начинали ритмично двигаться или пускались в пляс. Девочка очень любила танцевать.

И однажды дедушка повел ее в балетную студию, которая открылась во Дворце культуры и делала первый набор. Тут надо сказать, что дедушка не пропускал ни одной телевизионной передачи, где показывали балет или фигурное катание, а бабушка любила бокс. И вот с благословения деда Таня три года занималась в балетной студии. Пуанты, боль в пальчиках и ногах, тренировки, упражнения, постоянное преодоление – и красота и грация движений, и музыка, музыка, музыка... «Тоскую по тому времени», – через много лет скажет Татьяна.

Тоскует она и по четвертой школе, где начался ее путь к общему образованию, с прозой и романтикой учебных будней.

Шло время, девочка росла и развивалась, делала успехи.

– Надежда, покупай пианино, пускай девка у нас играет. Она у тебя уже в четвертом классе, а еще не прикоснулась к музыке. Не проморгайте девку! – так сказал бабушкин брат, когда они гостили в Висиме, на родине предков.

И в сентябре 1971 года нарядная Танюша, в белых гольфиках, за руку с дедом пошла на Первомайку, поступать в Качканарскую музыкальную школу. Волновалась. Но хорошо спела «У леса на опушке», выдержала и другие испытания. Приняли!

Первый учитель – Виктор Иванович Малявкин, прекрасный баянист и чуткий педагог. Конечно же, Таня стала учиться по классу баяна. А иначе и быть не могло.

Вся семья, весь род Томаровых – люди музыкальные. Были, конечно, учителя и медики, но гармонистов-баянистов – семнадцать человек, и все прекрасные исполнители. Еще прабабушка Евдокия Николаевна рассказывала, что ее муж М.Е. Томаров настолько виртуозно владел гармонью, что послушать его игру приходили люди со всех концов Висима. Даже зимой он надевал коньки и выходил на лед речки Висимки и там с гармонью в руках выделывал такие коленца, с такой удалью и озорством пел зазорные песни, что народ радовался вместе с ним и подпевал. Не тогда ли и зарождался первый хоровой коллектив в этом рабочем поселке? Позднее прадед-виртуоз играл в Уральском хоре, а прабабушка пела на клиросе в церковном хоре.

Прекрасными баянистами были бабушкины братья Томаровы: Вячеслав, Вадим, Сергей, Венедикт. Вячеслав был учителем музыки, руководил хором и духовым оркестром в Висиме. А Сергея и Вадима Томаровых помнят многие качканарцы: Сергей одно время был директором Дворца культуры, а Вадим работал в клубе «Строитель».

Татьяна Вениаминовна вспоминает своих троюродных сестер. Светлана Вячеславовна живет в Нижнем Тагиле и работает врачом. Она самостоятельно освоила игру на баяне и проводит интересные вечера отдыха для своих сотрудников. Ирина Вячеславовна живет в поселке Уралец (под Нижним Тагилом). Своей профессией она выбрала медицину, но в свободное время поет и тоже играет на баяне.

Вот и получается: какой из Томаровых без баяна? Да никакой! И Таня пять лет училась в музыкальной школе, в основном у педагога по классу баяна Галины Васильевны Оберюхтиной. Успешно окончила в 1976 году, получив рекомендацию в училище. В Нижнем Тагиле поступила она в областное музыкальное училище, на отделение народных инструментов и баяна. А через четыре года – готовый музыкант. Первая женщина, ставшая восемнадцатым по счету баянистом-профессионалом в большом роду Томаровых.

Симфония труда

В Качканаре ее знают как Татьяну Вениаминовну Циганкову. Здесь она начинала как молодой специалист, здесь выросла в большого мастера. Была музыкальным работником в детских садах города, несколько лет отдала музыкальной школе в Валериановске. В этом коллективе, который она создала на базе средней школы, занималось более сорока детей. Непростыми были 80-е годы. В поселке им с мужем пришлось пожить в доме барачного типа, а в Качканаре ютиться с тремя детьми в общежитии. Но рядом был муж, Евгений Викторович, механик-водитель автотракторного цеха, ее надежда и опора. А еще ей помогала душа, которая пела.

«Человек живет только тогда, когда поет душа», – уверена Татьяна Вениаминовна.

И это не удивительно.

– Выросла я в поющей семье, где чистый родниковый голос моей бабушки сливался с резким, категоричным гласом деда. Засыпала под нежные колыбельные песни, – говорит она. – И на больших семейных праздниках обязательно звучала песня, чаще всего протяжная, лирическая. Это были и городской романс, и старинные баллады, и проголосные песни.

Так и идет она с песней по жизни. И Качканару очень повезло, что у него появилась эта женщина с поющей душой! С чего же начать, чтобы доказать это?

А начну, пожалуй, с 1993 года, когда Татьяна Циганкова пришла в Дом детского творчества, где создала музыкальную студию «Тоника». Она кропотливо работала с детьми, приучая их вслушиваться в каждое слово, в каждый звук.

–Всё в этом мире поет, нет ничего молчащего, – говорила она. – Надо только уметь вслушиваться сердцем, и вы поймете, как это прекрасно – жить в мире многообразных оттенков, настроений, мыслей, переживаний... А слово? Оно может созидать, возрождать и воскрешать к новой жизни, но может и разрушать. Человек – единственное в природе существо, наделенное умением выражать свои мысли словом, с его многообразными оттенками, интонационной динамикой.

Каждое занятие Циганковой было не только музыкальным, но и глубоко нравственным, патриотическим. И счастливы те дети, которые оказались в ее фольклорном ансамбле «Солнышко». Это уникальный коллектив: ребята учились исполнительскому мастерству и вели большую исполнительскую работу. Изучить историю нашего края, культурную и хозяйственную жизнь Качканара и окрестных деревень; вести поиск забытых традиций, чтобы сберечь накопленные народом знания и умения, сделать их достоянием последующих поколений. Такие задачи были поставлены перед поисковым отрядом, и поисковики с энтузиазмом взялись за дело. Они учились фотографировать, брать интервью, расшифровывать материалы.

Во время первой экспедиции по Качканару ребята познакомились со старейшими людьми города. Пешкова Любовь Ивановна (она родилась в 1902 году), несмотря на преклонный возраст, увлекательно рассказала о жизни в деревне, о тяжелых годах коллективизации, о праздниках: Рождестве, Масленице, Пасхе, Троице. Большой интерес вызвал рассказ о выращивании и обработке льна. Дети делали записи в полевых журналах, отмечали диалектные особенности в речи рассказчицы.

Много интересно узнали ребята от Зои Тимофеевны Усатовой, которая родилась и выросла на уральских приисках, и от Касыма Зигнатовича Галиакберова, который долгое время был председателем сельсовета в Глубокой. А в Валериановске познакомились с краеведом Геннадием Афанасьевичем Пономаревым. Радушный хозяин, прекрасной души человек, он кропотливо, по крупицам долгие годы собирал сведения об истории края. С большой любовью он показывал ребятам старые фотографии, которые из глубины веков донесли до нас лица давно ушедших людей.

Потом начались более дальние экспедиции: в поселки Ис, Журавлик, Благонадежный, Дружелюбный. Во время этих поездок дети впервые столкнулись с трудностями: не было электричества, а без него не работают магнитофоны, и надо успеть от руки заполнить экспедиционные журналы. А материал собрали богатый: ведь в деревнях еще много

старожилов. Например, в поселке Ис познакомились с необыкновенной женщиной Анастасией Александровной Огрызковой, которая сохранила в памяти множество старинных песен. Казалось, что идет чудесный концерт народной песни, и ребята даже пробовали подпевать.

А в краеведческом музее поселка юные поисковики получили любопытные сведения об истории создания исовских приисков, узнали о суровой жизни во времена освоения платинового месторождения, открытого еще в 1824 году, когда люди работали по 12-14 часов в сутки, жили в бараках на 22 человек, часто болели и умирали, а на всю округу был лишь один врач или фельдшер.

Экспедиция закончилась. Собран большой фольклорный и исторический материал. Теперь надо его обработать, систематизировать фольклор по жанрам, подготовить экспонаты для музея Дома детского творчества.

А впереди новые поиски, новые маршруты. Вот что рассказала Татьяна Вениаминовна о фольклорной экспедиции в Старую Лялю.

– К этой поездке мы готовились в течение всего учебного года. Выбирали маршрут, изучали историю поселка. Нас интересовало, как живет современная деревня, бережет ли она свои традиции, поет ли песни, созданные предками.

В Старой Ляле нас покорила природа. Но больше всего нам понравились люди. Приветливо встретила нас директор школы Вера Алексеевна Куделина, предоставила помещение, где мы жили и работали. Повесили афишу, извещавшую о предстоящей встрече с местными жителями и о концерте. Готовились, волновались: придут ли люди?

Но до концерта было еще несколько дней... А пока мы начали знакомиться с жителями поселка. И вновь убедились, насколько богата деревня талантами, энтузиастами!

Нас сопровождал удивительный экскурсовод, заведующий клубом А.А.Мелехин. Он поведал нам историю поселка, рассказал о делах давно минувших дней. Мы узнали, что в этих местах проходили суровые бои во время гражданской войны. И сейчас жители поселка приходят к обелиску в лесу, чтобы поклониться праху погибших земляков и возложить цветы. Берегут старолялинцы свою историю, дорожат каждым ее мгновением!

Встретились мы со знаменитой частушечницей поселка Раисой Ивановной Совиной, простой русской женщиной с нелегкой судьбой. «Частушки у меня сами складываются, – призналась она, – я в них рассказываю свою жизнь». Тут же, в ее доме, состоялся мини-концерт. Пели гости, на ходу сочиняла частушки хозяйка. Не было никакой скованности, стеснения. Окрыленные, дети начали готовиться к большому концерту.

В течение полутора часов жила народная песня на сцене клуба. А когда зазвучали частушки, некоторые зрители не выдержали, поднялись на сцену и запели вместе с нашей Надей Пермяковой. Это было захватывающее зрелище! Сколько было шуток, аплодисментов, радости и, конечно же, цветов!

На другой день мы занялись изучением традиций Старой Ляли. Собирали фольклор увлекались и местные жители. Помощь нарастала, как снежный ком: к сбору старых песен подключились мамы, бабушки, внуки.

Трое учащихся школы вызвались сопровождать нашу группу в деревню Поздняковка, где живет всего шестнадцать человек, куда редко привозят хлеб, где бабушки поют и грустные песни, украдкой вытирая слезы, и задорные частушки, которые помогают им выживать. Мы слушали эти песни о нелегкой судьбе русской женщины, о терпении и мудрости, доброте и прощении, нежности и силе духа. Прасковья Николаевна Глембовская, 1916 года рождения, вспомнила очень много старинных песен, присловий, приговорок. Они лились из нее, как из рога изобилия. Воспоминаниями и песнями поделилась Татьяна Михайловна Кривошекова, 1928 года рождения. Хлебосольные хозяева Мелехины угостили детей молочком, маслом, сыром, творогом – всем своим.

Следующая точка наших исследований – деревня Яборково. Ранним утром встретила она нас чудесами: в небольшом пруду, как в зеркале, отражались ели и сосны и плавали

настоящие лебеди. Их было четверо – красивые, грациозные... И снова встреча с песней, крылатой и могучей, тихой и задумчивой.

А в школе Старой Ляли нас ждала встреча с местными краеведами-учащимися. Они в необычной форме представили нам историю поселка, рассказали о людях, о музее. Чувствовалось, что дети гордятся своей малой родиной.

Мы возвращались из Ляли на школьном автобусе, переполненные впечатлениями и собранным материалом. От экспедиции к экспедиции мы все больше укрепляемся в мысли: российская глубинка живет; поет, родная! Сила нашего народа – в родном слове, песне, традициях и духовности. Пусть хранит Господь нашу Россию!

Культурное наследие народа, считает Циганкова, требует к себе особого внимания и бережного отношения. Именно этому учит Татьяна Вениаминовна своих юных исследователей. И каждое лето фольклорный ансамбль «Солнышко» отправляется на поиски и делает новые открытия в народной культуре. Например, в 2000 году ребята познакомились с таким жанром, как духовные стихи. Это героические, лиро-эпические или лирические песни религиозного содержания. Записали их у Устиньи Мироновны Коряковой, которую наши в доме престарелых, где ребята беседовали со многими стариками. Неторопливо, степенно вела рассказ Устинья Мироновна о былом, о традициях. И вдруг зазвучали стихи! Дети внимательно вслушивались в интонацию, старались запомнить слова, мелодию. А нотировать текст помогала Татьяна Вениаминовна.

Но главной темой поиска в 2000-м году стал фольклор Великой Отечественной войны. Список тех, с кем предстояло встретиться, помог составить городской совет ветеранов.

Фольклористов заинтересовала одна из сторон военного быта: настрой солдат перед боем. Что духовно подпитывает их перед боем? Ответ ребята нашли в солдатских записных книжках. Вот одна из них, датированная 1944 годом. На пожелтевших, с истертыми краями страницах читаем: *«Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же. Отличительный знак сына Отечества, когда он благороден. Тот есть прямо благороден, которого сердце не может не трепетать от нежной радости при одном имени Отечества» (А.Н.Радищев).*

В этой записной книжке, принадлежавшей Александре Петровне Журавлевой, 1920 года рождения, есть и стихи Г.Р.Державина, высказывания М.И.Калинина о Родине. Их читали воины перед боем. Родное слово помогало выстоять. А.П.Журавлева прошла всю войну, была отмечена грамотами Сталина и Рокоссовского, награждена орденами и медалями.

А вот еще один свидетель военных дней – И.А.Тимшин. Ветерана уже нет в живых, но жив его рукописный песенник, датированный 1943-1946 годами. Там много лирических и патриотических песен, а также стихи, по стилю напоминающие поэму А.Твардовского «Василий Теркин».

Подобные находки помогают ребятам понять, какие замечательные люди гибли за Родину и ковали победу над врагом. «Спасибо им и низкий поклон!» – говорит Татьяна Вениаминовна.

Юбилейный 2000 год надолго запомнится ребятам. С 11 по 16 июля в Красноярске проходил третий открытый межрегиональный фольклорно-этнографический фестиваль «Сибирь молодая». В празднике участвовали фольклорные коллективы 15 республик, краев и областей России. Свердловскую область представляли три коллектива: «Сылышки» и «Складыня» из Екатеринбурга и «Солнышко» из Качканара. Наши дети достойно выдержали конкурсный отбор, жюри отметило многие интересные находки. Наши «солнышки» активно участвовали в вечорках, посиделках на берегу Енисея, разучивали новые игры, кадрили, пели частушки. «А в марафоне частушек эти девчонки даже перепели меня, хотя я своих позиций никому и никогда не сдаю! Молодцы!» – сказал Андрей Каримов, участник фольклорного ансамбля «Лад» из Новосибирска. А девчонок этих было семеро, и Татьяна Вениаминовна с гордостью

называет их: Лена Шатунова, Женя Закирова, Надя Пермьякова, Юля Позднякова, Настя Бурлуцкая, Аня Грачева, Оксана Киселева.

Кроме участия в конкурсной программе, наши «солнышки» выступали в лагерях отдыха, на концертных площадках города. В Красноярске они обрели много новых друзей, сделали массу открытий в культуре и традициях других народов. Впервые довелось им услышать горловое пение народов Горного Алтая, Бурятии, Хакасии. Завораживающе звучал героический эпос в исполнении алтайских ансамблей. На фестивале качканарские дети познакомились с красноярской поэтессой В.Марьясовой-Кулеш, автором девяти сборников стихов, сказок и сказов.

За участие в фестивале и сохранение национальных традиций наш фольклорный ансамбль получил Диплом и приглашение на Всероссийскую творческую мастерскую, которая состоялась зимой в Рязани.

Словом, Россия открывала для ребят свои просторы. Юные искатели старины с интересом познавали сегодняшний день своей страны. Любознательные, активные, они все время в поиске и творчестве. Так, например, в 2002 году они дали 31 концерт, побывали в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, шлифовали свое исполнительское мастерство на сценах города и области.

В 2002 году исполнилось 150 лет Д.Н.Мамину-Сибиряку. И наше «Солнышко» отправилось с экспедицией на родину писателя – в поселок Висим. С особым волнением ехала Татьяна Вениаминовна в этот заповедный уголок земли русской, который стал и ее родиной. Тепло встретили ее земляки. Об их жизни и о поселке рассказала ребятам бывшая директор школы, а ныне библиотекарь В.С.Федулова. В Висиме дети прикоснулись к старообрядческой культуре, услышали песни кержаков, записали воспоминания о старинной кержацкой свадьбе, увидели костюмы староверов.

– Мы записали множество старинных песен, частушек, фрагментов праздников, – рассказывает Татьяна Вениаминовна. – Старались как можно точнее записывать тексты, повторять певческие интонации. Старались тут же припеться к «песельницам» – так происходило вхождение в традицию, в особый мир фольклора.

В поселке есть свой фольклорный ансамбль.

– Неповторимый, просто уникальный, – говорит о нем Т.Циганкова. – А чистейший самородок народного творчества Трушников, автор частушек, стихов, рассказов, затей, с удовольствием обучила нас танцевать старинный «Висимский ланце». Ее мама, баба Маня, рассказала о праздниках и других традициях поселка.

К сожалению, уходят из жизни хранительницы народных традиций. Так, не стало старейшей учительницы, просветительницы поселка А.Н.Томаровой. Но ее потрясающие вышивки, панно-аппликации хранятся в музее вместе с ее методическими разработками и воспоминаниями.

А в Качканаре, в музее Дома детского творчества, после этой экспедиции хранится зеркало XIX века, принадлежавшее семье Томаровых, и другие ценные экспонаты. И, конечно же, из Висима ребята приехали с новыми знаниями о Мамине-Сибиряке, которые получили в музее писателя.

Можно бесконечно рассказывать о вдохновенной работе Татьяны Вениаминовны с детьми, которые ведут многолетний поиск, приобщаются к старине, танцуют и поют. Поют у Циганковой и взрослые.

Апофеоз

– Я смотрю на вас, и у меня такое ощущение, что вы мои дети. Это хорошо. Вы еще честны, искренни, наивны и можете играть песню, – говорит Татьяна. И они внимают своему хормейстеру и аккомпаниатору. А она продолжает:

– Когда я беру холст, я точно знаю, что здесь у меня будет солнце, небо, степь, ветер – такая будет картина. Вы – мои краски. Своими голосами вы раскрашиваете мою картину. Так рождается песня. Слушайте баян. Начинаем с вокализа, где вы разливайтесь туманом

по степи. Звук закрыли – и вот вы вступаете в тему легким дымком от костра казачьего стана. Поднимается солнце – звук раскрывается, пошли вверх, и вот во всю мощь разгулялись в поле казаки. Вот она, гражданская война... Все это подайте мне, мои хорошие, в первом куплете.

Людмила Власовских, участница хора «**Журавушка**», рассказывает:

– Мы заморожены ее словами. Кнотом и пряником она выводит нас на яркие эмоции, бывает, что и слезами, и надрывом. И песня получается. Татьяна неустанно повторяет нам: «Как бы ни был хорош природный голос, каждый из вас должен сбалансировать свое звучание с ансамблем. Следите за своим голосом и голосом соседа. Чтобы песня зазвучала, надо погрузиться в нее всем единым организмом. Пойте мыслью и не по слогам, чувствуя дух и энергию песни».

Если записывать всю теорию, повествуемую Циганковой на репетициях, то можно написать настоящий учебник для хоров.

Людмила рассказывает о репетициях и о выступлении «Журавушки» на областном фестивале-конкурсе хоров Северного округа, в котором участвовали четырнадцать коллективов. О волнении, с каким ждали, когда жюри огласит результаты. Не первое, не второе и даже не третье место. Наконец, объявили: «Гран-при фестиваля «Салют, Победа!» вручается хору русской песни «Журавушка».

– Слезы и крики восторга. Первое наше гран-при. Это успех! Это дорога на Екатеринбургский фестиваль! – восторженно говорит Людмила Власовских. – Упав малымя зернышками на благодатную цыганковскую почву, мы проросли зелеными колосьями. Мы созреем и разольемся спелой золотой нивой раздольной и вечной русской песни.

Давайте и мы побываем на одной из репетиций хора.

– Рада всех вас видеть в сборе после трудового лета. Желаю вам с течение нового творческого года не унывать, крепнуть, надежно стоять на крыле, – приветствует «журавушек» Татьяна Владимировна.

Трудно унять эмоции от встречи после летнего перерыва и настроиться на рабочий лад. Но пора, пора... И вот уже образован круг. Начинается необычная на первый взгляд гимнастика-разминка, в ходе которой каждый освобождает себя от груза забот, очищает мысли и душу для восприятия песни, для соединения с ней. И только потом появляются первые звуки; робко, несмело сливаясь воедино, они набирают силу, устремляются ввысь и – падают. Наконец, доходит очередь до заветных тетрадей, в которых аккуратно записываются тексты песен. Но редко кто в них заглядывает: слова знают наизусть.

Выразительная мимика Татьяны Владимировны говорит: нет, не то.

– Гласные – небесные звуки. Они живут. Они дышат. Согласные звуки – земные.

И снова, в который уж раз, но лучше, лучше...

Основная часть первого занятия сводится к новой песне, которая посвящена этому хору. Стихи написала Клавдия Рублева из литературного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий». А музыка – творение Циганковой. Сразу разучивают на три голоса. Держать свою партию непросто. И опять повторения: и раз, и два, и пять. Пока слова, музыка и хор не становятся одним целым.

Пойте, пойте, «журавушки»,

Сударя да сударушки,

Славьте землю уральскую

Да судьбу качканарскую, –

мелодичным разноголосьем звучит припев. Родилась новая песня, которая станет визитной карточкой хора.

Коллектив растет и набирает силу. Получив гран-при областного фестиваля, посвященного 60-летию Победы, «журавушки» и впрямь ощутили крылья за спиной. За лето в хоре выделилась фольклорная группа «**Молодка**», которая постигает народную мудрость, изучает экспедиционные записи. Кроме того, есть у них практика работы на

шумовых инструментах. Это первый в Качканаре взрослый коллектив, исполняющий старинные песни в их первоизданной манере.

В обоих коллективах Татьяна умеет создать здоровую, творческую атмосферу, объединить людей не только по голосам, а духовно. И это у нее получается: ведь она окончила Санкт-Петербургскую академию психологии и отлично защитилась. Стартовала «Молодка» летом 2005 года на городском конкурсе «Играй, гармонь!», который проходил в парке «Строитель». А впереди – подготовка к городскому фестивалю «Шире, круг!», участие в различных мероприятиях и концертах, о которых скажу перечислительно.

Первый зимний праздник – Кузьминки – отметили в Доме детского творчества, где дети и взрослые гости узнали, почему этот праздник так называется. За Кузьминками – Святки, а там и Масленица – широкое поле для «Журавушки», «Молодки» и «Солнышка». Троица, Иван Купала, Петровки, Кострома, Спас медовый, Спас яблочный, Спас ореховый. Затем осенние посиделки – Осенины, открывающие пору смотрин и выбора невест. Дальше – Покров, а там уж опять недалеко до Кузьминок и Юрьева дня... Репетиции, костюмы, концерты.

Хоровые коллективы Циганковой знают и любят не только в Качканаре. В 2006 году они участвуют в областном фестивале «Поющее Верхотурье», в 2007-м выступают в Среднеуральске на областном фестивале народных певческих коллективов «Гулянье на Исетских горах», где отмечены дипломами первой и второй степени. 2009 и 2010 годы принесли звание лауреата областного фестиваля «Осеннее очарование». Обо всем не расскажешь.

Но о «Молодке» все-таки хочется сказать. Ее репертуар активно пополнялся обрядами, новыми танцами и песнями, которых насчитывается уже более сотни. Этот коллектив в 2007 году стал участником всероссийского фестиваля «На Казанскую». Вместе с «Журавушкой» «Молодка» снималась в передаче Заволокиных «Играй, гармонь!», съемки которой проходили в Качканаре. В этой передаче снимались они и в поселке Висим: потомственная баянистка Татьяна Вениаминовна была приглашена на свою родину – представить династию Томаровых. А в 2010 году «Молодке» исполнилось пять лет, правда, она к тому времени уже звалась «Здравицей».

– Здравница – это заздравная речь, тост с пожеланиями здоровья и долголетия. Здравница – это торжественная песнь, прославляющая свой край, – так объясняет Татьяна Вениаминовна перемену названия.

А суть, конечно, одна: изучить фольклор предков, сохранить, сбереечь и донести его до потомков. И совсем не случайно свой клуб они назвали «Берегиня». Здесь, на народных праздниках, можно прикоснуться к старине, познакомиться с различными обрядами, даже услышать исполнение духовных песен во время Великого Поста.

Клуб «Берегиня» – это своеобразный музей уральского быта. Его экспонаты перекочевали однажды в городской музей, где проходила выставка традиционной русской культуры. Настоящий, в рабочем состоянии ткацкий станок. Плетеный баул ХУ1111 века. Шкатулка из кузнецовского фарфора, вынесенная из горящего дома. Вышитая крестом рубаха XIX века. Наволочки, полотенца, занавески, утюги, ухваты и горшки. Все это передавалось из поколения в поколение, хранилось и береглось.

– Эти вещи говорят с нами неслышно, излучают энергетику, передают информацию. Чувствуете, как тепло и уютно здесь? – спрашивает Татьяна Вениаминовна, которая проводит экскурсию в прошлое. И дети хором отвечают: «Да!».

Эмоциональный, насыщенный фольклором ее рассказ перемежается песнями, частушками. Завороженные юные посетители музея начинают подпевать и приплясывать, будто и впрямь оказались в прошлом.

Это было в 2007 году. А в январе 2012-го «Здравница» и «Солнышко» провели в городском музее колядки. Школьники познакомились со старинными традициями, узнали историю праздников: Нового года, Рождества и Крещения. Они научились играть в

старинные святочные игры, пели песни и водили хороводы. Кстати, рождественские мероприятия проходят ежегодно уже в течение последних восемнадцати лет. К любому народному празднику у Циганковой готова концертная программа. С годами программы дополняются, обновляются: этот творческий человек в постоянном поиске.

Сравнительно недавно на праздниках в «Берегине» мы увидели старинные танцы. Оказывается, Татьяна Вениаминовна, та самая Танюшка, у которой с детства ноги просились в пляс, создала **студию исторического танца**. А началось все тоже с песни. Называлась она «Падеспань». Захотелось узнать: что это за танец, про который песня сложена, откуда он пришел и как исполняется?

Неугомонная, пытливая, она углубилась в историю, узнала музыку, рисунок танца, манеру исполнения. Захотелось возродить этот забытый танец. Нашла исполнителей и стала заниматься с этими взрослыми танцорами так же кропотливо, как она работает с детьми. И вот уже в активе студии падеспань, полонез, два менуэта, полька, бранль, венский вальс, фигурный вальс, а также кадрили, лирическая сударушка.

Татьяна Вениаминовна с удовольствием рассказывает об этом. Мы сидим в ее квартире, перебираем бумаги. Их множество. Нет, это не ворох: фотокарточки, газетные вырезки, ноты, тексты песен, другие материалы – всё в отдельных папках и файлах. И я еще раз убеждаюсь, насколько аккуратный и организованный человек моя собеседница.

Вот эта папка хранит родословную. Татьяна бережно перебирает и гладит пожелтевшие листы и рассказывает о своих далеких потомках Ковальчуках, которых когда-то выиграл в карты Демидов и перевез их на Урал как рабочую силу из Черниговской губернии. Говорит о любимом дедушке. Фельдшер по образованию, он перед войной окончил военную академию, славно воевал, пережил контузию и ранение, фашистский плен и побег, партизанский отряд, прошел с боями всю Европу, был награжден орденами и медалями. С любовью и нежностью говорит Татьяна о своих родителях, которые остались на фотокарточках и в памяти сердца.

А вот в комнату заходит живой человек. Высокий, крепкого телосложения, красивый, сдержанный и скромный. Это Евгений Викторович Циганков, муж моей героини, без которого она вряд ли совершила бы столько творческих подвигов. Механик-водитель, он тридцать лет проработал на горно-обогательном комбинате и в 50 лет ушел на пенсию. Понимающий, терпеливый, Виктор всю жизнь поддерживал жену, даже бывал с ней в фольклорных экспедициях. Циганковы вырастили троих детей. Старший, Станислав, живет сейчас во Владимире, Эдуард и Надежда – в Качканаре.

А мы продолжаем рассматривать Татьянины реликвии. Вот большой и красивый журнал. Глянцевая бумага, множество снимков. Это красочное издание рассказывает о Третьем международном фольклорном фестивале-конкурсе «Интерфолк», который проходил в 2011 году в Санкт-Петербурге. Вот Греция, Великобритания. Франция, Корея, Голландия, Хорватия. Вот наши Петербург, Братск, Кемеровская область, Коми, Кострома, Качканар. Нет, наш город не в последних рядах, как я тут перечислила. Воспитанники Татьяны Циганковой заняли в этом конкурсе третье место!

Вот красочная память об участии в Шестом региональном конкурсе народной песни «Кладезь», который проходил в Екатеринбурге тоже в 2011 году.

А в 2012 году «Здравица» участвовала в областном фестивале-конкурсе «Казачий круг» и стала серебряным призером. Татьяна Вениаминовна гордится, что ее фольклорный ансамбль внесен в реестр казачьих коллективов России и приписан к Оренбургскому казачьему войску.

А в этой папке что? А это качканарская песенная история, которую изучает и бережет Татьяна Вениаминовна. Вот две ксерокопии. Заметка 1959 года из газеты «На стройке Качканара» сообщает, что в рабочем поселке открывается школа любителей пения, куда приглашает Иван Шевяков – председатель Качканарского отделения Всероссийского хорового общества, руководитель хорового коллектива клуба «Строитель». А

руководитель кружка сольного пения Полина Штерман в заметке «Если хотите научиться хорошо петь» зовет в клуб вокалистов. Дальше на нескольких листах аккуратный печатный текст рассказывает об успехах художественной самодеятельности города юности и о замечательном хоре, количество участников которого доходило до 300 человек.

Да, не на пустом месте создавалась «Журавушка», творческая характеристика которой тоже хранится в этой папке. Этот хоровой коллектив Циганкова приняла от Т.В.Корнаковой.

– Тамара Васильевна – самый сильный педагог по вокалу и удивительный человек, – говорит Татьяна Вениаминовна. – С огромной благодарностью вспоминаю ее уроки, стараюсь расширить границы заложенных ею навыков. И очень благодарна я людям. В общении с ними я по-другому стала смотреть на мир, на песню. И радуюсь, когда у людей расправляются крылья от хорошей песни.

Мы долго беседуем. Потом Татьяна подходит к пианино:

– Вот послушайте, что у меня получилось.

Она прикасается к клавишам, и комнату заполняет прекрасная мелодия. Стихи нашего «лукоморцы» Алексея Башкирова Татьяна положила на музыку – и получилась еще одна, новая песня о Качканаре. Пианистка играет и поет:

*Качканар—наша честь и надежда,
Мы с тобою – единой судьбой.
И звенит наша песня, как прежде,
Да не гаснет у нас любовь.*

Поет о большой любви; о Качканаре, который на долгие годы стал ее судьбой; и о песне, которая родилась вместе с городом юности и по-прежнему звенит над уральской тайгой.

Татьяне Циганковой, этой женщине с поющей душой, посвятила свое стихотворение поэтесса из «Лукоморья» **Татьяна Семакина**.

ВЕРНЫЙ СПУТНИК

Ты чувствуешь тонкую душу баяна,
Он очень вынослив и очень раним.
Ты птицей паришь над землею, Татьяна,
Когда вы почти одно целое с ним.
Твой спутник надежный – известный трудяга,
Привыкший давно к обстановке любой.
Он тоже романтик, он тоже бродяга,
Кочует по белому свету с тобой.
Вы только звезде вдохновенья поверьте,
Лишь самым упорным сияет она.
Душа нараспашку на каждом концерте,
Игре инструмент отдается сполна.
Он радует зрителей новой песней,
А ты регулируешь ноты и звук.
Вдвоем и работать, и жить интересней,
Не выпустишь ты свое счастье из рук.
Вы делите славу совместно с баяном,
Вам дарит овации зрительный зал.
Привык компаньон к твоим творческим планам,
Хотя он, наверное, очень устал.
Пуускай отдыхают усталые кнопки,
Позволь их владельцу немножко поспать.
Опять вас зовут потаенные тропки,

Звезда вдохновенья сверкнула опять.
 Вы вновь отправляетесь с ним на гастроли,
 В дорогу романтика вновь позвала.
 Уставшие руки не чувствуют боли,
 Готовы к полету твои два крыла.
 В уральской столице на хрупкие плечи
 Привычным движеньем накинешь ремни...
 Когда завершатся концерты и встречи,
 Баян Качканару обратно верни!

ДО БЕРЛИНА И РЕЙХСТАГА

Весельчак, балагур, оптимист. И задорный плясун. Таким знают Валентина Михайловича Попова в Валериановске и в хоре клуба «Ветеран», где он поет уже более десяти лет. Богат и разнообразен репертуар этого творческого коллектива, который звучит уже четверть века. Каждая песня: лирическая или патриотическая, веселая или грустная – доходит до сердца, берет за живое. Но, пожалуй, больше всех Валентина Михайловича волнует песня про медсестру Анюту. Есть там такие слова:

*Я был ранен, и капля за каплей
 Кровь горячая стыла в снегу.
 Наши близко, но силы иссякли –
 И не страшен я больше врагу.
 Мне годами казались минуты,
 Шел по-прежнему яростный бой...
 Медсестра, дорогая Анюта
 Подползла, прошептала : «Живой!»
 И взвалила на девичьи плечи...*

Валентин Михайлович поет, и красивый, сильный его голос дрожит: песня уносит ветерана в далекую юность, в 1943 год, когда в степи под Каховкой он был ранен.

День был жаркий. Валентин лежал в бурьяне. Раненый в ногу и грудь, он не мог ни встать, ни закричать.

– Изо рта идет пена и кровь. Лежу и думаю: «Видно, тут мне и погибать». А полк ушел вперед... Сколько лежал – не знаю. А потом – медсестра совсем, как в песне, подползла, прошептала: живой! Сняла с меня нижнюю рубаху, перевязала, сказал: «Жди, скоро приедем»... Подошла машина, а там уже четверо раненых лежат... Приехали в какую-то деревню. Отдохнули там на соломе...

Потом был госпиталь. Ранение серьезное. Валентин знал, что предстоит ампутация ноги. В операционной, куда его привезли, стояло шесть столов, и на каждом раненый. Валентин видел, как первому отрезали ногу, подумал: «Вот и меня это ждет» – и сразу усилилась боль в раненой груди... А за окном было лето, 2 июня 1943 года. Сегодня день его рождения, ему исполнилось восемнадцать лет. «Как не хочется оставаться безногим!» – с горечью подумал именинник и по приказу врача начал считать. Досчитал до двенадцати – и отключился...

– Проснулся я в палате. Нога моя в гипсе. «Видно, ты в рубашке родился», – говорит сестричка. И рассказала она, что в операционную заходил главный врач и велел сделать все возможное, чтобы ногу мне не удалять. «Пожалел он тебя, такого маленького да молоденького», – сказала сестра и как-то радостно вздохнула... И остался я с ногой, да еще и пляшу на ней! Спасибо главному врачу! Он в тот момент оказался моей счастливой судьбой.

А дальше – долгое лечение в госпитале. Ампутировать-то проще, лечить – сложнее. За четыре месяца о чем только Валентин не передумал: о главном враче и своей судьбе, об

однополчанах, которые без него ушли вперед: ведь в 1943-м Красная Армия успешно наступала. И все чаще мысли уносили раненого бойца в отчий дом...

Он вспоминал Старую Лялю, своих родителей Михаила Михайловича и Кристину Михайловну, родивших шесть дочерей и троих сыновей. Вспомнил школу и себя, шустрого озорника Вальку без особого прилежания в учебе. И леспромхоз, где он успел поработать пять месяцев. А в семнадцать с половиной лет пошел Валька защищать Родину. Был морозный день 7 января 1943 года.

– И куда ты, Михайловна, такого маленького отправляешь? Еще заплачет там, – сказал кто-то из провожавших.

– Не заплачу! – сердито возразил Валька, который и впрямь ростом-то не вышел. – Не заплачу!

По узкоколейке привезла их «кукушка» в районный поселок Ис. Там, в клубе имени Артема, Валентин и его земляки Виталий Мелехин и Вася Камаев влились в общий строк и пошагали на вокзал. И вскоре семь переполненных товарных вагонов как-то грустно застучали колесами. Провожать Вальку и плакать было некому.

Куда едут – ребята не знали. Ночью состав остановился. Раздалась команда: «Вылазь!» Недолгое столпотворенье – и вскоре морозный январский снег закрипел под ногами длинной колонны. «Ни огня, ни темной хаты...» Шли долго. Наконец, впереди замаячил какой-то огонек. А вот и «хаты» – длинные землянки с нарами и печкой-буржуйкой. В каждой землянке по тридцать-сорок человек. Как тепло, как хорошо!..

Утром – завтрак. Потом стрижка, баня; обмундирование, хоть не с иголки, но чистое и вполне пригодное к употреблению. Бритые, новой форме, ставшие похожими, ребята не узнавали друг друга – и было очень весело! Но все понимали, что здесь они – не для веселья. Здесь, в деревне Кылосово, в 25 километрах от Кунгура, их будут готовить на фронт. Готовили в течение месяца. В основном на березовых винтовках (Оружия не хватало) учили колоть врага и стрелять. А потом стройной колонной в Кунгур, к поезду. Там их провожали с духовым оркестром. Под музыку сели в вагоны. Оркестр играл, пока не заглушил его протяжный и громкий гудок паровоза. Длинный состав отправился на фронт.

В тишине больничной палаты Валентин отчетливо услышал этот гудок, прервавший его воспоминания. Глубоко вздохнул – в груди стало больно. Раненая нога – словно чужая. Валентин задумался. С того памятного гудка до ранения не прошло и полгода, а как много всего произошло! Наро-Фоминск, куда их привезли, был уже освобожден, но кругом все горело – и было страшно! Потом 70 километров шли они пешком в сторону Алабино. Танки, артиллерия – все на фронт. Наша армия наступала. В составе 179-го артиллерийского минометного полка гнал фашистов на запад и наш Валентин Попов. «А полк ушел вперед, – с грустью думал Валентин. – А я вот лежу тут... Как медленно тянется время! И когда уж встану?»..

Встал он через четыре месяца. Настроение было хорошее. А когда увидел старшего лейтенанта Тимошкина, стройного, подтянутого, с портупеей, то вообще пришел в мальчишеский восторг: «Значит, буду служить вместе с этим летчиком? Вот хорошо-то! И в Лялю можно слетать! – думал наивный парнишка. – И форма будет такая же красивая!»

А оказавшись в летной части, услышал:

– Попов, на кухню, картошку чистить! – какое разочарование!

– Попов, выходи в гараж! – приказали через несколько дней.

Гараж, конечно, не кухня. Выдали Валентину комбинезон, в котором он едва не утонул. Но в этой форме почувствовал он себя важным и нужным. А чтобы выглядеть солиднее, измазал лицо и руки мазутом. Сначала стажером, потом шофером Валентин осваивал и водил отечественные и немецкие машины, обслуживая летную часть. Шоферы возили снаряды, топливо, продукты. Ситуации случались всякие. Порой запрашивать самолеты приходилось прямо на автостраде...

И вот Берлин. Никогда еще не видел Валентин такого ликования среди руин и развалин. Смотрел на американцев и англичан. Эти союзники, веселые и довольные, фотографировались на фоне Рейхстага в позах победителей.

– А мы смотрели и завидовали, потому что у нас фотоаппаратов не было. Как доказать, что мы тоже победители? И мы молотком да зубилом выбивали на стене Рейхстага свои фамилии или хотя бы инициалы. А стена-то очень крепкая!

Победили. Закончилась война. Но Валентин Попов еще четыре года оставался за границей, служил в Центральной группе войск в Австрии. Вспоминает, как целыми автоколоннами вывозили они из Германии советских людей, угнанных фашистами в рабство.

– Три рейса сделали мы до Львова. Страдали и радовались вместе с освобожденными. А потом пришел и наш черед возвращаться домой...

И снова был январь. Год 1950-й. И снова труженица «экспресс-кукушка». И снова мама со слезами на глазах. И родная Старая Ляля. И тот же леспромхоз. А Валентин уже не тот: ему уже не семнадцать, а двадцать четыре года. Он так устал и так скучал на чужбине! Так хочется мира и простой, созидательной работы! И домашнего тепла... Леспромхоз дал ему квартиру, вернее – комнату в деревянном доме (впрочем, каменных в Старой Ляле и не было). Был доволен. А в соседней комнате жила девушка Галя с годовалым сынишкой Сережей. Встреча с ними сделала Валентина не только довольным, а просто счастливым. Поженились с Галиной и стали жить-поживать, добра наживать. Через десять лет у них родилась дочка Люба. Валентин работал в леспромхозе. А в 1962 году ушел в Качканарскую геологоразведочную партию. В 1970-м купил дом в Валериановск, устроился водителем в автотракторный цех Качканарского ГОКа. С тех пор, вот уже пятый десяток, живет Валентин Михайлович в этом поселке, где слывет весельчаком, балагуром, оптимистом. Его шуток-прибауток не пересказать, чудачеств не счесть.

Вот как-то в АТЦ в один из морозных дней не смогли открыть въездные ворота: крепко вмерзли они и не поддаются. «Горячей водой разморозьте и откройте», – повелел механик. Но никто не пошевелился. Тогда пошел Попов. Возвращается, вытирает мокрые руки и бумажные деньги. «Вот, – говорит, – оттаяли; жаль, что вымокли. Двадцать пять рублей. Ну, ничего, высохнут. Кто-то, видать, посеял при входе. Наверно, не последние», – и снова пошел за горячей водой. Тут и остальные принялись за дело. А Валентин Михайлович, пряча улыбку, положил свои кровные обратно в карман.

Еще о производстве. Привез Попов шлам на разгрузку, встал в длинную очередь машин. И вдруг в другом ряду, прямо напротив его машины, видит новенький «МАЗ», а в кабине шофер в одном пиджачке сидит. Но ведь зима, холодно! Удивить всех решил?.. Ну нет, Попова не переплюнешь!.. Разделся Валентин Михайлович до майки, облокотился картинно на дверцу – и продолжал ждать очередь на разгрузку. Всех сразил! Все уговаривают его одеться, а он сидит и улыбается. Себя он, конечно, тоже сразил наповал – через день свалился с пневмонией. Но это уже неважно.

Шел Попов на зимний праздник в клуб «Ветеран». По дороге вывалился в снег и бутылку вывалил, а потом ввалился в клуб, изображая себя мертвецки пьяным. Народ ужаснулся, а в следующую минуту все уже громко смеялись: люди знали, что Валентин Михайлович не пьяница. А сам он говорит:

– Я, хоть и шофер, но не втянулся. А они со мной чего только не делали, чего только на меня не надевали. Да и раздевали тоже.

Легкий на подъем, с легким характером, Валентин Михайлович активно участвует в подготовке праздников в ветеранском клубе и готов поддержать любую затею организаторов. Однажды для комической сценки потребовался скелет. Но изображать этот персонаж никто не хотел. А Валентин Михайлович согласился, хоть без раздевания тут, конечно, не обошлось.

Вот такой это человек. Прошел войну, похоронил любимую жену Галину. Уже 27 лет живет один. Но в его доме по улице Горной чисто, уютно, тепло. А его шутки-прибаутки помогают не только односельчанам, но и ему самому. Летом он часто выносит кресло на улицу и подолгу сидит, беседует с прохожими.

Однажды подошли к нему «просвещенные» девчушки лет десяти.

– Дедушка, вы знаете, что такое секс?

– Конечно!.. Вот если сварить картошечку, а потом ее, горяченькую, да с холодненьким молочком...

Не дослушали девчонки, засмеялись и убежали.

– Я больше уважаю женщин, – признается наш шутник. – Особенно если женщина юмористка, то начинается серьезный разговор... А вообще меня испортил профилакторий, где я, пенсионер, долго работал водителем. Как в профилактории новый заезд, так я сажусь около вахтера и смотрю, какие прибыли женщины.

Валентин Михайлович с почтением говорит о женщинах и женской красоте, а в глазах читается тоска о любимой жене. Он остался вдовцом в 58 лет. Дети, Сергей и Люба, советовали ему жениться. Но второй раз «под венец» он не пошел.

*– Видал я много разных стран и городов,
Ногами шар земной крутил, что было сил,
Да только в сердце свою перовую любовь
Всегда носил, всегда носил, –*

поет Валентин Михайлович, и будто про него эта песня с припевом о рябине и Галине. Поет 86-летний ветеран. Голос красивый и сильный. А глаза светятся мыслью и чувством.

РАСКОВАЛОВЫ

Расковать. Заковать. Перековать. Да и просто ковать... Вот я и думаю, что далекие предки моих героев были кузнецами. Крепкие, мастеровые, они могли и лошадь подковать мирному хлебопашцу, и выковать меч для воина. Да и сами в лихую годину с готовность вставали на защиту земли Русской. И их сыновья, из поколения в поколение, были достойными своих отцов.

Расковаловы – коренные уральцы. Родом они из села Большие Брусяны, что в Белоярском районе Свердловской области. Места там красивые: леса и горы, поля и речка Брусянка. Семен Расковалов, невысокий, кряжистый, далекий от политики человек, работал на земле. Его старший сын Федор в гражданскую войну стал красноармейцем; в этом звании и погиб, защищая советскую власть. Его детей, Татьяну, Анастасию и Ивана, принял в свою семью брат Федора – Григорий.

Крестьянский сын Григорий Расковалов стал рабочим. Этот самородок с образованием в четыре класса, пытливый, смекалистый (не зря же в его жилах текла кровь предков), много читал и экспериментировал. Работал на вагранке в Больших Брусянах. Работал на Уралмаше, был начальником чугунолитейного цеха в селе Черноусово. Видел, как крепнет промышленная мощь Урала, радовался взрослым своим сыновьям

Но грянул 1941-й – и ушел Григорий Семенович на фронт. О том, как он воевал, говорят медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», орден Отечественной войны.

Ушли на фронт и его дети. Приемный сын Иван, кавалер двух орденов Красной Звезды и ордена Отечественной войны, навсегда связал свою жизнь с армией. В мирное время служил в Забайкалье, Прибалтике, Москве.

Военным мечтал стать и Михаил Расковалов. В 1941 году он поступил в Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Но над городом нависла фашистская угроза – и студентов перевели в Баку, в такое же военно-морское училище. Однако проучились

недолго: на Кавказ пришли немцы. Все студенты ушли на фронт – и все погибли. Фамилии этих героев хранит установленный в училище памятник.

Когда через много лет Михаил Григорьевич посетил в Баку, он прочитал на памятнике и свою фамилию. И почти не удивился. Он побывал в этой мясорубке, знал, что такое война в горах с противником, вооруженным до зубов. В боях за Кавказ Михаил сражался храбро, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны. А в 1942 году под Нальчиком был ранен – страшно, почти смертельно; наверное, тогда и посчитали его убитым. Но он выжил, полтора года лечился в госпитале – и выжил.

Госпиталь и поменял жизненный вектор Расковалова: Михаил решил стать врачом. Ходил на костылях, но закончил с отличием Свердловский медицинский институт, стал доктором медицинских наук, профессором. Работал в Свердловске, в Челябинском медицинском институте, на кафедре инфекционных болезней. Его жена Валентина, две их дочери и сын – вся семья Михаила Расковалова служит медицине. Чудом вырвавшись из лап смерти, он призвал себя на эту службу – спасти человеческие жизни.

– Отцу в 1941 году был 41 год, Ивану – 35 лет, Михаилу – восемнадцать, мне – шестнадцать, – рассказывает Александр Григорьевич. – И всем нам пришлось воевать с фашистами. Всех мама провожала на фронт, о каждом болело ее сердце, каждого ждала – и все смотрела на молодые березки, которые она посадила, загадав на нас. Все деревца прижились – значит, мы вернемся живыми. Так и случилось. Сколько людей полегло на войне! А мы живы, даже не верится! Счастливая наша семья!..

Да, такие случаи, наверное, единичны. Чаще было наоборот: ушли на фронт – и не вернулись. А тут четверо воинов – и все уцелели... А самый младший из братьев, Николай, служил в армии уже после войны. Вот такие они, защитники Отечества Расковаловы.

С одним из них, которому суждено было стать качканарцем, давайте познакомимся поближе.

Александр Григорьевичу 87 лет. Но память прочно хранит многие впечатления детства. Самые яркие связаны с 1934 годом. Саша, ученик второго класса одной из школ на окраине Свердловска, был участником двух многолюдных митингов. На одном уральцы радостно приветствовали спасенных «челюскинцев». На другом митинге выступал нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе – и все ликовали по поводу успешного старта Уралмашзавода.

А в конце 30-х годов в школу, где учился Саша, поступили дети «врагов народа». Дочь Тухачевского ходила в десятый класс. А дочери Уборевича, Гамарника, Малоштана были восьмиклассницами, как и Саша.

– Нормальные девчонки, умные, скромные, хорошо знали немецкий язык и вообще учились успешно. Не верилось, что их родители могут быть «врагами народа», – говорит Александр Григорьевич.

Девочки сначала смущались, им было неловко, будто они в чем-то виноваты. А в чем – они и сами не знали. Не знали этого и их уральские одноклассники. Они жалели этих девочек, чьих отцов расстреляли, матерей приговорили к десяти годам и отправили в Ташкент, а дочек – в детский дом.

Хорошо помнит Александр Григорьевич и техникум советской торговли, куда он поступил после школы. Общежитие техникума было на улице Вайнера, напротив большого гастронома, куда ребята часто ходили пить газированную воду по одной копейке за стакан.

Вот окончен первый курс, сдан последний экзамен – и пошли они купаться в Верхисетском пруду. День был солнечный, жаркий... Возвращаются – а улица во всю ширину заполнена людьми. Одни плачут, другие охают, и все внимательно смотрят на открытое окно общежития, в которое кто-то уже выставил говорящую тарелку репродуктора. Этот черный круг принес людям черную весть о начале войны. Техникум закрыли. Студент Расковалов стал рабочим оптико-механического завода, которому был присвоен номер 46: завод выпускал боеприпасы.

– За два месяца меня научили работать на токарном станке, – рассказывает Александр Григорьевич. – Маленький ростом, я стоял у станка на патронном ящике. Работал, как взрослый, постоянно перевыполнял норму и получал за это двести граммов хлеба и пачку табаку. Табак я менял на сахар. Проработал год, а исполнилось восемнадцать лет – и призвали меня в армию.

Когда Александра Григорьевича спрашивают, где он воевал, он отвечает, что прошел «от П до П»: от Прохоровки до Праги. Вот он, этот боевой путь – на самодельной карте, длинной лентой на стене в его комнате.

О Прохоровке и Курской дуге теперь знают все: кто – по книгам и фильмам, кто – по рассказам очевидцев. А Расковалов познал это всем существом своим, как и другие небритые юнцы из пулеметного училища в Чкалове, которые сразу оказались в пекле войны в составе 93-й гвардейской Харьковской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Харьковской назовут ее позднее, после героических боев и освобождения этого украинского города. А пока была Прохоровка, память о которой навсегда в сердце ветерана и в толстой тетради его воспоминаний. Давайте прочитаем хотя бы несколько строк.

*«К 18 часам вышли к Прохоровке. Жара спала. Населенный пункт забит пехотой, на улицах не проехать. Полк вывели в поле. И вдруг раздалось: «Воздух!» Вдали послышался гул моторов: к Прохоровке приближалось 120 бомбардировщиков. Зенитные батареи открыли со станции бешеный заградительный огонь
Лежу в поле, в борозде. Бежать некуда. Вижу, как у первых самолетов открываются бомболюки, оттуда отделяются торпеды и с нарастающим воем несутся прямо на меня. Прижимаюсь всем телом к земле. Меня отбросило от земли, затем посыпались комья. И так снова и снова, то сбоку, то дальше рвалось, горело... Прошла первая волна бомбардировщиков, затем вторая в сорок самолетов. Третья. Налет продолжался полтора часа. Охранявшие бомбардировщиков «мессеры» на бреющем полете прострочили по нам и удалились».*

На Курской дуге Александр Расковалов получил первое боевое крещение и первое ранение. Лечился он в госпитале под Воронежем. И снова – в строй, снова – пехота.

– Пехота. Конечно, пехота: сто прошел – еще охота! – шутит ветеран.

Потом был Харьков, за который бились десять наших дивизий. 28 августа 1943 года город был освобожден.

– А 28 августа 1983 года представители всех дивизий собрались в Харькове, чтобы отпраздновать сорокалетие со дня его освобождения. Как тепло нас встречали! Какое ликование было на улицах! Сколько улыбок, сколько цветов! Целый километр мы шли по городу буквально по цветам. И радость была общая, по-настоящему братская... Вот такие светлые чувства хранит память сердца. И правая нога ветерана тоже хранит память о войне. Осколок в берцовой кости то умолкает надолго, то опять напоминает о себе сильной и продолжительной болью.

Дальше по дорогам войны Александр Расковалов шел в составе 167-й Сумско-Киевской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии

– Киев мы взяли 4 ноября 1943 года. Сталин требовал, чтобы к Октябрьским праздникам этот город был взят – и мы взяли. Ох, сколько погибло солдат в жестоких боях и при форсировании Днепра! – тяжело вздыхает мой рассказчик.

Потом он вспоминает Корсунь-Шевченковскую операцию, Шепетовку, Западную Украину, Прикарпатье.

– Вышли к Карпатам. Очень трудными были бои на Русском и Радошицком перевалах. Население нам помогало, и все же люди удивлялись, как мы умудрялись затащить орудия в горы. А мы благодарили терпеливых и выносливых ишаков. Потери в горах были очень большие!.. Бои в Карпатах, потом польская граница. Взяли город Санок на реке Сан. По реке через ущелье спустились в Ужгород, а тут и граница с Чехословакией. Взяли город Михайловце, потом – Кошице, тот самый, где выпускают «Шкоды».

Дальше дивизия шла с боями на северо-запад. Большие и маленькие города, широкие и узенькие реки. И вот полноводная Влтава и город Прага. Шла пехота, теряя бойцов; шло время, теряя месяцы, годы. Вот уже остались позади 1943-й, 1944-й... А впереди была победная весна 1945-го.

– Месяц простояли в Праге, и шагом – марш! – говорит Александр Григорьевич. Конечно, шагом – а как еще идет пехота? И двинулась дивизия на восток. Шли с песнями. Снова, уже без боев, форсировали реки. Им кричали: «Слава – победителям!» И качали, подбрасывая вверх, и обнимали.

Вот и Западная Украина. Тут пришлось задержаться: воевали с бандеровцами. И снова пешим ходом на восток, с радостью, с усталостью, с боевыми наградами: медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны и орденом Славы. Демобилизовался наш славный воин лишь в 1947 году, 28 марта.

Вернулся домой. Сразу пришел в свой техникум советской торговли и сел за парту: а чего время-то зря терять?

– Кто таков? – удивилась зеленая молодежь.

– Ты откуда, Расковалов? – обрадовался преподаватель товароведения.

И продолжилась его учеба. В 1949 году закончил Александр техникум и был направлен в Краснотурьинск. А когда приехал в отпуск в село Черноусово, где тогда жили Расковаловы, встретил Александр удивительную девушку Галину – бухгалтера сельпо. Пришел, увидел – победил! В 1951 году они поженились.

– Ума-то у меня не было, – говорит Александр Григорьевич. – Квартиры нет, зарплата – 60 рублей, богатство – одна шинель... И ведь женился! А зачем? Что я мог ей дать? Так он рассуждает сейчас, на расстоянии в шесть десятков лет. А время их молодости было совсем другое, когда чувства не измерялись ни квартирой, ни зарплатой.

В Краснотурьинске Александр Григорьевич начинал товароведом и одиннадцать лет был начальником орска. В 1962 году его перевели в Качканар заместителем начальника орска. – Работал до пенсии, до 1984 года, – говорит он. – И началось у пехоты шествие по больницам.

Но пехота уже не та. «Мотор», после двух инфарктов, тянет плохо, ноги не ходят, болят. Да и как не болеть этим ноженькам, если они протопали «от П до П» и обратно. Не по гладенькой дорожке, не по асфальту, не прогулочным шагом и не налегке... Все выдержала пехота. А теперь приходится ей сражаться с врагами-недугами. Угроза – серьезная.

– Вычитал в газете, что у нас каждый год ампутируют двадцать две тысячи пар ног. Значит, я буду не один.

Но это слабое утешенье, и вставать в этот «строй» ветерану не хочется.

Утешенье он находит в семье. У Александра Григорьевича и Галины Михайловны две внучки и пять правнуков. Растут малыши и согревают сердце деда. А еще его греет память. В комнате Александра Григорьевича есть своеобразный «боевой уголок». Там длинной лентой на стене – карта его фронтового пути, большие портреты всех Расковаловых и общий, тоже большой снимок, сделанный в 1947 году. Нет на нем только Ивана: посвятивший себя армии, он не смог в тот день быть рядом.

И СТАРОСТЬ ЕГО НЕ ДОГОНИТ

Гора Качканар и «море» у ее ног красивы в любое время года. Зимой в них своя, почти сказочная прелесть. Море становится большой белоснежной равниной, которую, словно школьную тетрадь, разлиновали лыжники. Этих линеек, в две колеи, много, и все они ведут туда, на другой берег: к подножью горы, на Утянку, на Косью – выбирай любую!..

Он шел привычным маршрутом. Лыжня уводила все дальше в лес, который в своем зимнем убранстве был величественным и загадочным, И к этой красоте нельзя было

привыкнуть – оставалось только удивляться. Удивленный и очарованный, он временами замедлял шаг, а потом снова набирал темп, вдыхая полной грудью чистый морозный воздух.

– Хорошо идет! Не утонишься! – восторгались его спутники. – Даже не верится, что этому деду уж восемьдесят шесть!.. Да и какой он дед? Щеки покраснелись от мороза, на усах заледенел снег, а он улыбается и шутит. А усы у него зазорные, шикарные – как у настоящего казака!..

– А мы и есть настоящие казаки, – с гордостью за своих предков говорит Николай Иванович Гаврилов и уточняет: – Яицкие казаки.

Да, его родословная уходит в то далекое время, когда на реке Яик возник Яицкий городок. Позднее эта река станет Уралом, Яицкий городок – городом Уральском, а яицкие казаки – Уральским казачьим войском. Казаки были надежной пограничной стражей.

*От набегов, разорений
Мы спасали целый край, –*

поется в гимне Уральского казачьего войска. Текст этого гимна, который я нашла в Интернете, очень большой. Вот лишь несколько строк:

*И заветною чертою
Мы назначили Яик.
Хоть за то у нас с Ордою
Спор был тяжел и велик.
Наши пращурьы и деды
До времен еще Петра
Были на полях победы,
Страшным было их «ура!»*

Среди защитников родной земли был и Ивашко Гаврилов, чье имя значится в переписи Яицкого войска, проведенной в 1632 году. Не от этого ли Ивашки идут и наши Гавриловы? И бравые усы – оттуда. А еще у Ивашки была шикарная борода. Ведь уральцы от других казачьих частей отличались внешним видом: большинство из них, как староверы, не брили бород.

У нашего Николая Ивановича бороды нет. Но от далеких предков сквозь столетия перешли к нему бравые усы, а вместе с ними выносливость и стойкость – качества, которые помогали казакам пережить репрессии в мрачные годы российской истории. Немало выпало и на долю потомков, которым очень пригодилась казачья закваска.

Жили-были Иван да Марья. Их, своих родителей, Николай Иванович вспоминает с нежностью. Вспоминает Духовое – большое казачье село в Курганской области.

– Жили мы неплохо, – говорит он. Сеяли пшеницу, держали лошадей. Да и как без них? Ведь казак должен был прийти в армию со своим конем, с оружием, в полном обмундировании. Казакам выделялись большие наделы, чтоб могли пахать и сеять, кормить скот, выращивать крепких коней. У нас тоже были две верховых лошади и две или три грузовых. Хозяйство большое и крепкий двухэтажный деревянный дом.

Хозяйство и дом Иван Григорьевич и Мария Ивановна Гавриловы содержали в образцовом порядке. Работали, растили детей. Так бы и дальше им жить-поживать да добра наживать. Но однажды кому-то (кто сверху видит всё) показалось, что добра уже нажито много и пора его отобрать, а Гавриловых вместе с другими кулаками выдворить с родной земли... И вот уже с Южною Урала потянулись обозы куда-то на север.

– Мне тогда было пять лет... Ехали, долго ехали. Привезли нас в лес, выбросили – и всё, будьте здоровы!.. Кругом лес, только лес. Да речка Именная.

Николай Иванович вспоминает, как люди строили жилье: сначала балаган, потом бараки. В бараке печь и множество натянутых веревок с тряпичными перегородками, которые делили эту длинную жилплощадь на «персональные квартиры».

– Чем занимались? Рубили березовый лес, жгли уголь и возили в Теплую Гору на железодобывательный завод. Дрова шли на драги... Жили мы тут недолго. Через полгода нас

перебросили в другое место. В те годы в лесу от Валериановска до Бушуевки было шесть таких поселений...

Потом Николай Иванович вспоминает поселок Федино с бараками-клоповниками, где жили переселенцы. Жили тут, а работали на Ису. Были штукатурами, малярами, печниками – выполняли любую работу, на какую не соглашались местные жители. Отец, Иван Григорьевич, был водопроводчиком, а потом стал начальником парового хозяйства.

Мама, Мария Ивановна, со временем получила работу в детском саду.

В поселке Федино прошли школьные годы Николая Гаврилова. Здесь он окончил семь классов и поступил в школу ФЗО (фабрично-заводского обучения), получил специальность столяра-краснодеревщика. Вспоминает свой успешный экзамен и изготовленное им ложе к винтовке, признанное самым лучшим из всех тридцати трех изделий их группы.

Учились, готовились к жизни, а между тем уже шла война – и многие мальчишки уходили умирать за Родину. Рвался на фронт и Николай, но какой он боец, если в 1941-м ему было только пятнадцать лет? А потом, как хорошему специалисту, ему дали броню. До 1944 года. Но понюхать порошу все же пришлось. Наш столяр-краснодеревщик стал радистом-пулеметчиком. Эту военную специальность он получил в Верхнем Уфалее Челябинской области, в танковой школе. Учились по ускоренной программе, и вот новоиспеченные танкисты отправились в Нижний Тагил.

– Танки отличные, с новой пушкой! – говорит Николай Иванович. – Получили мы их и отправились на запад, догонять наши войска, которые в то время успешно наступали. Летом 1944 года мы достигли границы с Румынией.

Ветеран вспоминает, как отчаянно сопротивлялись отступающие немецкие части. Особенно запомнились Фокшаны. На подступах к этому румынскому городу фашистское командование заблаговременно построило оборонительный рубеж с множеством надолбов, дзотов, противотанковых рвов, прикрытых проволочными заграждениями. Но сопротивление войск противника было сломлено. Когда бои утихли, трудно было представить, что на этом месте находился курортный городок: городок, и вся Фокшанская долина превратились в руины.

– Огромное, необозримое дымящееся поле, усеянное разбитыми танками, самолетами, другой военной техникой. И человеческими телами... Как какой-то страшный музей, – Николай Иванович тяжело вздыхает.

Потом наша армия заняла Бузэу, освободила Галац. В этом городе на Дунае Гаврилову пришлось долго лечиться. Но поврежденные голосовые связки так и не восстановились окончательно. В январе 1947 года с третьей группой инвалидности он вернулся домой, а голос остался на войне.

Вернулся Николай в поселок Ис, где к тому времени его родители уже купили дом. С этим поселком и связаны его первые послевоенные годы. Недавний фронтовик окончил Свердловскую школу киномехаников и стал работать по специальности в клубе имени Артема. Инвалидность с него сняли. «Не Шаляпин, – сказали. – Руки, ноги целы, а голос не главное». Конечно, не главное: ведь Николай не пел, он играл на скрипке и выступал с клубным оркестром. Здесь, в художественной самодеятельности, он познакомился с аккордеонистом Леонидом Ведерниковым из большой и дружной музыкальной семьи. А вскоре они породнились: одна из сестер Ведерниковых, Миля, стала женой Николая.

С той памятной даты, 2 февраля 1950 года, прошло уже шесть десятков лет, а Гавриловым, Николаю и Людмиле, порой кажется, что это было только вчера. Они вспоминают, как начинали совместную жизнь. Николай Иванович рассказывает об Исовском геологоразведочном техникуме, где он выучился на геофизика; говорит о Башкирии, куда был направлен по распределению. Там, в городе Учалы, а вернее – в Учалинской экспедиции работал он три года. С апреля до глубокой осени – в поле, в палатках, в спальнях мешках. Поиски, разведка полезных ископаемых. Сколько километров пройдено мешком, а зимой на лыжах! Увлекательно, интересно, хотя и

нелегко. Но разве испугают трудности, если в твоих жилах течет казачья кровь, а за твоей спиной километры фронтовых дорог? Работал Николай Гаврилов отлично, его портрет был на Доске почета. Одно плохо: очень редко приходилось общаться с семьей, а ведь там подрастали уже четверо детей.

Отцовский долг подсказал решение. А осуществить его помог Качканар, которому нужны были рабочие руки и хорошие специалисты: горно-обогатительный комбинат уже вступил в строй действующих. В 1964 году Николай Гаврилов пришел в КИП, работал слесарем-наладчиком на участке радиоактивных приборов. Зарекомендовал себя как думающий, инициативный человек, автор многих рационализаторских предложений. Этому цеху контрольно-измерительных приборов и автоматики он отдал тридцать лет вдохновенного труда. Из этого коллектива и на пенсию ушел.

Но на заслуженном отдыхе ему не отдыхалось, и Николай Иванович еще много лет работал плотником в стоматологии.

Великая труженица и Людмила Васильевна. Работать она начала в четырнадцать лет. Закончила курсы продавцов и всю жизнь посвятила торговле и общественному питанию. Ее качканарская биография тоже связана с горно-обогатительным комбинатом. На пенсию она ушла из цеха сетей и подстанций.

Сейчас супруги Гавриловы, как говорится, в преклонном возрасте. Но преклоняться перед старостью не собираются. Они бодры духом. Радуются внукам и правнукам, которых в общем счете у них тринадцать. Общаются со своей большой родней. Много читают. В их домашней библиотеке в основном историческая литература и детективы. Миля (так по-прежнему родные зовут Людмилу Васильевну) увлеклась компьютером. Извлекает оттуда много интересного, а также слушает музыку.

– Когда Коли нет дома, я ставлю диск и слушаю русские песни. Очень люблю Михаила Евдокимова! – говорит она.

А Коли часто не бывает дома. Летом он преимущественно в Павде, где у них со сватами большая «fazenda». Работает на земле, отдает ей свой труд, а она, как и вся природа, заряжает его новой силой. А зимой Коля встает на лыжи. Любимый маршрут – до Утянки. Каждый день, в любую погоду.

– По пять и шесть часов ходит, – говорит Людмила Васильевна. – Придет домой – с обледеневших усов вода капает, а он улыбается, счастливый.

И вспомнились мне восторги молодых его спутников, которые не могли догнать Николая Ивановича на лыжне и с трудом верили, что «этому деду уже восемьдесят шесть».

Ну, что ж? Не я сделала открытие, что движение – это жизнь. А «деду» хочу пожелать: пусть и дальше так же уверенно и энергично идет он по жизненной лыжне – и старость его не догонит!

ДАЮ ТЕБЕ ЖИЗНЬ

Реципиент

Он опять умирал. Терялись силы, мутилось сознание. Он погружался в темноту и чувствовал, как вместе с болью из него уходит жизнь... Вот уж и боли нет. Нет ничего...

И было возвращение из небытия. Он открыл глаза – увидел белую палату и красную кровь, которая тоненькой струйкой бежала к нему с высоты капельницы. Там, наверху, она пульсировала: кап-кап. Словно бьется чье-то большое и доброе сердце. И он чувствовал, что к нему опять возвращаемся жизнь.

В который уж раз он рождается заново? Сосчитать трудно. Лучше сказать, что в отделении терапии Владимир Соколов бывает по два-четыре раза в месяц, и без донорской крови он уже не жилец.

В тишине больничной палаты чего только не передумаешь, о чем только не вспомнишь. Не раз память возвращала его в детство и юность, на родную костромскую землю, которая знала Владимира крепким, работающим парнем.

Безотказным работником он был и в Качканаре, куда приехал с семьей в начале 1972 года. Три года отдал Качканарской ТЭЦ, а потом навсегда связал свою жизнь с автотракторным цехом Качканарского ГОКа. Был шофером и трактористом, заменял крановщиков, когда те в отпуске. Жизнь налаживалась, все было хорошо и на работе, и в семье. Вот уж позади десять качканарских лет.

А одиннадцатый, 1983 год, прогремел страшным «салютом». В АТЦ ремонтировали машину «Урал», меняли топливный бак. И произошел взрыв.

– А рядом стоял второй бак, с бензином, - вспоминает Владимир Михайлович. – Досталось и баку, и мне. Моя спецовка загорелась. Ребята стали тушить, поливали меня водой из шланга и из ведер. Подробности я не помню, но сильной боли, кажется, не чувствовал: наверно, был в шоковом состоянии. Но сознания не терял. И когда «скорая» привезла меня в приемный покой, я тоже был в сознании. Узнал врача Васильева: мы водили детей в одну группу. Когда слегка очистили от черной грязи мое обожженное лицо, Валерий Всеволодович тоже узнал меня. «Быстро хирургов сюда! – громко крикнул он. – Хирургов в приемный покой!»

И с этого приемного покоя началась для Владимира Соколова жизнь беспокойная, полная страданий и боли. Ему тридцать пять лет. Две дочери: двенадцати и шесть лет. Жена Нина. Переживал: сколько доставил им горя и забот! Болела душа. Но самой страшной была физическая боль. Лицо, грудь, руки и ноги – все обгорело; сгорело левое ухо. Сколько операций по пересадке уцелевшей кожи на лицо и другие участки! Какие болезненные перевязки! Каких только мазей не перепробовали! А самым целебным, как ни странно, оказалось простое растительное масло, бочковое, вскипяченное.

Сначала качканарская больница, потом ожоговый центр в Свердловске, потом на шесть лет вторая группа инвалидности и ежегодные поездки по осени в Нижний Новгород, в институт травматологии и ортопедии, длительная восстановительная хирургия. И аппарат Илизарова, выправлявший руку, на которой перегорели сухожилия. До конца рука не восстановилась: ладонь по-прежнему кривая и непослушная. Покалеченный, обезображенный, но живой. Владимир благодарен врачам и своей верной и терпеливой жене Нине Анатольевне. И, конечно, донорам. Его физический недуг, с которым больной сражается уже три десятка лет, осложняется низким гемоглобином в крови. И Владимир Михайлович много лет живет только потому, что ему дарят жизнь другие люди. Их так и называют: доноры, что значит дарящие, жертвующие. В годы своей молодости, еще в Костромской области, Володя и сам был таким дарителем, донором. Он уже тогда знал, что без донорской крови врачам не обойтись. Но даже не мог предположить, что когда-то сам станет реципиентом, которому потребуется так много донорской крови. Спасибо вам, доноры!

Доноры

О них мы говорим с Галиной Николаевной Соловьевой.

Вот она, такая молодая и красивая, прибыла в Качканар. Работала в процедурном кабинете, была медсестрой в хирургическом отделении и 29 лет проработала в отделении переливания крови. Она хорошо помнит, как начиналось донорство в Качканаре. Первыми донорами стали медицинские работники.

Город рос. Каждый год в нем рождались маленькие граждане, врачи-хирурги делали сложные операции. А кровь и кровезаменители приходилось доставлять из Нижнего Тагила и Свердловска.

– Привезли? Сколько? – спрашивала главный врач Татьяна Федоровна Молдованова. – В родильном отделении давно уже ждут. И в гинекологическом сегодня тяжелый случай. И хирургам кровь нужна. Что делать будем?

Что делать? Этот вопрос вставал ежедневно.

– Будем брать сами! – решили в хирургическом отделении, где тогда работала Г.Н. Соловьева.

Старшая операционная сестра Галина Ивановна Лсванова, которой до приезда в Качканар приходилось работать в донорском кабинете, смонтировала систему для забора крови, приготовила все необходимое.

– Можно начинать. Кто первый?

Первыми оказались, конечно, сотрудники хирургического отделения: медицинские сестры Нина Николаевна Трифонова и Галина Николаевна Соловьева, санитарка Зоя Александровна Коробова, заведующий отделением Валерий Всеволодович Васильев. В тот день вместе с медицинскими работниками дали свою кровь слесарь цеха автоматике Геннадий Константинович Бондаренко и рабочая станции Качканар Галина Александровна Боровских.

Пробный забор крови прошел удачно. Было это в июле 1967 года. С тех пор в нашем городе началась активная пропаганда донорства. Люди с готовностью откликались на зов медиков и шли в хирургическое отделение. А вскоре для донорского кабинета было выделено специальное помещение. Раз в неделю здесь бывало особенно оживленно: среда была днем донорским.

– Качканарцы были большими патриотами, – говорит Галина Николаевна и вспоминает Геннадия Бондаренко.

Думаю, многие жители нашего города хорошо знают этого человека энергичного, закаленного, который и зимой ходит раздетый. Так вот он, будучи уже Почетным донором, пришел, как обычно, в донорский кабинет. А кровь у него не взяли.

– Так ведь вам, Геннадий Константинович, шестьдесят лет, а после шестидесяти кровь уже не берем, – сказали мы ему. Донор расстроился, убеждал нас, просил, но напрасно. Так и ушел, огорченный, даже возмущенный... А сейчас, по-моему, берут кровь и после шестидесяти, – говорит Галина Николаевна.

Она рассказывает о медиках, среди которых немало Почетных доноров. Это врачи Н.П.Миллюц, О.А.Гончарова, А.А.Зимица, старшая медсестра больницы Т.А.Зелентина, секретарь главного врача Т.Д.Ряпосова и другие. Да и сама Галина Николаевна давно носит это почетное звание. О донорах она может рассказывать бесконечно и говорит о них с большой теплотой.

– Мама знает всех доноров по группе крови, – подключается к разговору Алена. – Встретит на улице, узнает, фамилии может не вспомнить, а группу крови назовет безошибочно.

– Да, – подтверждает мама. – Вот сейчас хожу па кладбище к мужу, вижу на памятниках знакомые лица и фамилии – вспоминаю их живыми и, конечно, знаю группу крови каждого.

Она вспоминает, как по первому зову, по звонку среди ночи поднимались доноры, чтобы спасти чью-то жизнь.

– В тяжелых случаях мы делали и прямое переливание крови. Тогда было проще: мы знали, что доноры-медики и другие наши кадровые доноры здоровы, проверены. Тогда ведь не было наркоманов и ВИЧ-инфицированных, не было еще таких опасных болезней, какие могли передаваться вместе с донорской кровью.

– Да, сейчас сложнее. Сейчас кровь изучается более подробно и только после тщательных лабораторных исследований поступает на службу здоровья, – говорит старшая медсестра отделения переливания крови Татьяна Витальевна Шик.

Вместе с ней работают операционная сестра Надежда Ивановна Долгих, биолог Галина Васильевна Гончарова (тоже Почетный донор), медрегистратор Галина Сергеевна Лысова, санитарка Елена Витальевна Шувалова и заведующий отделением Юрий Сергеевич Баранов.

Они показали мне типовую карту донора. В ней много вопросов. Об общем состоянии здоровья. Каково сейчас самочувствие? Употребляли ли пищу за последние четыре часа? Употребляли ли алкоголь за последние 48 часов? Принимали ли лекарства за последний месяц и какие? Потом за последние полгода. Производились ли вам инъекции лекарств? Прокалывали вам уши, делали ли акупунктуру или татуировку? Подвергались ли вы хирургической операции? Были ли в контакте с больными гепатитом, желтухой? Выли ли у вас когда-нибудь или недавно потеря веса, ночные поты, обмороки, кроводачи? Состоите ли вы на диспансерном учете? И много других вопросов, и дополнительно для женщин. *«Я правильно ответил на все вопросы и полностью осознал значимость этой информации для моего здоровья и здоровья вольного. Я осведомлен о том, что за сокрытие сведений у меня ВИЧ-инфекции или венерического заболевания я подлежу уголовной ответственности»*, – подтверждает в завершении донор, ставит дату и свою подпись. А еще есть памятка, что можно и чего нельзя употреблять в пищу.

Вот направление в поликлинику, в санэпидстанцию – для тщательного обследования. А вот и значок «Почетный донор России» с изображением красного креста и капельки крови, такой маленькой и такой всемогущей. Кстати, сейчас в Качканаре 316 Почетных доноров. В основном это уже солидные люди, такие, как Владимир Вячеславович Исупов, но немало и таких, как Роман Сулейманов, которому нет еще и тридцати лет.

Безымянными героями называет доноров **Татьяна Семакина**

*Скромные герои наших дней,
Щедры поделившись кровью,
Стали вы поистине родней
Людям-побратимам по здоровью.
Пусть не все больные знают вас –
Избранных спасителей планеты,
Но дороже золота подчас
Чью-то жизнь продлившие пакеты.
В них имеет цену каждый грамм,
Знает это правило больница.
Многие теперь приходят в храм,
Чтоб за вас тихонько помолиться,
Пламя благодарственной свечи –
Приз за избавление от боли.
Кровь дают медсестры и врачи,
Часто выступая в этой роли.
Ведь они бывают ближе всех
К тем, кто ожидает исцеленья.
«Не помочь нуждающимся – грех», –
Популярный лозунг населения.
Действуете вы без лишних слов
В обстановке русского экстрима,
Быстро откликаетесь на зов
И встаете рядышком незримо.
Вряд ли кто-то в мире подсчитал,
Сколько литров крови вы отдали.
Не изобрели еще металл,
Чтоб отлить для доноров медали.
И пускай неслишком велика
Протяженность донорского строя,
Будет помнить мир наверняка
Подвиг неизвестного героя!*

Небольшой коллектив отделения переливания крови делает большое, ответственное дело. Здесь идеальная чистота. Огромная картотека, в которой дружно стоят разделенные и объединенные по группам крови карточки, готовые в любой момент стать живыми людьми и пойти на помощь больному. В картотеке до четырех тысяч доноров. В течение года приходится обращаться за помощью примерно к одной тысяче.

– Мы всегда рады донорам и очень благодарны им, но забор крови сейчас ограничен. Вел и раньше мы заготавливали до 700-800 литров крови в год, то сейчас всего 500 литров, говорит Татьяна Витальевна. – И мы огорчаемся вместе с донорами, когда приходится им отказывать.

«Отделение заготовки крови №1 при городском бюджетном учреждении здравоохранения Свердловской области «СПК №3» г. Нижнего Тагила» – таково теперь полное название нашего отделения переливания крови.

Относимся к Нижнему Тагилу, заготовка крови сокращена (чтобы не выбрасывать ставшую лишней и негодной), но суть остается неизменной.

Как и прежде, в донорские дни (сейчас их два: понедельник и вторник) спешат по известному адресу качканарские доноры, чтобы дать свою кровь и подарить кому-то жизнь.

ЗНАНИЯ ПРИХОДЯТ ЛИШЬ ПРИ ГОТОВНОСТИ ДУХА

– Для нас многое в ней – тайна, хотя нет человека более открытого.

Так несколько лет назад сказала Лариса Станиславовна Сергеева, завуч школы имени К.Н.Новикова. Это – о Татьяне Ивановне Гусевой.

Она вошла в класс – и школьники замерли в радостном ожидании. С самой первой встречи они почувствовали и открытость, и таинственность этого учителя, так непохожего на других. А в следующую минуту уже забыли, что идет урок: это была встреча друзей, интересный, доверительный разговор, это было прикосновение к прекрасному. И ребятам захотелось войти в этот мир, за таинственной дверью которого – они чувствовали – их ждет много открытий.

Дети не ошиблись. Каждый урок литературы уводил их далеко, за рамки школьной программы, в тот удивительный мир, где великие живописцы создавали свои полотна, а композиторы-классическую музыку; где были поэзия и научно-популярная литература, журнальные и газетные сообщения и просто занимательные и поучительные истории. Увлеченно, активно работали ребята и на уроках, и на занятиях литературного кружка. Открывая новое, они открывали и себя, учились верить в свои возможности как верила в них Татьяна Ивановна, которую они боготворили.

– Нас, ее коллег, поражает мощная концентрация духовности в одном человеке, способность открыть душу детям, – говорила тогда Лариса Станиславовна. – Дети платят ей безграничной любовью. Ее увлечения трудно перечислить: играет в волейбол за сборную школы, переплывает качканарское «море», зимой купается в проруби; Татьяна Ивановна пишет стихи, посещает все концерты классической музыки, любит молодежный театр «Эдельвейс», всегда знает о новинках литературы, и, наконец, она страстный садовод-огородник.

Все, кому посчастливилось работать рядом с Т.И. Гусевой, отмечали ее трудолюбие, добросовестность и честность. А еще коллег поражал вселенский масштаб мышления этой земной женщины, которая во всем ищет глубинный смысл и умеет связать вечность с проблемами сегодняшнего дня.

Энциклопедические знания и свою большую душу несла Татьяна Ивановна и на родительские собрания. Там не было ни сетований, ни претензий. Это были интересные встречи, на которых взрослые делали много открытий о детях своих и о себе, о своих родительских возможностях. Уходили вдохновленные и просвещенные, потому что на

каждом собрании Татьяна Ивановна несла им новые знания, расширяющие кругозор, повышающие культуру. Папы и мамы были счастливы, что у их детей такой замечательный классный руководитель.

А в чем ее секрет как классного руководителя и как учителя? В большой любви к детям.. Об этом говорить и писать можно много. Скажу лишь об одном, сразившем меня наповал. Это стихи, сотни стихов, которые учительница посвятила своим воспитанникам буквально каждому, по разным поводам: будничным и праздничным, торжественным – теплые поздравления и пожелания. Любовь, добро, красота – этому учила она своим словом и делом, готовя души ребят к новым открытиям, к радостному восприятию знаний. «Дети, давайте не будем делать гадости для радости. Нельзя жить по принципу: я, мне, для меня». Она учила жить для других, нести людям любовь, добро, красоту.

Пусть будет в человеке доброта,

Пусть в каждом будет уваженье к людям.

А десять школьных лет – ступенька та:

Сойдешь легко, а сердце не забудет.

Уйдя из школы в начале пенсионного возраста, Татьяна Ивановна унесла ее в своем сердце и по-прежнему остается мудрым учителем, просветителем. Теперь ее просветительским центром стал клуб «Альтернатива». Качканарцы хорошо знают это низенькое здание по соседству с Дворцом культуры. Кстати, свои лекции Т.Н.Гусева начинала читать во Дворце. Но очень скоро ее спросили: «Вы нам не платите?» Ну что тут поделаешь, если наш Дворец в новых экономических условиях все больше ратует за культуру торговли! И не оказалось иной альтернативы, кроме этого технического клуба, давно уже прописавшегося в здании бывшей котельной.

И вот уже много лет, начиная с октября, в третье воскресенье каждого месяца спешат к Татьяне Ивановне ее благодарные слушатели. И открывается перед ними огромный мир! Сонеты Шекспира и притчи Расула Гамзатова. Художники Врубель и Леонардо да Винчи. Игорь Моисеев и его ансамбль танца. Святые Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Мать Тереза. Особый сказ – о матерях, о материнской любви, о высоком предназначении женщины-матери. Добро и зло. Психология счастья. Богата и разнообразна тематика лекций. Слушают лектора завороченно. Секрет прост: глубокие знания и умение владеть аудиторией. Еще в советские времена, когда существовало Всесоюзное общество «Знание», Татьяна Ивановна, как активный его член, часто выступала на предприятиях и в организациях города. И даже в ЛТП! Даже у людей, загубленных «зеленым змием», загорались глаза, пациенты внимательно слушали стихи Есенина и вели с Татьяной Ивановной серьезный разговор о жизни и людях, о человеческих слабостях и возможностях.

Также горят глаза и активно работает мысль у нынешних слушателей Т.Гусевой. «Каждый, кто пришел к нам, – говорит она, – должен уйти с радостным открытием». А открытий за много лет сделано немало. Кто есть человек? Кто мы и откуда родом? Как рождалась Русская земля? Как жили и во что верили наши предки? От Руси ведической к современной России и всему человечеству ведет Татьяна Ивановна своих слушателей.

А начинала с Николая Рериха, своего кумира и Учителя. Ему, живописцу, театральному художнику, археологу, путешественнику и писателю, были посвящены ее первые лекции. Потом - его сыновьям: философу и востоковеду Юрию и живописцу Святославу.

В школах начался новый учебный год. У Татьяны Ивановны – тоже. И вновь ведет она своих слушателей дорогами высокой духовности и красоты. А по утрам спешит на стадион, где уже четвертый год под ее руководством работает клуб «Радость». В понедельник и четверг – оздоровительная гимнастика, вторник и пятница – бассейн, среда – волейбол во Дворце спорта. И, конечно, ходьба или бег трусцой, а зимой коньки и лыжи – по увлеченности и возможностям каждого. Говорю о возможностях, ибо люди в клубе в основном немолодые. Но с каждым занятием они все больше верят в свои силы. Ведь каждый понедельник уже с разминки настраивает их на добрый лад. Как речевку, в такт

шагам дружно и громко скандируют: «Я желаю всем счастья! Мы любим весь мир! Мир любит нас!» Повторяют много раз – и настроение повышается, личные проблемы отступают, приходит ощущение радости движения, радости жизни. И хочется быть в ладу с собой и со всем миром. Обогащает людей уже само общение с Татьяной Ивановной.

- Как хорошо, что она она есть!
- Спокойная, выдержанная, красивая. И всегда с доброй улыбкой.
- Такая умница, так много знает!
- Но не зазнается. Простая, доступная, понятная.
- И в то же время особенная, необыкновенная, загадочная...
- И откуда берутся такие люди?..

Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. И обратимся к детству, поскольку человек начинается с детства.

Детство Тани Фарафоновой прошло в Кирове. Учились она в школе №22, одной из лучших в городе. Бывшая Мариинская гимназия, при которой была церковь, теперь честно служила советским детям. Просторные церковные помещения стали спортивным залом. Спортом в школе были увлечены все. Таня занималась гимнастикой, коньками и успешно выступала в соревнованиях за «Динамо».

Школа своим фасадом выходила на большую Театральную площадь. Справа – драматический театр, слева – художественный музей. Такое благоприятное соседство! И Таня рано приобщилась к миру искусства. Посреди площади был большой сквер с фонтаном. Рядом с драмтеатром – эстрада, где по вечерам играл духовой оркестр. Далее Дом политпросвещения, а за сквером, напротив школы – Дом Союзов. В Доме политпросвещения Таня любила бывать особенно в дни выборов, которые походили на праздники. Можно было полакомиться сладким и посмотреть интересный концерт в переполненном зале.

А еще она любила детский театр «Аполло». Он находился недалеко от Театральной площади, в саду, который тоже назывался «Аполло». Там было много развлечений, игривых комнат. А зимой дорожки сада заливались – и по ним не ходили, а катались на коньках. Мы уже знаем, что Татьяна любила коньки, любила спорт. Да и как его не любить, если учительница физкультуры Валентина Сорокко играла на рояле, если этот рояль стоял в школьном спортивном зале и если каждый урок физкультуры начинался под музыку.

Как не любить школу, в которой работали замечательные педагоги! Татьяна Ивановна увлекалась математикой и до сих пор помнит все формулы только потому, что была в ее жизни Олимпиада Михайловна. А Агнесса Михайловна научила заглядывать в прошлое, анализировать его и привила глубокий интерес к живописи: почти каждый урок истории сопровождали репродукции картин художников. Училась Татьяна с интересом, ей все хотелось знать, до всего докопаться. Дома она зачитывалась энциклопедией, еще дореволюционного издания, в 38 томах, которые были в семье Фарафоновых.

«Знания приходят лишь при готовности духа». Тогда она еще не знала этого мудрого высказывания Рериха. Но уже тогда ее дух был готов к познанию.

А сила духа шла от семьи. Папа, Иван Иванович, офицер МВД, убежденный трезвенник, хорошо играл на гитаре и пел. Он был также талантливым фотографом, даже сам изобрел фотоаппарат. Мама, Александра Михайловна, работница художественного музея, была большая мастерица. Детей родители учили всему, что умели сами, и рано приобщили к музыке. Особой строгости, вспоминает Татьяна Ивановна, не было, но безделья не допускали. Если ничем не занят, руки свободны, значит, должен читать. Дети (три сестры и брат) росли любознательными, трудолюбивыми, занимались в кружках и спортивных секциях, во всем помогали дома.

Жили Фарафоновы в скромном деревянном доме в два этажа, настолько скромном, что окна первого этажа были на уровне земли. Но двенадцать семей, населяющие этот приземистый дом, не были приземленными. Это были светлые и щедрые люди, которых

не омрачало коммунальное жилье. Доброта, дружба, взаимовыручка объединяли и взрослых, и детей. Собирали книги и создавали общую библиотеку, назначали библиотекаря. Вместе делали утреннюю зарядку. Умели умножить радость соседей и разделить их горе. И праздновали вместе, без роскоши, но весело, с выдумкой и достойно.

А достоинству Татьяна училась в первую очередь у своих родителей, спокойных, добрых, мудрых. У них никогда не было размолвок – в семье царила любовь.

И Татьяна любила свою семью, свой коммунальный дом, свою школу и родной город, гордилась своей Родиной. Впрочем, чувство гордости за свою страну было тогда общим, всенародным. Вспоминает, как 12 апреля 1961 года ликовали все советские люди, А они, 10 «а» класс Кировской школы №22, дружно сбежали с уроков на почту, чтобы отправить телеграмму Советскому правительству и выразить свою радость и гордость по поводу космического полета Юрия Гагарина.

Вот так росла простая девочка, познавая радость открытий и роскошь человеческого общения. С этим багажом и вышла она в большую жизнь. А жить начиналась прямо за школьным порогом, где Татьяну уже ждала работа. Сначала сборщицей на заводе закрытого типа, выпускающем приборы для самолетостроения; потом в городе Зуевке – учителем физкультуры, затем истории, русского языка и литературы. Работала и училась заочно в Кировском педагогическом институте.

В Качканар Татьяна Ивановна приехала в 1973 году – с десятилетним педагогическим опытом, с дочками: десятилетней Наташей и годовалой Улей. И город юности приобрел Учителя с большой буквы, которому вскоре было доверено руководить методической секцией учителей русского языка и литературы. Уже давно позади бытовые трудности первых качканарских лет. Сейчас у Татьяны Ивановны и Виктора Алексеевича трехкомнатная квартира. Старшая дочь Наташа живет и работает в Москве, а Уля – в Германии. Вместе с Ульяной Татьяна Ивановна побывала в Германии и Австрии, во Франции и Чехии, на Мальдивах. Сын мужа Дмитрий живет и работает Качканаре. У Гусевых четверо общих внуков, встречи с которыми – это обоюдная радость и духовное обогащение. Весной и летом Татьяна Ивановна и Виктор Алексеевич с удовольствием работают в саду. Квартира их под стать хозяевам: добрая и приветливая, скромная и красивая. И, конечно, умная. Главное богатство в ней – картины (их более двадцати) и домашняя библиотека, в которой более тысячи книг.

Давайте зайдём в кабинет Татьяны Ивановны. Шкафы и полки с книгами. Литература художественная, научная, учебная. Пятьдесят больших красочных альбомов из серии «Великие художники», папки с лекционными материалами, тетради и ежедневники с записями и пометками, газетные и журнальные вырезки – да чего только нет! С портретов смотрят на нас Ахматова, Пушкин и, конечно, Рерих. На противоположной стене – портрет Елены Ивановны, жены и сподвижника Николая Константиновича Рериха. А также картины Рериха с удивительным сочетанием красок, которые, признается Татьяна Ивановна, действуют на нее умиротворяющее. У окна – рабочий стол, а на нем верный помощник компьютер с интернетом – источником новых знаний.

Здесь Татьяна Ивановна работает и учится, каждый день узнает новое и делает открытия. «Потрясена, насколько интересно жить!» – признается она. Это ощущение полноты жизни она несет людям – на стад ион ли идет, или с новой лекцией в одну из комнат «Альтернативы». Идет к людям, помня заветы матери Терезы: «Умейте делиться счастьем! Побуждайте в людях хорошее!» Идет к людям с мыслями о своем великом Учителе Николае Рерихе, который мечтал о том, чтобы люди настолько наполнили свою жизнь чувством прекрасного, что из нее совершенно исчезло бы все безобразное, и люди постоянно жили бы энтузиазмом Красоты.

Татьяна Ивановна Гусева несет людям знания, красоту, культуру – бескорыстно, бесплатно, с удовольствием. В этом видит свое высокое предназначение простая, открытая миру и все же таинственная женщина.

ОТКРЫТАЯ КНИГА ТАЙГИ И ТРУДА

Так в одном из своих стихотворений Людмила Андреева назвала качканарский музей.

Фундамент – бутобетонный, кладка – шлакоблочная, чердачные перекрытия – деревянные, кровля – металлическая. Вот такой скромный одноэтажный дом. Памятником архитектуры не является. Но его стены бережно хранят качканарскую память.

Как же получилось, что это здание, рожденное в 1961 году для пятого строительного управления, через сорок лет стало музеем? Воля истории? Судьба? Желание качканарцев? И то, и другое, и третье. Да где же и быть музею, если не у самых истоков Качканара? Ведь здесь начиналась биография города юности. Именно здесь тайга встретила юных романтиков и лес расступился перед ними, чтобы со временем стать парком, музеем под открытым небом.

Именно сюда в середине 80-х годов привела я ребят из Алапаевска. Они, советские школьники, решили дать своему пионерскому отряду имя Я.М.Свердлова. И чтобы отстоять, защитить такое право, ребята приехали в наш город, где есть улица Свердлова и горно-обогачительный комбинат имени Я. М.Свердлова. И вот мы с пионерами в парке Строителей читаем «открытую книгу тайги и труда». Первая строка этой книги, написанная на невысокой тумбе, говорит о том, что 27 мая 1957 года на этом месте начинался город Качканар. А рядом с тумбой главный экспонат музея под открытым небом – три белые бетонные палатки как память о трудовом подвиге первостроителей и их палаточном городке.

Вот он, этот городок (показываю старую фотографию) два десятка белых брезентовых палаток. Мысленно проходим с экскурсантами по городку, заглядываем в палатки. В каждой из них два десятка кроватей и печка-буржуйка. Она весело потрескивала, чтобы согреть ребятам душу и тело, чтобы в морозную ночь их спины не примерзали к брезентовым стенам жилища. Такое случалось. Случались в палатках и пожары. А на улице тоже была печь, не буржуйка, самая настоящая, большая-пребольшая печь. Давайте подойдем к ней, приложим ладони к ее теплым кирпичным бокам, вдохнем аппетитный запах из кастрюлек и чугунков на горячей плите. А потом заглянем в столовую под навесом, похожую на покосный стан с длинными дощатыми столами и такими же длинными скамейками. Давно уже нет ни печки, ни столовой.

А мы подошли к следующему экспонату музея-парка, к танцевальной площадке. В пору первостроителей она была деревянной. Свежие доски сверкали своей белизной на зеленом травянистом поле. От палаток тянулись деревянные тротуары. Новенькие, они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки. По вечерам здесь играла гармошка, звучали песни и в танцах кружились пары.

Продолжаем путь по периметру парка. Вот за прозрачной оградой скромный одноэтажный дом, которому суждено будет стать музеем. А пока это контора строителей-отделочников. Дальше на высоком постаменте бюст Ленина. Да и как же без этого памятника: ведь город юности в уральской тайге построил Ленинский комсомол!

Далее мы видим деревянную эстраду и скамейки в несколько рядов. А еще большое полукруглое, в виде ангара, здание, примыкающее к парку. Вот примерно в этом уголке парка, вернее – в палаточном городке первостроители смотрели кино. Сначала – под открытым небом. О том, как это было, рассказал уральский поэт Лев Сорокин.

Качканарское кино

*Когда сказать о честности мне надо,
О первых качканарцах говорю...
Зарылись в темень горные громады,
Закрыв собой вечернюю зарю.
Все складочки расправив на экране,
Механик зычно объявил звонок.*

*И качканарцы ждут, чтоб на поляне
 Застрекотал кузнечиком движок.
 А фильм сегодня о делах сердечных!
 Ну а вокруг не стены, а леса
 И звездами прибитые навечно,
 Мерцающие низко небеса.
 Со всех, сторон входи – и в кинозале,
 Какой захочешь, занимай пенек.
 Но только все билеты покупали
 И сдачу брали, кто какую мог.
 Кассиры сами, сами контролеры –
 Так кто же здесь способен на обман?
 Из-за лесов заглядывали горы
 На светлый оживающий экран.
 Ворчал беззлобно за спиной кто-то,
 Что кинофильм опять безбожно стар.
 Сгрэбал механик выручку без счета:
 Чего считать? Ведь это – Качканар!
 Но до конца сеанса парень рядом
 Держал билеты, смятые давно...
 Мне говорить о честности не надо:
 Я помню качканарское кино!*

Потом кино смотрели в клубе, сооруженном из двух палаток, а позднее – под куполом просторного ангара, ставшего впоследствии спортивным залом. А в 1963 году открылся настоящий кинотеатр «Юность» – красивый, просторный, с двумя зрительными залами. Он буквально в нескольких шагах от парка.

Мы с моими экскурсантами вновь подходим к каменным палаткам, покидаем парк и оказываемся на площади. Прямо перед нами «Юность», а за спиной здание городской администрации. Поднялись по ступенькам, остановились у входа. Оглядываем площадь, которую я тоже назвала бы экспонатом нашего музея под открытым небом. Сейчас здесь административный центр. А в первые качканарские годы, без этого современного здания, площадь была еще больше – не площадь, а стадион, отделенный от проезжей части невысокой кирпичной стеной. В зимнее время здесь был хороший каток! Сейчас о нем ничто не напоминает, он остался лишь в памяти первых качканарцев. Зато венчающая площадь высокая стела - яркое напоминание потомкам о трудовом подвиге первостроителей: на стеле орден Трудового Красного Знамени, которым награждена комсомольская организация Качканара за строительство города и горно-обогатительного комбината.

Экскурсия на комбинат предстояла моим гостям завтра. А сегодня от площади, от этого ордена на стеле мы прошли по улице Свердлова, поднялись на гору Долгую. Отсюда, от телевышки, ребята увидели тайгу, упирающуюся в горизонт; гору Качканар и «море» у ее ног; и наш город – светлое ожерелье Долгой горы. Вместе с домами мы обогнули ее и, спустившись с другой стороны, вышли к кинотеатру «Юность» и к площади.

Это было в середине 80-х годов прошлого века. С тех пор многое изменилось. Кинотеатр, построенный в прекрасное время, когда высоко ценились духовность и культура, превратился в торговый центр «Кировский», который поглотил оба зрительные зала и предлагает теперь качканарцам пищу для желудка. В парке Строителей пролегли асфальтовые дорожки. По одной из них, самой широкой, в праздники и в будни идут мои земляки к заветному месту. Там, где раньше на постаменте возвышался бюст Ленииа, теперь находится мемориал, увековечивший память качканарских мальчишек, погибших в Афганистане и Чечне. Неподалеку – военная техника как напоминание о войнах в наши мирные дни. А наша площадь, одетая недавно в мелкую плитку, стала почти что красной.

Под плитами этой площади, рядом со стелой, и находится сейчас «капсула времени» с нашим посланием потомкам.

И совсем не случайно административное здание выросло на этой площади, рядом с парком, где когда-то под сенью вековой тайги в летний зной и зимнюю стужу, в бытовом неуюте и дерзновенных мечтах Качканар начинал свою биографию, свою историю, свидетелем и участником которой был скромный одноэтажный дом, на фасаде которого теперь написано: «Качканарский историко-краеведческий музей».

Решение о его создании было принято исполкомом городского Совета народных депутатов 1 декабря 1991 года. А 8 октября 1992 года состоялось официальное открытие нашего музея как филиала Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. В этом статусе существовал он без малого девять лет, а с 1 июня 2001 года стал структурным подразделением городского Центра досуга. С тех пор его работа заметно оживилась. Большой интерес вызывает зал, где представлен животный и растительный мир нашего края. Никогда не пустует и выставочный зал. А в зале боевой славы проводятся уроки мужества, дни памяти, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и воинами-интернационалистами. Но главный зал музея - «Из истории города Качканара».

*Вьется легкая к дому тропинка,
И встречает со скрипом крыльцо.
Вся история в строгих картинках
И ее молодое лицо.*

Восторженно воспевают музей Людмила Андреева. Но экспонаты, эти «строгие картинки», к сожалению, пока еще очень слабо отражают славную историю Качканара, который начинался как Всесоюзная ударная комсомольская стройка.